

КНИГА

ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХЪ.

Книга Притчей Соломоновыхъ въ еврейской Библии помѣщается въ третьей части библейскаго канона, среди такъ называемыхъ *кетубим* или агіографовъ, и въ ряду ихъ занимаетъ второе мѣсто—послѣ книги псалмовъ и предъ книгою Іова. Еврейское названіе книги Притчей: *Мишле-Шеломо* (משלם שלם) или обычнѣе просто *Мишле*, какъ и греческое LXX-ти: Παροιμίαι Σαλωμώντος, и латинское Вульг.: Parabolae Salomonis или liber proverbiorum и под. указываютъ на преобладающую форму изложенія этой священной книги, содержаніе которой составляютъ именно *притчи*, т. е. въ большинствѣ случаевъ отрывочныя, афористическія, иногда же связныя, въ послѣдовательномъ порядкѣ (обнимающемъ цѣлые отдѣлы) изложенныя изреченія, въ которыхъ предлагаются то умозрительныя истины—главнымъ образомъ религіознаго свойства, напр. о Богѣ, Его свойствахъ, Его міроуправленіи, о Божественной (Ипостасной) Премудрости и проч., то—чаще всего разнообразныя правила практической мудрости, благоразумія и благоповеденія въ жизни религіознонравственной, общественной, семейной, трудовой, хозяйственной и т. д., то—иногда—опытныя наблюденія надъ ходомъ жизни, дѣлъ и судебъ человѣка и міра; словомъ „притчи“ обнимаютъ или захватываютъ всю совокупность вопросовъ знанія и жизни, представлявшихся наблюденію и размышленію древняго еврея—теократа, въ своемъ духовномъ складѣ опредѣлявшагося закономъ Моисеевымъ и своеобразнымъ характеромъ древнееврейской ветхозавѣтной исторіи. Основное значеніе еврейскаго *машал*: сравненіе, подобіе, т. е. рѣчь не съ буквальнымъ только смысломъ, но и съ переноснымъ, рѣчь, въ которой явленіе напр. нравственнаго міропорядка уясняется чрезъ сравненіе съ явленіемъ міра физическаго (ср. Іез. XVII, 2. XXIV, 3. Притч. XXV, 11). Сравненіе при этомъ принимаетъ неодинаковыя формы, откуда и получаются различныя виды притчей: 1) притчи *синонимическія*: вторая

половина стиха повторяетъ мысль первой, только въ нѣсколько другой формѣ (Притч. XI, 15, XV, 23 и др.); 2) *антитетическія*: въ нихъ второе полустіише выражаетъ обратную сторону данной въ первой строкѣ истины, или прямую противоположность ея (X, 1. 4; XVIII, 14); 3) притчи *параболическія*, соединяющія въ себѣ элементы притчи синонимической и антитетической: онѣ представляютъ нѣчто сходное въ совершенно различныхъ родахъ явленій, особенно явленій этическихъ и физическихъ, при чемъ первая строка стиха представляетъ какой-либо штрихъ изъ картинъ природы, а вторая—какую-нибудь этическую истину. первое полустіише представляетъ, такъ сказать, аллегорическую картину, а второе—объяснительную подпись къ ней (напр. XI, 22. XXV, 11).

Изъ такой искусственной формы притчей само собою слѣдуетъ, что онѣ отнюдь не могутъ быть отождествляемы или сближаемы съ народными пословицами, какихъ много бываетъ у всякаго народа (у грековъ: собраніе притчей семи мудрецовъ, поэтовъ и Пивагора; у римлянъ—Катона, Ю. Цезаря), особенно же было много у народовъ древняго востока, напр. у арабовъ (собранія притчей, какъ произведеній народной мудрости, у арабовъ были извѣстны подъ именемъ—Абу абайда и Майдани). Напротивъ, въ собраніи притчей Соломоновыхъ даны опыты именно одного или нѣсколькихъ мудрецовъ—обнять истины религіи или общѣе—мудрости въ примѣненіи къ возможнымъ многообразнымъ частнымъ случаямъ жизни и выразить ихъ въ краткихъ, остроумныхъ и удобозапоминаемыхъ изреченіяхъ (ср. Толков. Библ. т. II, стр. 383), которыя, не имѣя тѣсной логической связи между собою, располагаются лишь во внѣшней связи другъ съ другомъ.

Хотя безспорно, что „притчи“ суть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, продуктъ субъективнаго творчества мудреца, продуктъ самодѣятельнаго упражненія мудреца въ законѣ, но однако совершенно не допустима мысль нѣкоторыхъ западныхъ библеистовъ, будто мудрость книги Притчей не имѣетъ связи съ религіею народа Божія, даже стоитъ въ противорѣчьи съ нею: напротивъ, религія составляетъ основную почву всѣхъ изреченій книги Притчей, законъ Моисеевъ—основное предположеніе всѣхъ нравоучительныхъ и др. идей этой книги; откровеніе Божественное—неизмѣнный источникъ всей богопросвѣщенной мудрости священнаго приточника. Отсюда притчи Соломоновы отъ другихъ восточныхъ притчей отличаются именно своимъ религіознымъ направленіемъ и отпечатлѣвшимся на нихъ характеромъ откровенія, изъ котораго онѣ проистекаютъ, а вслѣдствіе этого—характеромъ чистоты, опредѣленности и безошибочности, съ какими здѣсь поняты всѣ отношенія жизни и возведены къ познанію опредѣленнаго Богомъ назначенія человѣка.

Совокупность изреченій, содержащихся въ книгѣ Притчей, составляетъ такъ называемую „мудрость“, евр. *хохма*. Эта мудрость, изрекаемая разными мудрецами, есть самостоятельная и самодѣятельная Сила, говоющая чрезъ мудрецовъ, дающая имъ и всѣмъ вѣдѣніе

откровенной истины (XXIX, 18; „безъ откровения свыше народъ не обузданъ, а соблюдающій законъ блаженъ“). Все ученіе книги Притчей есть слово Іеговы или законъ Іеговы; частнѣе, оно исходитъ отъ лица вѣчной Премудрости, сотворившей міръ (VIII, 27—30; см. III, 19), и еще до творенія міра бывшей у Бога (VIII, 22—26), всегда близкой къ сынамъ человѣческимъ (VIII, 31), въ Израилѣ же нарочито, всенародно проповѣдующей во всѣхъ мѣстахъ общественныхъ собраній (I, 20—21. VIII, 1—4), выслушивающей молитвы просящихъ (I, 28), изливающей духъ мудрости на принимающихъ ее (I, 23), словомъ—личной или ипостасной Премудрости Божіей.

Существенный характеръ мудрости, которой научаетъ книга Притчей, какъ и вся такъ называемая хокмическая священная библейская письменность (нѣкоторые псалмы: XXXVI, XLIX, LXXII..., книга Іова, кн. Екклесіаста, кн. Іисуса сына Сирахова), слагается изъ двухъ основныхъ чертъ. Эта мудрость, во—первыхъ, всецѣло зиждется на религіозной основѣ и есть въ существѣ своемъ истинное боговѣдѣніе и богопочтеніе: „начало мудрости—страхъ Господень“ (I, 7); „начало мудрости—страхъ Господень, и познаніе Святаго—разума“ (IX, 10). Мудрость эта, во вторыхъ, имѣетъ прежде всего и главнымъ образомъ практическій характеръ: тогда какъ въ пророческихъ писаніяхъ весьма много мѣста удѣляется рѣчамъ о судьбахъ народа Божія, о его вѣрованіяхъ и пр., въ книгѣ Притчей весь этотъ теоретическій элементъ является лишь основою, предположеніемъ всѣхъ сужденій свящ. писателя, главный же предметъ его рѣчи всегда образуетъ практическая жизнь теократическаго общества и отдѣльнаго члена его по руководству закона Іеговы. Существуетъ *путь Господень*—и этотъ путь—*твердыня для непорочнаго, и страхъ для дѣлающихъ беззаконіе* (X, 29). Источникъ всякой истинной мудрости—въ законѣ Іеговы: „Отъ Господа направляются шаги человѣка; человѣку же какъ узнать путь свой?“ (XX, 24). Соотвѣтственно тому, слѣдуютъ-ли люди пути Іеговы или уклоняются отъ него, все человѣчество раздѣляется на мудрыхъ и глупыхъ, т. е., расположенныхъ къ принятію закона Божія и слѣдованію путемъ его,—людей благочестивыхъ, и—пытающихся на мѣсто общей для всѣхъ воли Божіей поставить свою частичную волю и тѣмъ нарушающихъ гармонію міра, людей нечестивыхъ и грѣшныхъ (см. напр. X, 23). При этомъ, неизбѣжнымъ, по суду Божію, слѣдствіемъ добродѣтели является благо и счастье, а нечестія и грѣха—всякаго рода бѣдствія (см. напр. XII, 21; XXI, 18). Изъ этого основного принципа истекаютъ всѣ многочисленныя наставленія книги Притчей, обнимающія все разнообразіе жизненныхъ и житейскихъ отношеній человѣка. Въ цѣломъ совокупность изреченій книги Притчей представляетъ собою какъ бы особенное нравственное законодательство, параллельное законодательству Моисея. Но если книги Моисея, по самому назначенію своему въ качествѣ законоположительныхъ книгъ, обращаютъ преимущественное вниманіе на развитіе національныхъ формъ гражданской и

религіозной жизни евреевъ, какъ исключительно богоизбраннаго народа, то законодательство книги Притчей стоитъ на универсальной точкѣ зрѣнія (въ цѣлой книгѣ ни разу не упомянуто имя Израиля) и ставитъ цѣлю, рядомъ съ специфическими чертами библейскаго еврейства, развивать еще и общечеловѣческія стороны духовной жизни, общее гуманитарное направленіе къ истинѣ и добру. Понятіе мудрости—въ смыслѣ книги Притчей—не ограничивается однѣми религіозностью, набожностью, благочестіемъ, но обнимаетъ жизнь еврея—теократа во всемъ разнообразіи, по всѣмъ направленіямъ и во всѣхъ отношеніяхъ, такъ, напр.; въ понятіе мудрости необходимо входятъ: разсудительность, проницательность, осмотрительность, художественныя дарованія и мн. др. Сходясь въ отношеніи преобладающаго законодательнаго содержанія съ книгами закона Моисеева и отличаясь этимъ отъ писаній историческихъ и пророческихъ, книга Притчей имѣетъ то сходство съ послѣдними, что моральный элементъ въ ней, какъ и у пророковъ, рѣшительно преобладаетъ надъ богослужебно—обрядовымъ, культовымъ. Но ни о какомъ яко-бы враждебномъ отношеніи философіи книги Притчей къ закону Моисееву (что допускалъ напр. *I. F. Bruch*, *Weisheitslehre der Hebräer. Ein Beitrag zur Geschichte der Philos. Strassburg 1851*) не можетъ быть рѣчи. Напротивъ, законъ Моисея въ моральномъ законодательствѣ кн. Притчей нашелъ новую точку опоры, поскольку развитіе общечеловѣческихъ гуманныхъ добродѣтелей должно было смягчать жестоковѣрный духъ народа и располагать его къ исполненію и заповѣдей закона; при томъ рѣшеніе моральныхъ вопросовъ книга Притчей даетъ только въ духѣ закона. Справедливо, поэтому, іудейская традиція (Мидрашъ на кн. Пѣсн. Пѣсн. III, 2) утверждала, что Соломонъ, переходя постепенно отъ изреченія къ изреченію, отъ сравненія къ сравненію, этимъ путемъ изслѣдовалъ тайны торы, и даже, что до Соломона никто не понималъ надлежащимъ образомъ словъ торы¹⁾. Если же въ Притч. XXI, 3, 27 правосудіе и добрыя дѣла ставятся выше жертвы, то это отнюдь не есть протестъ противъ Моисеева закона (авторитетъ котораго, напротивъ, всячески охраняется въ книгѣ Притчей, см. XXVIII, 9: „кто отклоняетъ ухо свое отъ слушанія закона; того и молитва мерзость“), а лишь уясненіе его смысла.—такое же, какое во всей силѣ и неоднократно находимъ у пророковъ (см. I Цар. XV, 22. Ис. I, 10—20. Ос. VI, 6). Такъ какъ, по воззрѣнію самой книги Притчей, для уразумѣнія ея наставленій и совѣтовъ требуются: извѣстная мудрость, развитой смыслъ и чувство человѣческаго достоинства, то законодательство кн. Притчей, какъ и наша морально-христіанская философія, первоначально назначалась собственно для интеллигенціи народа, прежде всего для самихъ правителей народа (какъ видно изъ

1) По іудейскому преданію, приводимому у одного паломника IV вѣка, Соломонъ писалъ книгу Притчей въ одной изъ камеръ храма. См. у проф. А. А. Оленичкина, *Ветхозавѣтный храмъ* (СПБ. 1889), стр. 851.

многихъ мѣстъ книги, уроками ея назидались прежде и болѣе всего наслѣдники Соломона).

Судя по всему содержанію книги Притчей, какъ ученію о мудрости,—равно какъ уже по самому надписанію книги гл. I, ст. 2—6, въ которомъ она называется между прочимъ мудростію и словами мудрыхъ, слѣдуетъ считать древнимъ названіемъ книги, параллельнымъ общепринятому „Притчи“, евр. *Мишле*, другое: „книга мудрости или премудрости“, евр. *сефер Хокма*. Съ такимъ именемъ книга эта была извѣстна уже въ древнееврейскомъ преданіи (въ Талмудѣ, см. тосефту къ тр. *Baba batra* 14 b.), а оттуда имя это перешло и въ христіанское, древне-церковное преданіе. Хотя Оригенъ употребляетъ только названіе „Притчи“, когда передаетъ евр. *Мишле* греческою транскрипціею *Μισλόφ*, но болѣе обычнымъ у древнихъ церковныхъ учителей названіемъ нашей книги были *σοφία*, *πανάρητος σοφία*. Такъ, св. Климентъ Римскій (1 посл. къ Коринѣ. 57, 3), приводя мѣсто Притч. I, 23—33, выражается: *ὁτως ἄρ λέγει ἡ πανάρητος σοφία*. Мелитонъ Сардійскій (у Евсевія Кесарійскаго, Церковная Исторія, кн. IV, гл. 26, § 13) приводитъ оба названія книги, какъ равно употребительныя: *Σολομῶνος παροιμίαι, ἢ καὶ Σοφία*. По свидѣтельству церковнаго историка Евсевія (Ц. Ист. кн. IV, гл. 22, § 9), не только цитируемые имъ Мелитонъ Сардійскій, Егезиппъ и св. Иринея Лионскій, но и вся древность христіанская называла притчи Соломоновы всесовершенною мудростію, *πανάρητον σοφίαν (ὁ πᾶς τῶν ἀρχαίων χορὸς πανάρητον σοφίαν τὰς Σολομῶνος παροιμίας ἐκάλουν)* и, по мнѣнію Евсевія, такое названіе происходило „изъ неписаннаго іудейскаго преданія“ (*ἔξ Ἰουδαϊκῆς ἀγράφου παραδόσεως*). Названіе „книга Премудрости“, безъ сомнѣнія, болѣе приличествуетъ книгѣ Притчей Соломоновыхъ, чѣмъ двумъ неканоническимъ учительнымъ книгамъ: „Книга Премудрости Соломона“ и „Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова“. И даже въ сравненіи съ двумя каноническими книгами—книгою Іова и книгою Екклесіаста, обыкновенно причисляемыми къ хокмической библейской письменности, т. е. содержащей въ себѣ раскрытіе ученія о премудрости,—книга Притчей имѣетъ преимущество полноты, цѣльности и законченности раскрытія ученія о мудрости.

Въ Греческой, Славянской и Русской Библии, какъ и въ Вульгатѣ, книга Притчей принадлежитъ къ сельмерицѣ свящ. книгѣ—кн. Іова, Псалтирь, Притчи Соломоновы, Екклесіастъ, Пѣснь Пѣсней, Премудрость Соломона и Премудрость Иисуса сына Сирахова, — которыя по своему содержанію именуются *учительными* книгами (Православный Катихизисъ) или *премудростными*, понеже въ нихъ разуму и истиннѣй премудрости научаемся (Предисл. къ первопечатной Слав. Библии), а по формѣ своего изложенія *стихотворными* (свв. Григорій Богословъ, Кириллъ Іерусалимскій, Іоаннъ Дамаскинъ и др.), т. е. въ широкомъ смыслѣ поэтическими, частнѣе въ изложеніи своемъ всюду представляющими такъ называемый *параллелизмъ членовъ* (о видахъ этого параллелизма въ книгѣ Притчей мы сказали выше).

Происхожденіе и составъ книги Притчей. Творцомъ притчей въ Притч. I, 1 называется царь Соломонъ. И христіанская древность признавала книгу Притчей единымъ произведеніемъ одного Соломона, какъ книга псалмовъ извѣстна была съ именемъ Давида. Въ пользу авторства Соломона въ отношеніи книги Притчей говорятъ какъ внѣшнія библейскія свѣдѣтельства, такъ и внутренній характеръ приточной мудрости кн. Притчей. По 3 Цар. IV, 32, Соломонъ изрекъ три тысячи притчей (и пѣсней его была тысяча и пять), Иисусъ, сынъ Сираховъ, прославляя мудрость Соломона, между прочимъ, взываетъ къ нему: „душа твоя покрыла землю, и ты наполнилъ ее загадочными притчами... за пѣсни и изреченія, за притчи и изъясненія тебѣ удивлялись страны“ (XLVII, 17. 19). Слава о мудрости Соломона, и по свѣдѣтельству 3-ей книги Царствъ (IV, 34. X, 1 сл.), распространилась очень далеко, и мудрость его, служа предметомъ удивленія окрестныхъ народовъ, въ слѣдствіи сдѣлалась у нихъ сюжетомъ для разнаго рода легендъ и сказочныхъ произведеній поэзіи. Правда, тѣ 3.000 притчей, которыя, по 3 Цар. IV, 32, изрекъ Соломонъ, не могутъ быть отождествляемы съ каноническою книгою Притчей, ни по количеству своему, ни по самому характеру и содержанію: въ цѣлой книгѣ Притчей не болѣе 915 стиховъ; и слѣдовательно, большинство изъ 3.000 притчей Соломона не могли войти въ книгу Притчей; при томъ, судя по 3 Цар. IV, 33, притчи и вообще мудрость Соломона, выражались болѣе всего въ познаніи природы и отдѣльных ея явленій и под.; напротивъ, въ книгѣ Притчей притчей такого рода не имѣется, а преобладаютъ жизненно-практическіе и особенно религіозно-нравственные мотивы. Не лишено, поэтому, значенія предположеніе, что въ книгу Притчей вошла лишь нѣкоторая, избранная часть всѣхъ притчей Соломона, характера преимущественно религіозно-нравственного. Трижды повторяемое въ книгѣ Притчей надписаніе „Притчи Соломона“ (I, 1. X, 1. XXV, 1) представляетъ во всякомъ случаѣ важное свѣдѣтельство въ пользу происхожденія, по крайней мѣрѣ, большей части книги Притчей отъ Соломона. Нѣкоторыя частныя черты и указанія содержанія книги Притчей своимъ соотвѣтствіемъ личности и обстоятельствамъ жизни Соломона свѣдѣтельствуютъ въ пользу происхожденія отъ него кн. Притчей. Здѣсь, напри- мѣрѣ, весьма часто повторяется совѣтъ уклоняться отъ распутной женщины и распутства, вообще остерегаться отъ увлеченій женщиною (V, 18. 20. VI, 24—35. IX, 16—18. XVIII, 23). Совѣты эти напоминаютъ читателю исторію паденія Соломона чрезъ женщинъ (3 Цар. XI, 1 сл.); естественно видѣть въ этихъ совѣтахъ предостереженіе отъ той же опасности, какой подвергся самъ мудрый приточникъ. Въ книгѣ Притчей, далѣе, весьма много говорится о царской власти, о благахъ правленія мудраго царя (XXVIII, 16), помазанника Божія и провозвѣстника правды Божіей (XXI, 1. XVI, 10. 12), милости и истины (XX, 28), о гнѣвѣ его на нечестивыхъ и о благодѣяніяхъ для праведныхъ (XIX, 12. XX, 2. XXII, 11); о правителяхъ мудрыхъ и глупыхъ, объ ихъ совѣт-

никахъ и характеръ ихъ правленія (XI, 11—14. XIV, 28. XXV, 1—в. XXVIII, 2. 15—16). И здѣсь можно видѣть плодь государственнаго опыта мудраго еврейскаго царя—Соломона, всецѣло преданнаго народоправленію и опытно познавшаго какъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны царскаго служенія. Равнымъ образомъ, свидѣтельство Приточника о себѣ самомъ, какъ о любимомъ сынѣ отца и матери, какъ сынѣ, котораго отецъ тщательно научалъ закону Божію (IV, 3—4), точно приложимо къ Соломону: о наученіи Давидомъ Соломона храненію закона говоритъ 3 Цар. III, 2 (см. Толков. Библ. т. II (СПБ. 1905). стр. 368).

Но на ряду съ указанными внѣшними и внутренними свидѣтельствами происхожденія книги Притчей отъ Соломона, имѣется другой рядъ данныхъ, тоже то внѣшнихъ, то внутреннихъ, наличность которыхъ требуетъ ограниченія писательства Соломона только извѣстною, хотя бы и самою значительною, частію книги. Именно, въ книгѣ Притчей, кромѣ общаго надписанія въ началѣ книги I, 1, имѣется еще шесть другихъ надписаній, которыми книга раздѣляется на нѣсколько неодинаковаго объема характера—отдѣловъ, и нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ, повидимому, не принадлежатъ Соломону, какъ писателю, а произошли позднѣе Соломона и отъ другихъ лицъ. На этихъ другихъ писателей есть нѣкоторое указаніе уже въ началѣ книги I, 6, гдѣ упомянуты „слова мудрецовъ и ихъ загадки (*дибре- хаканим вехидотам*)“ въ качествѣ одной изъ составныхъ частей содержанія книги Притчей. Затѣмъ въ гл. X, ст. 1 по еврейскому масоретскому тексту, и латинскому переводу блаж. Иеронима, какъ и по русскому Синод. и архим. Макарія. имѣется надпись: „Притчи Соломона“: эту надпись, повидимому отмѣчается новый періодъ въ приточномъ творествѣ Соломона, при чемъ новый отдѣлъ — съ X, 1 по XXII, 16—замѣтно отличается отъ перваго отдѣла книги—гл. I—IX: если въ первомъ отдѣлѣ изложено связною періодическою рѣчью ученіе о мудрости и побужденія къ ней, то во второмъ отдѣлѣ рѣчь приточника построена въ формѣ краткихъ, афористическихъ сужденій по принципу большею частію антитетическаго параллелизма. Многіе западные библейскіе комментаторы (во главѣ съ извѣстнымъ Евальдомъ), на основаніи такой афористической формы рѣчи въ отдѣлѣ X, 1—XXII, 16, почитали этотъ отдѣлъ древнѣйшею частію книги Притчи, принадлежавшею перу самого Соломона, тогда какъ первый отдѣлъ гл. I—IX съ его необычайно планомѣрнымъ развитіемъ мыслей, западною библейскою экзегетикою считается самою позднею частію книги, не только по характеру и содержанію, но и хронологически близкою къ книгѣ Іисуса сына Сирахова. Но различіе формы рѣчи, само по себѣ, не даетъ основанія считать первый и второй отдѣлы книги разновременными и принадлежащими разнымъ писателямъ; гений Соломона естественно располагалъ многообразіемъ формъ выраженія мыслей; оставаясь на библейской почвѣ, мы во всякомъ случаѣ должны признать всю часть книги гл. I—

XXII, 16 Соломоновымъ произведеніемъ. Иначе обстоитъ дѣло съ послѣдующими отдѣлами книги. Такъ, отдѣлы: *третій*, XXII, 17 (слав. 18)—XXIV, 22 и *четвертый*, XXIV, 23—34, судя по надписаніямъ, принадлежатъ какимъ-то не названнымъ по имени, мудрецамъ; возможно, что эти мудрецы были современниками Соломона, даже принадлежали къ его школѣ, въ родѣ упомянутыхъ въ 3 Цар. IV, 31 Евана, Емана, Халкола и Дарды. *Пятый* отдѣлъ книги или *третью* главную ея часть образуютъ, гл. XXV—XXIX, „притчи Соломона, которыя собрали (евр. *ge'tiku*, LXX: ἐξεγράψαντο, Vulg. transtulerunt) мужи Езекии царя Іудейскаго“, (XXIX. 1), въ которыхъ обычно видятъ пророка Исаію, а также Еліакима, Севну и Іоаха (4 Цар. XVIII, 26); такимъ образомъ въ этомъ отдѣлѣ заключаются притчи, хотя и происходящія отъ Соломона, но настоящій видъ получившія лишь спустя 300 лѣтъ послѣ Соломона—отъ ученой коллегіи богопросвѣщенныхъ мужей Езекии, собравшей эти притчи изъ архивныхъ записей (соотвѣтственно чтенію LXX-ти) или даже изъ устнаго преданія. Въ XXX гл., по еврейскому надписанію, заключаются притчи *Агура, сына Іакеева*, къ нѣкимъ Иѳилу и Укалу (ст. 1). У LXX эти имена переданы нарицательно, отчего значеніе надписанія стихъ 1-й гл. XXX утратилъ. Блаж. Іеронимъ тоже передаетъ евр. надписаніе нарицательно: Verba congregantis filii vomentis, причемъ подъ первымъ разумѣется Соломонъ, какъ собиратель мудрости, а подъ вторымъ Давидъ, отрыгавшій слово благо (пс. XLIV, 2), Но нарицательное пониманіе собственнаго имени лица, притомъ имѣющаго отчество („Іакеева“), едва-ли допустимо, Соломонъ же даже и въ аллегорическомъ его названіи Екклезіастъ, названъ сыномъ Давида (Еккл. I, 1); остается видѣть въ Агурѣ неизвѣстнаго мудреца. Гл. XXXI, ст. 9 заключаетъ наставленія нѣкаго царя Лемуила, преподанныя ему матерью его. Въ этомъ имени обычно видятъ символическое имя или Соломона (блаж. Іеронимъ) или Езекии (Абенъ—Езра, проф. Олесницкій). Ст. 10—31 заключаютъ алфавитно (акростихомъ) составленную похвалу добродѣтельной жены. Въ виду свидѣтельства 3 Цар. IV, 32 что Соломонъ написалъ болѣе 1000 пѣсней, и очевиднаго сходства „пѣсни“ добродѣтельной женѣ съ несомнѣнно Соломоновыми притчами (напр. ср. ст. 10 и XII, 4. XI, 16. XIV, 1; III, 15; XVIII, 23; ст. 20 и XIX, 17. XXII, 9. Ст. 22 и VII, 16; ст. 30 и XI, 22; III, 4), естественно считать эту похвалу происходящею отъ Соломона, только положеніе ея въ концѣ книги, повидимому, говоритъ за болѣе позднее происхожденіе этого отдѣла.

Такимъ образомъ изъ надписаній книги—этихъ самосвидѣтельствъ книги о себѣ самой—узнаемъ, что писателями ея были Соломонъ, Агуръ, Лемуиль и нѣкоторые другіе, не названные по имени, мудрецы. Если же на основаніи общаго надписанія I, 1 книгу Притчей называютъ именемъ Соломона, то эта надпись и это названіе—метонимія, такъ какъ съ именемъ мудрости всегда соединялось, какъ и теперь у насъ, имя Соломона, мудрѣйшаго изъ людей; книга Притчей должна или

можетъ называться Соломоновою въ томъ же смыслѣ, какъ и всю Псалтирь называли и называютъ Давидовою, т. е., въ смыслѣ преимущественнаго и главнѣйшаго авторства Соломона въ этой области. Весь составъ нынѣшней книги Притчей существовалъ уже ко времени царя Езекии, общество друзей котораго, по свидѣтельству XXV, 1, издало въ свѣтъ всю книгу Притчей,—по неточному выраженію Талмуда (*Baba batra* 15a), написало книгу Притчей,—точнѣе, редактировала ее, придало ей настоящій видъ, придавъ къ собраннымъ, быть можетъ, самимъ Соломономъ (мнѣніе св. Кирилла Иерусалимскаго и блж. Иеронима) гл. I—XXIV, послѣднія семь главъ книги, XXV—XXXI, при чемъ внесли сюда притчи, не вошедшія въ собраніе самого Соломона. Отцы и учителя Церкви, не придавая значенія вопросу о происхожденіи настоящей редакціи книги, видѣли и прославляли въ ней мудрость Соломона. Дѣйствительно, на пониманіи книги вопросъ объ участіи въ ея составленіи на ряду съ Соломономъ и другихъ писателей нисколько не отражается, лишь бы сохранялась вѣра въ богодухновенность книги.

Противъ богодухновенности и каноническаго достоинства книги Притчей высказывались отдѣльные голоса какъ среди іудеевъ, такъ и среди христіанъ. Первыхъ смущало кажущееся противорѣчіе притчей ст. 4 и 5 гл. XXVI, и якобы неумѣстное въ священной книгѣ пластичное описаніе распутной жёны гл. VII, 10—27. Оба эти возраженія были выставлены на Ямнійскомъ іудейскомъ соборѣ (ок. 100 г. по Р. Хр.) но тамъ-же получили удовлетворительное разрѣшеніе, и книга въ цѣломъ составѣ была признана каноническою. Въ христіанской Церкви раздавались одинокіе голоса (въ древности, напр., Θεодора Мопсуетскаго, въ новое время—Клерика, Мейера и др.), будто книга Притчей заключаетъ въ себѣ лишь земную, чисто человѣческую мудрость Соломона, имѣвшую въ виду земное же благополучіе человѣка. Но хотя правила, предписанія и наставленія книги Притчей о снисканіи мудрости, не достигаютъ еще совершенства и идеальной чистоты нравственнаго ученія Господа Иисуса Христа и Его апостоловъ, однако богодухновенность и каноническій авторитетъ этотъ утверждается уже многократными ссылками на книгу Притчей въ Новомъ Завѣтѣ. Напр. Притч. I, 16 сл. цитируются въ Римл. III, 15—17; Пр. III, 11—12—въ Евр. XII, 6; Пр. III, 34—въ Іак. IV, 6. 1 Петр. V, 5. Мужья апостольскіе часто цитировали книгу Притчей, какъ боговдохновенное ветхозавѣтное писаніе (ап. Варнава, посл. гл. V, св. Климентъ Римскій, 1 Кор. гл. XIV, XXI. Игнатій Богонос. Еф. V, Поликарпъ Смирн., Филип. гл. VI). Въ апостольскихъ правилахъ (пр. 85) и во всѣхъ каноническихъ соборныхъ исчисленіяхъ Православной Церкви книга Притчей всегда помѣщалась въ числѣ 22-хъ каноническихъ книгъ Ветхаго Завѣта.

Христіанская православная Церковь свое высокое уваженіе къ книгѣ Притчей свидѣтельствуется широкимъ употребленіемъ чтеній изъ этой книги въ церковномъ богослуженіи. Чтенія или париміи изъ этой книги встрѣчаются въ церковныхъ службахъ чаще, чѣмъ изъ др. вет-

хозавѣтныхъ книгъ: отъ преимущественнаго употребленія въ церковномъ богослуженіи книги Притчей, по греч. „паримій“. послѣднее названіе сдѣлалось общимъ для всѣхъ, взятыхъ изъ священныхъ книгъ, церковныхъ чтеній. Париміи изъ книги Притчей предлагаются ежедневно, за исключеніемъ субботы и недѣль, на вечерняхъ св. Четырехдесятиницы, какъ лучшее назидательное чтеніе въ эти дни поста и покаянія (въ теченіе св. Четырехдесятиницы прочитываются почти цѣликомъ 24 первыхъ главы, и гл. XXXI, 8—31). Нѣсколько чтеній — паримій изъ кн. Притчей положено на праздники (изъ гл. III—10 іюля, 1 августа, 13 и 14 сентября; изъ гл. VIII—1 января и 25 марта, изъ гл. IX—въ богородичные праздники и т. д.) и въ дни памяти святыхъ, какъ бы сопоставляя совѣты премудрости съ примѣрами благочестія, наглядно представляемаго жизнью святыхъ.

О цѣли книги Притчей св. Григорій Нисскій говоритъ: „какъ трудящіеся въ тѣлесныхъ упражненіяхъ въ училищѣ готовятся чрезъ сіе къ понесенію большихъ трудовъ въ дѣйствительныхъ борьбахъ, такъ и приточное ученіе кажется мнѣ нѣкимъ упражненіемъ, обучающимъ души наши и дѣлающимъ ихъ гибкими въ духовныхъ подвигахъ“ (Св. Григорій Нисскій, Точн. истолков. на Еккл. I, 1). Подобную же цѣль и подобный же характеръ имѣли и двѣ неканоническія учительныя книги: книга Иисуса сына Сирахова и кн. Премудрости Соломона.

По составу содержанія своего, книга Притчей, какъ было уже упомянуто, представляетъ три главныя части, причемъ вторая и третья части имѣютъ нѣкоторыя добавленія. Первую часть составляетъ собраніе увѣщательныхъ рѣчей, обнимаемыхъ первыми девятью главами I—IX: это—по преимуществу книга Мудрости, изображаемой въ качествѣ высшаго блага и единственно достойнаго предмета стремленій человѣка. Часть первая можетъ быть подраздѣлена на три отдѣла, по три главы въ каждомъ; въ первомъ отдѣлѣ содержатся: отрицательныя и положительныя побужденія къ мудрости (гл. I), свойства премудрости и благіе плоды и послѣдствія ея для жизни человѣка (гл. II), и частныя обнаруженія мудрости въ отношеніи къ Богу и ближнимъ (гл. III); во второмъ отдѣлѣ (гл. IV—VI) частнѣе и подробнѣе излагаются побужденія къ снисканію мудрости и требованія, предъявляемыя ею человѣку (гл. IV), затѣмъ предлагаются увѣщанія—избѣгать сладострастія и любодѣйства (гл. V), а также быть осторожнымъ, честнымъ, добросовѣстнымъ въ исполненіи гражданскихъ, общежитейскихъ и иныхъ обязанностей (гл. VI); въ третьемъ отдѣлѣ изображаются глупость и мудрость, какъ мыслящіе, живые образы или лица, каждая съ своими отличительными внутренними свойствами и дѣйствіями: въ противовѣсъ обольщеніямъ глупости, олицетворяемой въ видѣ блудницы (гл. VII), выступаетъ олицетворенная мудрость съ авторитетными призывами къ людямъ, чтобы они слѣдовали за нею, какъ за единымъ истиннымъ благомъ (гл. VIII—IX).

Вторую часть книги образуютъ „Притчи Соломона“ (гл. X—XXII,

16), съ двумя прибавленіями: „словъ мудрыхъ“—XXII, 17—XXIV, 23—34. Здѣсь, на основаніи изложенныхъ въ первой части книги общихъ понятій о мудрости и благочестіи, предлагаются частныя многоразличныя правила и наставленья для религіозно-нравственнаго поведенія и общежитейскихъ отношеній людей. Третью часть книги составляютъ притчи Соломоновы, которыя собрали и вписали въ книгу друзья Езекии, царя Иудейскаго (гл. XXV—XXIX); здѣсь преобладаютъ притчи политическія (о царѣ и его управленіи и под.) и практическія (въ отношеніи къ гражданской и общественной жизни). Заключение книги состоитъ изъ двухъ прибавленій къ притчамъ Соломоновымъ (гл. XXX—XXXI): а) притчей нѣкоего Агура, въ весьма искусственной и замысловатой формѣ научающей истинной мудрости и проведенію ея въ жизнь (гл. XXX); и б) наставленій матери Лемуила царя (XXXI, 1—9) и похвалы добродѣтельной женѣ (ст. 10—31).

Общія вводныя свѣдѣнія о книгѣ Притчей см. въ „Обозрѣніи книги Притчей Соломоновыхъ“ синописовъ Св. Афанасія Великаго Александрійскаго (Христ. Чтен. 1841, ч. 4, стр. 355 и дал.) и Св. Іоанна Златоуста (Бесѣды на разныя мѣста Св. Писанія, русск. перев. СПБ. 1861, стр. 537 дал.); извлеченіе святоотеческаго матеріала о книгѣ Притчей можно читать въ кн. проф. А. А. *Оленицкаго*, Руководственныя о священномъ Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта свѣдѣнія изъ твореній св. оо. и учит. Церкви (СПБ. 1894), стр. 67 слѣд.). Ученыя изслѣдованія о книгѣ Притчей русскія: 1) того же проф. А. А. *Оленицкаго*, Книга Притчей Соломоновыхъ и ея новѣйшіе критики (Труды Кіевск. Дух. Академіи 1883, №№ 11—12); 2) *Епископа Михаила*, Библейская Наука. Учебныя книги Ветхаго Завѣта (Тула 1900), стр. 86 слѣд.; и 3) *Проф. П. А. Юнгера* Происхожденіе книги Притчей (Православн. Собесѣдн. 1906, октябрь, стр. 161 сл.); Б) учебныя руководства: Х. М. Орды († еп. Иринея), Кіевъ 1871; *Д. Афанасьева*, Ставрополь 1888 и др. Заслуживаетъ вниманіе русск. переводъ (съ еврейскаго) кн. Іова, слѣданный Архим. Макаріемъ (Глухаревымъ) М. 1861. Толкованіе на большую часть кн. Притчей представилъ покойный пресв. Епископъ Виссаріонъ (Нечаевъ) въ своемъ „Толкованіи на царіи“ т. II, (изд. 2, СПБ. 1894). Изъ иностранныхъ комментаріевъ на книгу Притчей назовемъ: *J. Mercerus* (Genf. 1573), *F. Umbreit* (Heidelberg. 1826), *E. Berteau* (Leipzig. 1847), *F. Hitzig* (Zürich 1858), *F. Keil-Delitzsch* (1873), *H. Ewald* (1867), *J. Lange — O. Zöckler* (1867), новѣйшій: *W. Frankenberg* (in Nowack's Handkommentar) Götting. 1898. Взгляды іудейской традиціи на содержаніе кн. Притчей выразились напр. въ мидрашѣ на эту книгу, см. *Der Midrasch Mischle*, übertr. v. *A. Wünsche* Leipz. 1885, отчасти—въ *D. Jsrailitische Bibel*, III (1859) v. *L. Philippson*.

КНИГА ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХЪ.

ГЛАВА 1-я.

1. Притчи Соломона, сына Дави-|дова, царя Израильскаго,

I.

1—6. Введеніе въ книгу: писатель ея; цѣль, общее содержаніе и основной характеръ книги. 7. Основное начало мудрости—благочестія. 8—9. Объ авторитетѣ родителей въ наученіи благочестіемъ—мудрости. 10—19. Предостереженіе отъ соблазновъ со стороны нечестивцевъ. 20—23. Увѣщательная и обличительная проповѣдь премудрости.

1. Стихъ первый и послѣдующіе по 6-й ст. включительно образуютъ надписаніе книги Притчей. Имя Соломона, стоящее въ ст. 1, обозначаетъ ближе всего составителя первыхъ девяти главъ книги, но, какъ уже говорили мы *метонимически* и вся книга можетъ быть названа произведеніемъ Соломона. Мыдрашъ *jalkut* въ Притч. (§ 929) обращаетъ вниманіе на прописное начертаніе первой буквы стиха — *ח* (мень), и, основываясь на числовомъ значеніи этой буквы—40, видитъ здѣсь указаніе на то, что Соломонъ, испрашивая у Бога мудрости (3 Цар. III, 9), *постился*, подобно Моисею на горѣ законодательства (Исх. XXXIV, 28), сорокъ дней (Midrasch Mischle übertr. v. A. Wünsche. S. 1): здѣсь выражается взглядъ іудейской традиціи на мудрость и вообще все содержаніе книги Притчей, какъ на истолкованіе Торы или Закона Моисеева.— Касательно словопроизводства и значенія славяно-русскаго названія „Притча“ нужно замѣтить, что оно обычно производится отъ корня *течь* (идти) или *ткнуть* (встрѣтиться) — въ томъ в другомъ случаѣ оно, по выраженію Св. Василія Великаго, означаетъ припутное (соотв. греч. *παροῦσία*—*пара ὄψεως*) изреченіе т. е. такое, которое служитъ указателемъ пути, руководствуетъ челоѵка на путяхъ жизни, давая ему средства къ благополучному теченію по этимъ путямъ. Подобнымъ образомъ объясняютъ смыслъ названія „Притча“ Свв. Аѵгустинъ Великій и Іоаннъ: „Названіе Притчи“ (*παροιμία*) произошло отъ того, что подобныя изреченія писались на всякомъ пути для вразумленія и назиданія проходящихъ по пути; писались же при пути для того, чтобы люди, немогущіе заниматься словомъ истинны, по крайней мѣрѣ, мимоходомъ, замѣчали написанное, вникали въ него и получали наставленіе. Посему нѣкоторые и опредѣляютъ ихъ такъ: Притча есть *придорожное* (*παροδίου*) изреченіе, переносящее мысль отъ чего—н. одного ко многому“ Въ послѣднихъ словахъ указана одна изъ

2. чтобы познать мудрость и на- | 3. усвоить правила благоразумія,
 ставленіе, понять изрѣченія разума; | правосудія, суда и правоты;

основныхъ особенностей притчи: приложимость высказываемой въ притчѣ мысли ко многимъ (аналогичнымъ) случаямъ, типичность этой мысли. По другому мнѣнію, русско—славянское „притча“ происходитъ отъ гл. „притыкать“, „притачивать“ (напр. при тканъ—на концѣ полосы разными по цвѣту нитями),—въ такомъ случаѣ названіе это будетъ указывать на украшающій, образный виѣшній способъ выраженія мысли въ притчахъ. Внутренній и виѣшній характеръ притчей, составляющихъ содержаніе книги этого имени, уясняется въ слѣдующихъ стихахъ, ст. 2—6, уясняющихъ смыслъ и значеніе притчей, а виѣсть и цѣль и назначеніе самой книги.

2—6. Указывается какъ цѣль настоящаго собранія притчей,—книги Притчей, такъ и свойство разныхъ видовъ притчей, чѣмъ виѣсть сжато опредѣляется цѣлое содержаніе всей книги. И прежде всего притчи даютъ познаніе *премудрости* и *ученія* (ст. 2 а) „Такъ какъ язычники (еллины) утверждаютъ, что они имѣютъ мудрость, и сретники думаютъ, что они имѣютъ знаніе, то Соломонъ показываетъ въ чемъ состоитъ истинная мудрость и истинное знаніе, чтобы кто нибудь, увлекшись сходнымъ названіемъ мудрости, не впасть въ мудрованія язычниковъ и еретиковъ... Услышавъ его божественныя изреченія, всякій мудрый будетъ еще премудрѣе (Свв. Аван. Вел. и Иоан. Злат.). Мудрость, евр. *хокма* (LXX σοφία, Vulg. sapientia), по филологическому составу еврейскаго слова, означаетъ (по Schultens'у): *soliditas*, твердость, основательность (собств. сгущенность, *ποχυοτης*); затѣмъ высшее разумнѣе живаніе и вещей въ ихъ существѣ, наконецъ умѣніе располагать жизнь свою сообразно съ этимъ знаніемъ, нормально опредѣлять отношенія къ Богу и ближнему и чрезъ то получить счастье жизни. Очевидно, „мудрость“ шире всѣхъ слѣдующихъ понятій и включаетъ ихъ въ свой объемъ. Практическую сторону „мудрости“ представляетъ „ученіе“ или „наставленіе“, слав. наказаніе, евр. *мусар*, LXX παιδεία, Vulg. disciplina—вся система воспитательныхъ мѣръ, не включая и карательныхъ.

По мидрашу, „мудрость“ (*хокма*) и „ученіе“ (*мусар*) неразрывно связаны другъ съ другомъ, причѣмъ второе является слѣдствіемъ первой. Въ книгѣ Притчей, далѣе, заключается *разумнѣе словесъ* или изреченій *мудрости*, евр. *бина*, LXX φρόνησις Vulg. prudentia (евр. *бина* по коренному значенію своему включаетъ въ себя моментъ *различенія*—напр. между добромъ и зломъ (3 Цар. III. 9), мудростью и глупостью, выпитымъ и пизшимъ, полезнымъ и вреднымъ) т. е. (по св. Аван. Вел. и Иоан. Злат.) „приобрѣтеніе познанія о единомъ истинномъ Богѣ. Что касается язычниковъ, то одни изъ нихъ боговъ называли вещество, а другіе уподобляли его идоламъ; находятся также въ заблужденіи и еретики касательно истиннаго Бога. Противъ нихъ то Соломонъ и налагаетъ истинное повѣіе о Богѣ, говорить о Его неизреченности (XXV, 2); о промислѣ (XV, 3. 21; XXII, 2; XXIII, 18); о правосудіи (XV, 8. 25) О міротвореніи говорить не просто, но утверждаетъ, что Господь все сотворилъ Словомъ Своимъ и премудростію (III. 19. VIII, 26—27. 30), такъ какъ свойство истиннаго Бога составляетъ то наипаче, что Онъ есть Отецъ Сына“. Въ ст. 3 указываются первые плоды „мудрости“ и „ученія“: та и другое содѣйствуютъ усвоенію „правилъ благоразумія (евр. *мусар гаскал*), правосудія (точнѣе—правды. *цедек*), суда (*мишпат*) и правоты (честности, *мешарим*), Vulg. ad suscipiendam eruditionem doctrinae, justitiam et iudicium et acquitatem. LXX иначе передаютъ первую половину ст. 3 го: *δέξασθαι στροφάς λόγου*, а по другимъ синосамъ (код. 68, 109, 147, 157, 161, 248 у Гольмеса, Комплуте. Альд., еще + : *καί λόους ἀνυμμάτων*. Въ слав. Острожск. и Елисавет. Библии, соответственно послѣдней прибавкѣ, вся первая половина 3 ст. читается: пріяти же взвѣіе словесъ и разрѣшеніе гаданій... *Извѣіе словесъ*, поясняютъ свв. Аван. Вел. и І. Злат., суть „такія изреченія, въ которыхъ открываемъ сокрытый въ нихъ смыслъ, вращая умомъ, или изслѣдуя ихъ размышленіемъ (напр. X, 5. XXVII, 25)“ Такимъ образомъ притчи изощряютъ умъ человѣка, дѣлаютъ его находчивымъ, способнымъ къ отгадыванію смысла загадочныхъ рѣчей

4. простымъ дать смысленность, юность—знаніе и разсудительность;
 5. послушаетъ мудрый—и умножить познанія, и разумный найдетъ мудрые совѣты;
 6. чтобы разумѣть притчу и замисловатую рѣчь, слова мудрецовъ

и загадки ихъ.

7. Начало мудрости—страхъ Господень; (доброе разумѣніе у всѣхъ водящихся имъ; а благоговѣніе къ Богу—начало разумѣнія); глупцы только презираютъ мудрость и поставленіе.

4—5. Указанное въ ст. 3 значеніе притчи имѣютъ прежде всего для юншества, но затѣмъ и для людей взрослых, опытныхъ и мудрыхъ. Первымъ притчи даютъ „смысленность“, евр. *орма*, собст. дунаство (Быт. III, 1), какъ и греч. *πανουργία* лат. *astutia*; здѣсь въ добромъ смыслѣ (ср. VIII, 5. 12; XIII, 16; XIV 15. XXII, 3)—благоразумія или предусмотрительности, для избѣжанія огъ сѣтей хитрыхъ и злонамеренныхъ (ср. Мс. X, 16), —а также вообще знаніе и разсудительность (евр. *даат узимма*, LXX *αἰσθησιον* и *ἐννοιαν*, Vulg. *scientiam et intellectum*). Но притчи, какъ готовые правила житейской и духовной мудрости, полезны и для людей зрѣлыхъ и мудрыхъ: мудрый, слушая эти притчи, становится еще мудрѣе, и разумный приобретаетъ „искусство управлять (особ. государствомъ, сн. XI, 14). евр. *тахбулот*, LXX *κνβερνησις* (управленіе кораблемъ), Vulg. *gubernacula*, слав. *строительство* т. е., вообще искусство или навыкъ къ благоустройствію жизни (сн. XX, 18. XXIV, 6). Въ ст. 6 говорится, что разумный при помощи притчей не только сумѣетъ благоустроить жизнь свою (религіозную, нравственную, семейную и общественную), но еще навывкнетъ понимать замысловатыя и загадочныя рѣчи, евр. *меліца вехидот*, LXX *σκοτεινὸν λόγον* и *ἀίνυματα*. Повидимому, здѣсь разучются такія спеціальныя притчи загадочнаго свойства, какія особенно имѣютъ мѣсто въ гл. XXX. Древніе, особенно жители востока, высоко цѣнили искусство предлагать и отгадывать загадки (ср. Суд. XIV, 12—19). Царица Савская приходила въ Иерусалимъ изъ дальней страны, чтобы испытать Соломона загадками и поучиться заключенной въ нихъ мудрости Соломона (3 Цар. X, 1 сл. см. Толк. Вибл. т. II, стр. 413). Впрочемъ, въ виду того, что въ разсматриваемомъ ст. 6 выраженія „замысловатая рѣчь“ (*меліца*) и „загадка“ (*хида*) сопоставляются съ болѣе общими выраженіями „притча“ (*машал*) и „слова мудрыхъ“ (*дибре хакким*), можно думать (согв. Аван. Вел. и I. Злат.), что въ ст. 6 имѣются въ виду „не хитросплетенныя слова, обольщающія видомъ правдоподобія, но точныя, какъ бы дознанныя самими говорящими и выражающія какъ-бы приговоры, произносимыя ими (напр. XV, 13—14). Обыкновенно люди определяютъ дѣла по постѣдствіямъ, премудрый же открываетъ причины дѣйствій, чтобы человекъ, зная причины зловъ, остерегался ихъ, и представить какъ-бы краткій очеркъ движенія души (напр. X, 12. XIII, 4. XIV, II)... Если ты послѣдуешь каждое изреченіе книги, ты найдешь, что оно сказано и написано для того, чтобы слушающіе, познавая причины зловъ и благъ, избѣгали худого, а творили доброе.“ Мидрашъ въ цѣломъ стихѣ видитъ указаніе на Тору.

7. Ст. 7 не относится къ написанію (какъ думали Эвальдъ, Филиппсонъ, Берто, Кейль и др.), а начинаеть собою уже первую часть книги по девятой главѣ включительно. Въ слав.-русск. Вибліи средина стиха (въ русск. синод. перев. заключенная въ скобки) читается только у LXX и представляетъ заимствованіе изъ ис. CX, 10, хотя это добавленіе и хорошо подходитъ къ содержанию стиха по текстамъ евр. и Вулг., служа поясненіемъ его смысла.

Первыя слова ст. 7 имѣютъ значеніе эпиграфа или темы всей книги, преимущественно первой ея части (гл. I—IX). Страхъ Божій, благоговѣній трепетъ предъ Богомъ, неразлученъ съ самымъ понятіемъ Богопочтенія и благочестія; именно страхъ Божій положенъ былъ въ основаніе Завета Иеговы съ Израилемъ (Втор. IV, 10). Страхъ Божій есгъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начало истиннаго вѣдѣнія и истинной премудрости—въ томъ смыслѣ, что въ дѣпн званій, нужныхъ для приобрѣтенія премудрости, Богопочтеніе должно занимать первое, начальное мѣсто, что оно должно быть главнымъ и преимущественнымъ предметомъ знанія, равно какъ и въ томъ отношеніи, что благочестіе—

8. Слушай, сынъ мой, наставленіе отца твоего и не отвергай завѣта матери твоей,

9. потомучто это—прекрасный вѣнокъ для головы твоей и украшеніе для шеи твоей.

10. Сынъ мой! если будутъ склонять тебя грѣшники, не соглашайся;

11. если будутъ говорить: „иди съ нами, сдѣлаемъ засаду для убійства, подстережемъ непорочнаго безъ вины,

12. живыхъ проглотимъ ихъ, какъ преисподняя, и—цѣлыхъ, какъ нисходящихъ въ могилу;

13. наберемъ всякаго драгоценнаго имущества, наполнимъ дома

наши добычею;

14. жребій твой ты будешь бросать вмѣстѣ съ нами, складь одинъ будетъ у всѣхъ насъ“,—

15. сынъ мой! не ходи въ путь съ ними, удержи ногу твою отъ стези ихъ,

16. потомучто нѣги ихъ бѣгутъ ко злу и спѣшатъ на пролитіе крови.

17. Въ глазахъ всѣхъ птицъ напрасно разотавляется сѣтъ,

18. а дѣлаютъ засаду для ихъ крови и подстерегаютъ ихъ души.

19. Таковы пути всякаго, кто алчетъ чужаго добра: оно отнимаетъ жизнь у завладѣвшаго имъ.

постоянное благоговѣнное настроеніе въ отношеніи къ Богу—должно быть господствующимъ духовнымъ настроеніемъ въ искателѣ мудрости. Въ своемъ стремленіи къ приобрѣтенію мудрости онъ долженъ быть проникнутъ убѣжденіемъ, что премудрость въ строгомъ смыслѣ принадлежитъ единому Богу, что Онъ есть источникъ премудрости (II, 6 см. Іак. I, 5 сл.), что безъ свѣта Его откровенія умъ человѣческой вѣчно блуждалъ бы во мракѣ невѣжества и заблужденій относительно главнѣйшихъ истинъ (ср. I Кор. I, 20). Изъ этого убѣжденія проистекаетъ для искателя мудрости обязанность искать благословенія Божія на труды свои для приобрѣтенія знаній, служить этими трудами славы Божией и пользы ближнихъ, совершать это служеніе съ благоговѣннымъ опасеніемъ прогнѣвать Господа ложною мудростью, и благодарить за успѣхи въ мудрости (*Еп. Виссаріона*. Толкованіе на Паримін II, стр. 9—10). И мудрость и благочестіе отвергаютъ, къ своей гибели, нечестивые люди, у которыхъ нечестіе помрачаетъ здравый смыслъ (ср. Іер. IV, 22). Книга Притчей предназначена отнюдь не для нихъ, и если о нечестіи—безуміи такихъ людей въ ней весьма часто говорится, то это дѣлается съ цѣлью вразумленія разумныхъ и благочестивыхъ, такъ какъ страхъ Божій (и премудрость) съ обратной своей стороны есть ненависть къ неправдѣ и грѣху (ср. VIII, 18).

8—9. Уже въ этомъ отдѣлѣ предложены какъ положительныя, такъ и отрицательныя побужденія къ мудрости—благочестію. Сказавъ о страхѣ Божіемъ (ст. 7), какъ началъ или основѣ истинной премудрости, Премудрый на второмъ мѣстѣ, согласно послѣдовательности заповѣдей въ десятисловіи Моисеевомъ (Исх. XX, 12. Втор. V, 16, ср. Ефсѣ. VI, 1—3), составляетъ учительный авторитетъ родителей—отца и матери (Талмудъ понимаетъ *аб* отецъ, и *эм* мать въ переносномъ смыслѣ, разумя подъ отцомъ Бога, а подъ матерью общество Израилева, или по другому мнѣнію, мудрость, но это—уже перетолкованіе грамматико-историческаго смысла обоихъ понятій въ данномъ текстѣ), при чемъ отцу усволяется наставленіе (слав. наказаніе, гр. *παιδεία*, лат. *disciplina* евр. *musar*),—иногда соединявшееся съ мѣрами физическаго владычства отца на сына (XIII, 13—14, см. XXII, 15),—матери же—только завѣтъ (русск.) или завѣты (греч. *θεσφοί*, лат. *lex*, евр. *тора*). Того, къ кому Соломонъ обращается (здѣсь какъ и въ I, 10. II, 1. III, 1) съ наставленіями, онъ называетъ сыномъ,—отчасти прежде всего въ физическомъ смыслѣ (онъ могъ имѣть въ виду Ровоама), а затѣмъ вообще юность, по праву учительства, въ знакъ отеческаго участія и доброжелательства; о возрастѣ слушателей отсюда ничего нельзя заключать, во всякомъ случаѣ указанное вниманіе обращеніе не есть только литературный приемъ, хотя и не заключаетъ еще въ себѣ новозавѣтнаго представленія о рожденіи въ духовную жизнь, какъ у Апостола (I Кор. IV, 15. Филип. 10; Гал. IV, 19). Мидрашъ понимаетъ ст. 8 въ смыслѣ увѣ-

20. Премудрость возглашает на улицахъ, на площадяхъ возвышаетъ голосъ свой,

21. въ главныхъ мѣстахъ собраній проповѣдуетъ, при входахъ въ городскія ворота говорить рѣчь свою:

22. „доколѣ, невѣжды будете любить невѣжество? доколѣ буйные будутъ услаждаться буйствомъ? доколѣ глупцы будутъ ненавидѣть знаніе?

23. Обратитесь къ моему обличенію: вотъ. я изолью на васъ духъ мой, возвѣщу вамъ слова мои.

24. Я звала, и вы не послушались; простирала руку мою, и не было внимающаго;

25. и вы отвергли всѣ мои совѣты, и обличеній моихъ не приняли.

26. Зато и я посмѣюсь вашей погибели; порадуюсь, когда придетъ на васъ ужасъ;

27. когда придетъ на васъ ужасъ, какъ буря, и бѣда, какъ вихрь, принесется на васъ; когда постигнетъ васъ скорбь и тѣснота.

28. Тогда будутъ звать меня, и я не услышу; съ утра будутъ искать меня, и не найдутъ меня.

29. За то, что они возненавидѣли знаніе и не избрали для себя страха Господня,

30. не приняли совѣта моего, презрѣли всѣ обличенія мои;

шанія соблюдать все заповѣданное на горѣ Синаѣ относительно почтенія къ родителямъ.—Послушаніе родителямъ, ихъ совѣтамъ и завітамъ, служить лучшимъ украшеніемъ юноши—въ родѣ преставнаго вѣнка на головѣ (ср. IV, 9) и ожерелья на шеѣ (III, 3. VI, 21).

10—19. Послѣ общаго обращенія и увѣщанія къ ученику (ст. 8—9), Соломонъ предостерегаетъ ему частное увѣщаніе, конкретное предостереженіе отъ увлеченій на зло со стороны „грѣшниковъ“ (ст. 10), евр. *xatтам*, Vulg. *rossatores LXX ἀνδρες δασεῖς*, слав. мужіе нечестивіи—злѣди, для которыхъ преступленіе сдѣлалось обычаемъ (ср. пс. I, 1 Притч. XVI, 29). Предостерегая ученика своего отъ губельнаго вліянія со стороны подобныхъ злѣдѣвъ, Соломонъ раскрываетъ подлинную суть и истинные мотивы ихъ злѣдѣвскихъ замысловъ (11—14): посягая на собственность и жизнь ближняго, безъ всякой вины съ его стороны, съ величайшею наглостью и жестокостью, злѣди пытаются прельстить приглашаемаго въ сообщество юношу мыслию о безнаказанности преступленія (ст. 12) и о большой долѣ въ предполагаемой добычѣ (13—14). Изобразивъ обольстительныя и преступныя намѣренія злѣдѣвъ, Промудрый со ст. 15 (повышеніе періода) въ положительной категорической формѣ предостерегаетъ своего слушателя отъ слѣдованія по ихъ „пути“; предостереженіе это и по содержанию и по формѣ рѣчи напоминаетъ начальныя слова Псалтири: „блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста“ (пс. I, 1). Ст. 16, повторяемый пророкомъ Исаію (Ис. LIX, 7) и Ап. Павломъ (Рим. III, 15), не нѣтется у LXX тѣ; однако считать этотъ стихъ въ евр. Вулг. слав. русск. заимствованнымъ у ипрор. Исаіи нѣтъ основанія; скорѣе у пророка Исаіи цитаты изъ болѣе древнихъ библейскихъ книгъ не представляютъ чего-л. необычнаго; при томъ во многихъ код. LXX (23, 68, 157, 252, 254, 295, 296, 161, 248 и др. у Гольмеса, Кохлютъ. Амд.) нѣтъ въ себѣ ст. 16.

Въ ст. 17—19 слушатель ограждается отъ вліянія обольстительныхъ рѣчей злѣдѣвъ—указаніемъ на ожидающее ихъ наказаніе—конечную гибель, вопреки той безнаказанности, на какую они рассчитывали.

20—32. Въ противѣсъ соблазнительнымъ рѣчамъ преступныхъ людей (ст. 11—19), ищущимъ себѣ единомышленниковъ, здѣсь выводится Премудрость также призывающею къ себѣ учениковъ и побуждающею ихъ къ покаянію; но тогда какъ преступныя рѣчи злѣдѣвъ ведутъ подъ покровомъ глубокой тайны, вѣщанія и обличенія Премудрости раздаются во всеуслышаніе—„на улицахъ, на площадяхъ, въ главныхъ мѣстахъ собраній“ (20—21). Эта премудрость, судя по свойству Ея настоятельной и вразумленій, какъ и по всему образу Ея выступленія, не есть ограниченная сила человѣческая, а все-

31. за тѣ и будутъ они вкушать
отъ плодовъ путей своихъ и насы-
щаться отъ помысловъ ихъ.

32. Потому что упорство невѣждъ,
убѣеть ихъ и безпечность глупцовъ

погубить ихъ,

33. а слушающій меня будетъ
жить безопасно и спокойно, не
страшась зла“.

мощная сила Божія, которая одна можетъ говорить съ такимъ авторитетомъ, сила, въ повиновеніи которой для людей заключено всякое благо и счастье, а въ противленіи—гибель. Совершенно произвольно и ошибочно мнѣніе нѣкоторыхъ западныхъ, усматривающихъ въ изображеніи Премудрости въ Притч. I, 20 сл., VIII, 22 сл. вліяніе парсизма на библейскую письменность. Въ дѣйствительности понятіе „Премудрости“ выросло на чисто библейской, самобитной почвѣ. Въ книгѣ Іова (XV, 7, 8, XXVIII, 12 сл.) Премудрость изображается весьма сходно съ книгою Притчей. Самый образъ выступленія Премудрости (20—21 сл.) вполне напоминаетъ проповѣдническую или учительную дѣятельность народныхъ законоучителей (ср. 2 Пар. XVII, 7—9) а также пророковъ и—позже—апостоловъ (Мф. X, 27. Лк. XIV, 21),—всѣхъ посланниковъ той же Премудрости (Лук. XI, 49). Далѣе, со ст. 22, излагается самое содержаніе проповѣди Премудрости.

Первую половину ст. 22 LXX п слав. („елико убо время незлобивіи держатся правды, не постыдятся“) передаютъ не въ обличительномъ смыслѣ, какъ въ евр. Вульг. русск., а въ положительномъ—въ смыслѣ похвалы „незлобивымъ“. Но съ контекстомъ рѣчи ст. 22 болѣе согласуется обличительный смыслъ (подобно какъ въ пс. IV, 3): обличаются люди трехъ категорій: 1) невѣжды (—простаки, евр. *нетאים*), 2) буйные—осмѣятели, кодушники, презрители всего святого (евр. *лецим*) и 3) глупцы—люди чуждые вѣдѣнія, тупые и всегда готовые духовно пасть (евр. *кесиллим*), словомъ, всѣ, съ намѣреніемъ или по невѣдѣнію протавящися истинѣ. И въ ст. 23 Премудрость отъ полноты своего духовнаго богатства желаетъ пролить духа мудрости (ср. XVIII, 4) всѣмъ, безъ различія, нуждающимся въ ней; мудрость и благочестіе, по взгляду Премудраго, какъ и по ученію всей Библии, не есть достояніе лишь избранныхъ натуръ, но обильно изливаются во всякій умъ, душу и сердце, разъ они открыты для воздѣйствія свыше (ср. Іованн. VII, 37—39).

24—25. Но такъ какъ столь внушительныя, трогательныя и многократныя вѣщанія Премудрости услѣха не имѣли, то рѣчь ея мѣняетъ тонъ и характеръ: послѣ продолжительныхъ, но безплодныхъ, призывовъ къ покаянiю, Вожественная Премудрость грозно возвѣщаетъ гибель всѣмъ упорно коснѣющимъ во злѣ.

26—32. Со всею наглядностью и полнотою изображается жалкое, отчаянное состояніе людей, упорно презиравшихъ велѣнія Премудрости: внезапность гибели (ст. 27, см. 1 Тесс. V, 7), отсутствіе сочувствія со стороны (ст. 26), безплодность раскаянія (ст. 28) во всемъ этомъ несчастіи являются лишь пожитыя естественныя и неизбежныя плоды своего нечестія (ст. 31, см. Гал. VI, 7).

Въ ст. 32—33 заключается выразительное противоположеніе гибельности состоянія презрителей Премудрости и прочности счастья послушныхъ гласу Ея. Последніе всегда остаются спокойны, потому что вѣнчаніемъ и лишеніямъ, какъ и всей земной, временной жизни, не предаются того исключительно важнаго значенія, какое все это имѣетъ въ очахъ нечестивыхъ. Возрѣніе же благочестивыхъ на жизнь и ея блага, у Премудраго, какъ и у Апостола, опредѣляются правиломъ: „благочестіе на все полезна и нѣтъ обтованіе жизни настоящей и будущей“ (1 Тимѣе. IV, 8). Въ первой половинѣ ст. 32 чтеніе русск. перев. „упорство (у архим. Макарія—неповорность) убѣеть ихъ“, точно передающее евр. чтеніе и соотв.—Вульгаты, слѣдуетъ предпочесть греч. и слав. „зане обидѣша младенцевъ, убоиши будутъ“.

ГЛАВА 2-я.

1. Сынъ мой! если ты примешь словъ мой и сохранишь при себѣ заповѣди мои,

2. такъ-что ухо твое сдѣлаешь внимательнымъ къ мудрости, и наклоняешь сердце твое къ размышленію;

3. если будешь призывать знаніе и взывать къ разуму;

4. если будешь искать его, какъ серебра, и отыскивать его, какъ сокровище,—

5. то уразумѣешь страхъ Господень и найдешь познаніе о Богѣ.

6. Ибо Господь даетъ мудрость; изъ устъ Его—знаніе и разумъ;

7. Онъ сохраняетъ для праведныхъ спасеніе; Онъ—щитъ для ходящихъ непорочно;

8. Онъ охраняетъ пути правды и оберегаетъ стезю святыхъ Своихъ.

9. Тогда ты уразумѣешь правду и правосудіе и прямоту, всякую добрую стезю.

II.

Постоянное, серьезное исканіе мудрости, какъ путь къ страху Божию и добродѣтели Частныя: 1—9. Послѣ краткаго увѣщанія къ вниманію (1—2), изображаются плоды мудрости, внутреннія и внѣшнія.—10—19. Изъ послѣднихъ выдѣляется доставляемое мудростью предохраненіе отъ опасностей со стороны преступныхъ людей, въ частности отъ прелюбодѣйной жены.—20—22. Только удѣлъ добродѣтели—прочное счастье.

1—9. Ст. 1—4 представляютъ повышение (пратазисъ) имѣющаго въ ст. 1—9 жѣста условнаго періода, ст. 5 и дал.—понижение (аподозисъ) его. Высокое значеніе мудрости, какъ высшаго блага, служащаго предметомъ человѣческихъ исканій, Премудрый выражаетъ сравненіемъ ея, ст. 4 (ср. VIII, 11), съ серебромъ (Вулг.: ресипіа, деньги вообще) и вообще сокровищемъ (евр. *мамон*; по Гезеніусу, отъ этого слова происходитъ греческое *μαμωνᾶς*, *мамона*, богатство), а настоячивое исканіе премудрости съ неустанной работой рудоконовъ; этотъ образъ въ отношеніи Премудрости и исканій человѣкомъ заключается и въ книгѣ Иова (гл. XXVIII). Если и искатели земныхъ сокровищъ не жалѣютъ никакихъ усилій и жертвъ, чтобы обогатить себя, хотя обладаніе этими сокровищами непорочно, то тѣмъ большіе усилія и жертвы достойно приобрѣтеніе мудрости, особенно потому, что съ мудростью тѣсно соединено,—отчасти въ качествѣ источника мудрости (1, 7; IX, 10), отчасти же въ качествѣ вѣнца и завершенія ея, — еще высшее благо: страхъ Божій и познаніе Бога (ст. 5). Проникнутый страхомъ Божиимъ и нѣтъ вѣру въ Бога и познаніе Его, но все это пока только въ начаткахъ,—реватель мудрости, по жѣрѣ преусыпанія въ ней, преусыпываетъ и въ страхъ Божіемъ, или благочестіи, и въ Богопознаніи. Источникъ такой, по существу религіозной, мудрости заключается въ отаровеніи: Самъ Господь даетъ мудрость всякому ищущему ея, ст. 6 (ср. 3 Цар. III, 9, 12; Иов. XXXII, 8; Дан. II, 21; Прем. Сол. VII, 15); мудрость, знаніе и разумъ исходятъ изъ устъ Божіихъ (ср. Иов. XXII, 22; Прем. VII, 25), т. е. заключены въ Откровенномъ словѣ Божіемъ; въ исключительныхъ же случаяхъ мудрость сообщается человѣку чрезъ таинственное прикосновеніе къ его уму и сердцу просвѣщающей благодати Святаго Духа (LXX, слав. во второй половинѣ ст. 6 вмѣсто „изъ устъ“ нѣтъ: „отъ лица“, *ἀπὸ προσώπου* — вслѣдствіе сжѣщенія евр. *миппис*, изъ устъ, съ сл.: *миппанав*, отъ лица; оба слова въ евр. начертаніи отличаются лишь одною буквою *нун*, стоящею во второмъ словѣ. Библейскія параллели: Иов. XXII, 22; Прем. VII, 25 дають основаніе предпочтеть чтеніе евр. масоретскаго текста ст. 6).

Божественное происхожденіе мудрости и та близость къ Богу, какую доставляетъ

10. Когда мудрость войдетъ въ сердце твое, и знаніе будетъ пріятно душѣ твоей.

11. тогда разсудительность будетъ оберегать тебя, разумъ будетъ охранять тебя,

12. дабы спасти тебя отъ пути злаго, отъ человѣка, говорящаго ложь,

13. отъ тѣхъ, которые оставляютъ стези прямыя, чтобы ходить путями тьмы;

14. отъ тѣхъ, которые радуются, дѣлая зло, восхищаются злымъ развратомъ,

15. которыхъ пути кривы, и которые блуждаютъ на стезяхъ своихъ;

16. дабы спасти тебя отъ жены

другаго, отъ чужой, которая умягчаетъ рѣчи свои,

17. которая оставила руководителя юности своей и забыла завітъ Бога своего.

18. Домъ ея ведетъ къ смерти, и стези ея—къ мертвецамъ;

19. ни кто изъ вошедшихъ къ ней не возвращается и не вступаетъ на путь жизни.

20. Посему ходи путемъ добрыхъ и держись стезей праведниковъ,

21. потомучто праведные будутъ жить на землѣ, и непорочные пребудутъ на ней;

22. а незаконные будутъ истреблены съ земли, и вѣроломные искоренены изъ нея.

человѣку обладаніе мудростью, тѣмъ болѣе должны дѣлать ее предметомъ постоянного стремленія человѣка, что съ нею неотдѣлимо соединены благословеніе въ земной жизни, храненіе средн опасностей: Господь есть щитъ и хранитель для благочестивыхъ искателей мудрости, Онъ хранитъ ихъ за ихъ непорочность на всѣхъ путяхъ жизни (ст. 7—8, см. с. LXXXIII, 12, XC, 11—12). Плодомъ слѣдованія путями Божественной премудрости явится для человѣка преуспѣваніе во всѣхъ видахъ правды и праведности (сн. I, 3).

10—19. Мудрость и знаніе для ищущаго и любящаго ихъ становятся какъ-бы друзьями и совѣтниками, которые, утверждая человѣка въ добромъ направленіи мысли и жизни, предохраняютъ его вѣстѣ съ тѣмъ отъ злыхъ путей человѣка развращеннаго (10—12), для котораго дѣлать зло—привычка и удовольствіе (14, сн. VI, 14; X, 31—32; XVI, 30; XXIII, 33). Пути послѣдняго рода людей—пути тьмы (ст. 13 сн., Ефес. V, 11), такъ какъ тьма—родная стихія для порока (Іоан. III, 19); эти пути вѣстѣ съ тѣмъ—пути кривые (ст. 15), полные козней и ухищреній на счетъ людей неопытныхъ.

Особенную опасность для юношей представляетъ обольстительное, но пагубное вліяніе со стороны развратныхъ жевчанъ (16—19, сн. V, 3, VI, 24, VII, 17 и дал.). Жена прелюбодѣйная, оставляя руководителя (Вулг. *disces*) или друга (евр. *аллуф*) юности своей, нарушаетъ тѣмъ завітъ Бога своего (ст. 17): воззрѣніе это весьма характерно для библейскаго представленія, прежде всего, брака, а затѣмъ и завіта съ Богомъ (*беритэлогим*). Въ отношеніи брака Ветхій Завітъ проводитъ то идеальное воззрѣніе, что бракъ есть тѣснѣйшій союзъ, союзъ дружбы и любви, заключенный между мужемъ и женою (Іоан. I, 8; Мал. II, 14),—заключенный притомъ предъ Богомъ, т. е., съ соблюденіемъ извѣстныхъ религиозныхъ обрядовъ (какъ справедливо утверждаетъ Эвальдъ къ ст. 17). Но затѣмъ этотъ союзъ, въ силу нравственной высоты, въ силу почивавшей на немъ освящающей силы Божіей, служитъ по библейскому представленію образомъ союза или завіта Бога съ Израилемъ (ср. Іер. III гл.; Ос. I—III).

Законный бракъ такимъ образомъ есть союзъ, заключенный не только предъ Богомъ, но—въ смыслѣ таинственномъ и съ Богомъ. Все это пренебрегаетъ прелюбодѣйная жена (17), а потому удѣлъ ея и всѣхъ обольщенныхъ ею—преждевременная гибель (вълѣдствіе истощенія силъ, отъ неумѣренныхъ плотскихъ наслажденій и под.).

20—22. Тѣмъ настойчивѣе и убѣдительнѣе взываетъ Премудрый къ здравому смыслу (ср. ст. 11) и къ совѣти слушателя—идти въ жизни путемъ правды и добра (ст. 20). Изъ слѣдованія по этому пути для праведниковъ произтекаетъ истинное и высшее благо,—обозначаемое Премудрымъ (ст. 21), какъ и въ псалмахъ (XXXVI, 9),—согласно общей ветхозавѣтному библейскому еврейству любви къ Обѣтованной землѣ или

ГЛАВА 3-я.

1. Сынъ мой! наставленія моего не забывай, и заповѣди мои да хранить сердце твое;

2. ибо долгиы дни, лѣтъ жизни и мира онѣ приложатъ тебѣ.

3. Милость и истина да не оставяютъ тебя: обяжи ими шею твою, напнши ихъ на скрпжали сердца твоего, —

4. и обрѣтешь милость и благо-

Хавану-Палестинѣ, — пребывавиѣмъ или обитаниѣмъ на землѣ (этотъ образъ выраженія изъ Ветхаго Завета и въ Евангеліи — Мф. V, 5). Напротивъ, ожажающая нечестивыхъ гибель представляется въ конкретномъ образѣ истребленія съ земли (ср. пс. XXXVI, 9; Іов. XVIII, 17).

III.

1—18. Больше частное изображеніе свойствъ истинной мудрости въ отношеніи къ Богу и ближнимъ; мудрость, какъ высочайшее благо. — 19—26. Господь, Премудрый Творецъ и Промыслитель, охраняетъ и защищаетъ жизнь мудраго и благочестиваго. — 27—35. Увѣщаніе быть милосердымъ и справедливымъ къ ближнимъ и предостереженіе отъ подражанія насильникамъ и вообще беззаконнымъ.

1—4. Предостерегая ученика своего („сынъ мой“) отъ подражанія людямъ развращеннымъ (II, 10—19), Премудрый прежде всего увѣщаетъ его (ст. 1) не забывать его, учителя (*море, мела мед, V, 13*), ученія, закона (*тора*) и хранить всѣ отдѣльныя заповѣди (*мицвот*) этого ученія (разумѣется, ученіе о мудрости и благочестіи). Для поощренія же ученика къ исполненію своихъ наставленій, Премудрый обѣщаетъ ему награду за исполненіе ихъ — долгоденствіе и благоденствіе, подобно какъ и въ Пятикнижій эти блага часто обѣщаются исполнителямъ закона Моисеева (напр. Исх. XX, 12; Втор. VIII, 1, XXX, 16 и др.). Такая награда отчасти есть благодатный плодъ благословенія Божія, починающаго на ревнителяхъ истинной мудрости и чистаго благочестія, отчасти же представляетъ естественное слѣдствіе свойственнаго мудрымъ и благочестивымъ воздержанія отъ всѣхъ пороковъ и страстей, разстраивающихъ внѣшнее благосостояніе человѣка, подтачивающихъ его здоровье и сокращающихъ самую жизнь его. Опредѣляя затѣмъ сущность закона или ученія о мудрости — благочестіи, Премудрый заповѣдуетъ (ст. 3) хранить „милость и истину“, евр. *хесед ве-эмет*, греч. *ἔλεος καὶ πίστις*. Вульг. *misericordia et veritas*. Оба понятія весьма часто въ Ветхомъ Заветѣ соединяются вмѣстѣ (Быт. XXXII, 10; Пс. XXIV, 10; XXIX, 11), такъ и въ книгѣ Притчей (III, 3, XIV, 22, XVI, 6, XX, 28 и др.) и могутъ означать какъ Божественную милость и благодать, и Божию вѣрность завету съ людьми, такъ и добродѣтели собственно человѣческія: съ одной стороны милосердіе, состраданіе къ нуждающимся ближнимъ, готовность помогать имъ въ ихъ нуждахъ, съ другой стороны вѣрность человѣка даннымъ имъ обѣщаніямъ и обязательствамъ, готовность его воздавать каждому должное, — словомъ оба эти понятія, вмѣстѣ взятая, выражаютъ исполненіе человѣкомъ своего моральнаго долга въ отношеніи ближняго, причѣмъ „милость“ (*хесед*) основывается на чувствѣ братства всѣхъ людей и на сознаніи необходимости взаимной ихъ солидарности какъ во внѣшней жизни, такъ и въ дѣлѣ духовнаго развитія, а „истина“ (*эмет*) означаетъ внутреннюю устойчивость и правдивость, *rectus gestus*, прямо противоположную всякому лицемерію, мнимои святости, — стремленіе сообразовать всякую форму съ существомъ дѣла. Съ точки зрѣнія этихъ двухъ добродѣтелей опредѣляется поведение человѣка въ отношеніи ближнихъ въ послѣдней части этой главы (ст. 27 дал.). Мысль о долгѣ „милости и истинны“ должна быть постоянно присуща человѣку. Заповѣди эти, по образному

воленіе въ очахъ Бога и людей.

5. Надѣйся на Господа всѣмъ сердцемъ твоимъ и не полагайся на разумъ твой.

6. Во всѣхъ путяхъ твоихъ познавай Его, и Онъ направитъ стези твои.

7. Не будь мудрецомъ въ глазахъ твоихъ: бойся Господа и удаляйся отъ зла:

8. это будетъ здравіемъ для тѣла твоего и питаніемъ для костей твоихъ.

9. Чти Господа отъ имѣнія твоего и отъ начатковъ всѣхъ прибытковъ твоихъ,—

10. и наполнятся житницы твои до избытка, и точила твои будутъ переливаться новымъ виномъ.

выраженію Премудраго, должны быть какъ-бы повѣшенными на шеѣ и написанными на сердцѣ человѣка,--подобно тому, какъ у библейскихъ евреевъ былъ обычай носить на груди (на шнуркѣ) печать съ начертаніемъ собственнаго имени и достоинства (Быт. XXXVIII, 18; Пѣс. П. VIII, 6), а позднѣйшіе евреи съ цѣлью поминать заповѣди закова Божія носили и носятъ на рукахъ и на лбу такъ называемыя филактеріи или тефилины, буквально понимая слова Моисея (Исх. XIII, 16; Втор. VI, 8, XI, 18; см. Мѡ. XXIII, 5). Неуклонное храненіе „милости и истины“ будетъ имѣть слѣдствіемъ милость Божию и любовь отъ людей (ср. 1 Цар. II, 26; Лук. II, 52) къ человѣку, всегда хранимому и скрывали сердца (по сердечному влеченію, ср. Іер. XXXI, 33), а не по вѣншему лишь повелѣнію долгъ любви и справедливости. Этотъ мотивъ нравственной дѣятельности человѣка—похвала и одобреніе отъ Бога и людей—часто выставляется въ книгѣ Притчей. Но такъ какъ сужденія людей могутъ быть и ошибочны, то Премудрый далѣе выше всего ставитъ всецѣлую преданность человѣка Богу, и требуетъ отъ человѣка, во 1-хъ внутренняго посвященія Богу въ смиреніи (ст. 4—8), а затѣмъ и всецѣлой готовности жертвовать для Бога внѣшнимъ достояніемъ и предавать въ Его руки внѣшнія судьбы свои (ст. 9—12).

4—8. Кто истинно вѣруетъ въ Бога, Творца и Промыслителя міра, тотъ не можетъ въ своей дѣятельности полагаться только на свои силы; напротивъ, истинно вѣрующаго отличаетъ прежде всего твердое упованіе на милость и благодать Божию, всецѣлая преданность и вѣрность Богу (ст. 5). причѣмъ самонадѣянность, желаніе обезпечить себѣ благоденствіе оцнѣи своими силами, не можетъ имѣть мѣста (ср. Іер. IX, 23. Пс. XXXVI, 3 сл. CXVIII, 8. 9). Только при условіи смиренной преданности волѣ Божіей, человѣкъ можетъ бодро встрѣтить и всѣ испытанія житейскія. Но для этого человѣкъ долженъ именно „звать“ Бога во всѣхъ путяхъ своихъ (ст. 6), т. е., б.тъ всецѣло проникнуть мыслию о Богѣ (ср. пс. I, 6); тогда и Богъ „направитъ“ („уравняетъ“— по болѣе точному перев. архим. Макарія) всѣ пути человѣка на служеніе нравственнымъ цѣлямъ, истинѣ, правдѣ, добру. Но такое направленіе человѣческой воли возможно только въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, совершенно отказываясь отъ всякаго самонѣвнн и самопревозношенія (7 а, см. Екл. VII, 16. Рим. XII, 16), въ основу своей дѣятельности положить страхъ Божій и вытекающее изъ него уклоненіе отъ всякаго зла (7 б.), въ чемъ и заключается истинная мудрость жизни (ср. I, 7 Іов. XXVIII, 28). Мудрость—благочестіе, необходимо соединяющееся съ страхомъ Божиимъ и удаленіемъ отъ зла, спасательно не только для души, но и для тѣла (ст. 8), поскольку страхъ Божій и опасеніе впасть въ грѣхъ удерживаютъ человѣка отъ разнаго рода излишествъ, разрушительно дѣйствующихъ на тѣло.

9—10. Честь Господу со стороны человѣка должна быть воздаваема не однимъ смиреніемъ, благоговѣніемъ и страхомъ предъ Нимъ, не однимъ удаленіемъ отъ грѣха,— вообще не однимъ лишь духовными средствами Богопочтенія, но и матеріальными, внѣшними дѣлами благоугожденія Богу, къ числу которыхъ въ Ветхомъ заветѣ относилась и обязанность каждаго еврея посвящать Іеговѣ первыя произведенія земли (Исх. XXIII, 19 сл. XXXIV, 26 Лев. XXIII, 10—17. Чис. XVIII, 12—18 Втор. XVIII, 4 сл. XXVI, 2—10), равно какъ десятвны отъ скота и всѣхъ произведеній земли (Втор. XIV, 21 сл. XXVI, 12—14) и первородныя изъ животныхъ (Исх. XXII, 29. Чис. XVIII,

11. Наказанія Господня, сынъ мой, не отвергай, и не тяготись обличеніемъ Его;

12. ибо кого любитъ Господь, того наказываетъ и благоволяетъ къ тому, какъ отецъ къ сыну своему.

13. Блаженъ человекъ, который свискалъ мудрость, и человекъ, который приобрѣлъ разумъ,—

14. потому что приобрѣтеніе ея

лучше приобрѣтенія серебра, и при- были отъ нея больше, нежели отъ золота:

15. она дороже драгоценныхъ камней; (ни какое зло не можетъ противиться ей, она хорошо известна всѣмъ, приближающимся къ ней,) и ни что изъ желаемаго тобою не сравнится съ нею.

16. Долгоденствіе—въ правой ру-

15—18). Такъ какъ во всѣ времена отъ исполненія этого закона о теокрагическихъ припошеніяхъ святилищу могло удерживать евреевъ опасеніе оскуднѣнія вслѣдствіе щедрости (ср. Лев. XXV, 20),—то Премудрый, имѣя въ виду обѣщаніе благословенія Божія за исполненіе этого закона (см. Лев. XXV, 21—22), общаетъ усердному жертвователю изобиліе хлѣба и вина (ст. 10). Если въ другихъ мѣстахъ книги Притчей вообще мало говорится объ обрядовомъ законѣ, то принесеніе Иеговъ первыхъ произведеній земли было столь естественнымъ обнаруженіемъ благодарности Богу за Его дары (въ силу этого принесеніе напр. десятны Богу было обычаемъ еще до Моисея Быт. XXVIII, 22; равно какъ обычай жертвовать Богу первыя и лучшія произведенія былъ широко распространенъ и у др. древнихъ народовъ), что Премудрый не могъ обойти молчаніемъ столь непосредственной формы выраженія религіознаго чувства, и утѣшаетъ своего слушателя къ ревности въ соблюденіи упомянутаго закона, подобно какъ то-же впоследствии дѣлаетъ пророкъ Малазія (Мал. III, 10—12).

11—12. Научая слушателя своего выражать преданность Богу, Богопочтеніе, еще и терпѣливымъ перенесеніемъ посылаемыхъ Богомъ бѣдствій, Премудрый сравниваетъ эти бѣдствія съ тяжелыми для питомца приемами человѣческой ветхозавѣтной педагогіи: какъ эта послѣдняя, по воззрѣнію Премудраго (Притч. XIX, 18. XXIII, 13), неизбежно включаетъ систему физическихъ воздѣйствій (таково значеніе евр. *musar*, греч. *καθάρσις*, лат. *disciplina*, слав. русск. наказаніе), такъ и всякаго рода бѣдствія въ рукахъ посылающаго ихъ Бога имѣютъ педагогическую цѣль—воспитаніе въ народѣ Божіемъ и всѣхъ его членовъ истинной преданности Богу и вѣрности Его завету (ср. Втор. VIII, 5, I, 31. Пс. CXVII, 18 Плач. III, 33).

Только дѣти безразсудныя пренебрегаютъ уроками родителей, воспитателей и наставниковъ, не вразумляются ихъ мѣрами строгости. Такимъ дѣтямъ удоболюбятся тѣ, которые, принимая отъ рукъ Божіихъ наказаніе за свои грѣхи, не вразумляются, даже озлобляются противъ Бога. Предостерегая слушателей или читателей своихъ отъ подобнаго настроенія, премудрый поучаетъ (ст. 12) видѣть въ посылаемыхъ Богомъ бѣдствіяхъ знаки отеческой Его любви къ человѣку, желающей отвести его отъ пути несправды и наставить на путь правды и добродѣтели. Вторая половина стиха 12—нѣсколько иначе читается въ евр. масор., Вулг. и русск.: *укаев эт-бен ирце*, quasi pater in filio complacet tibi, и благоволяетъ къ тому, какъ отецъ къ сыну,—чѣмъ у LXX и слав.: *мачуот дѣ пахта ѡѡв, ѡв парадѣхетат*, биетъ же всякаго сына, его же приемлетъ. Въ виду того, что при чтеніи LXX слав. гораздо лучше удерживается параллелизмъ обихъ половинъ 12-го стиха чѣмъ, при чтеніи еврейск. масор. т.,—чтеніе LXX-ти заслуживаетъ предпочтенія (аналогію ст. 12 представляетъ Иов. V, 17—18), чѣмъ болѣе, что это чтеніе буквально воспроизведено и въ посланіи къ Евреямъ, гл. XII ст. 6. Приведа въ Евр. XII, 5—6 слова Притч. III, 11—12, священный писатель посланія къ Евреямъ въ поясненіе словъ премудраго присоединяетъ: „Если вы терпите наказаніе, то Богъ поступать съ вами, какъ съ сынами, ибо есть-ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ? Если же остаетесь безъ наказанія..., то вы незаконныя дѣти, а не сыны“ (Евр. XII, 7—8).

13—18. Премудрый какъ-бы поестъ цѣлый гамнь истинной мудрости, подъ которой здѣсь (ст. 13 и дал.), по связи съ предыдущимъ (ст. 11—12), ближе всего разумѣется

къ ея, а въ лѣвой у нея—богатство и слава; (изъ усть ея выходятъ правда; законъ и милость она на языкѣ носить);

17. пути ея — пути пріятны, и в сѣ стези ея—мирныя.

18. Она—древо жизни для тѣхъ, которые приобрѣтають ее,—и бла.

опытное, основаваемое на терпѣливомъ перенесеніи посылаемыхъ Богомъ скорбей жизни, разумѣніе дѣйствія въ нихъ карающей, наказующей и вмѣстѣ милующей руки Промысла Божія,—а затѣмъ вообще духовная и житейская опытность; источникомъ и послѣднимъ основаніемъ такой мудрости служить и всегда остается всецѣлая преданность человѣка водѣ всецѣлудшаго и всеблагаго Промыслителя—Бога. Мудрость (*σοφία, sapientia*) и благоразуміе (*σοφία, φρόνησις, prudentia*) суть такія блага, для приобрѣтенія которыхъ слѣдуетъ больше трудиться, чѣмъ сколько трудятся искатели золота и серебра, добывающіе ихъ въ вѣдрахъ земли и за дорогую цѣну покупающіе мѣтности, богатая золотыми и серебряными розсыпями (ср. Іов. XXVIII, 15 сл.). Не могутъ идти въ сравненіе съ благомъ мудрости и другія драгоценности, напр. драгоценныя камни или что подобное, цѣнное лишь по вѣншему блеску: всѣ эти драгоценности украшаютъ лишь тѣло человѣка, тогда какъ мудрость есть украшеніе души и духа. Въ срединѣ ст. 15, а также въ концѣ ст. 16 у LXX и въ слав. имѣются прибавки. Въ ст. 15 прибавка читается такъ: *ὁμολογήσεται αὐτῇ οὐδὲν πονηρὸν εὐνοιστὸν ἔστιν πᾶσιν τοῖς ἐργάζουσιν αὐτῇ.* слав. не сопротивляется ей ничтоже лукаво. Благозвѣтна есть всѣмъ приближающимся ей. Хотя эту вставку, повидимому, нѣсколько нарушается естественный параллелизмъ рѣчи въ ст. 15, однако общая мысль приведенныхъ словъ о превосходствѣ истинной мудрости предъ всякимъ земнымъ благомъ, приобрѣтеннымъ неправедно, — и о привлекательности близкаго знакомства съ мудростью, вполне и хорошо согласуется съ ученіемъ книги Притчей о премудрости. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ спискахъ LXX-ти (напр. въ Комплуг.) приведенныя слова не читаются.

Въ ст. 16, какъ и далѣе ст. 17 и 18, мудрость изображается олицетворенно, и именно представляется раздавательницею даровъ вѣншихъ, вещественныхъ и внутреннихъ, духовныхъ. Мудрость—обильный источникъ тѣхъ и другихъ. Она обѣими руками, правою и лѣвою, раздаетъ ревнителямъ ея такія блага, какъ долготѣіе, богатство и славу,—при чемъ, соотвѣтственно неоднаковому достоинству этихъ благъ, они раздѣляются такъ: правою рукою мудрости содержится и дается болѣе важное и существенное—благо долголѣтствія (ср. ст. 2), а менѣе важныя, почти лишь случайныя принадлежності мудрости—богатство и слава—лѣвою рукою. Далѣе, по тексту LXX-ти, въ концѣ ст. 16 читаемъ: *ἐκ τοῦ στόματος αὐτῆς ἐκπορεύεται δικαιοσύνη, νόμον δὲ καὶ ἔλεον ἐπὶ γλώσσης φορεῖ,* слав. отъ усть ея исходитъ правда, законъ же и милость на языкѣ носить. Эта рѣчь о духовныхъ, внутреннихъ благахъ мудрости весьма умѣстна въ дополненіе къ упоминанію о благахъ вѣншихъ: правда мудрости есть даръ или способность во всемъ, а особенно на судѣ, дѣйствовать правомѣрно, безпристрастно и нелицепріятно; носить же законъ и милость на языкѣ значить изрекать подосудимымъ приговоры не только согласный съ правдою закона, но и проникнутый милостію и снисхожденіемъ по требованію духа закона. Въ цѣломъ весь ст. 16 прямо напоминаетъ начальный моментъ царствованія Соломона, имѣеть въ виду его собственный примѣръ. По вступленіи на царство Соломонъ, какъ извѣстно, просилъ себѣ у Бога мудрости на дѣло правленія, и Господь даровалъ ему не только то, что онъ просилъ, но и то, чего не просилъ—богатство и славу (3 Цар. III, 6—13. Толков. Библи. т. II, стр. 376—377).

Внутренними плодами мудрости являются (ст. 17): особенная пріятность жизни—успѣхъ въ дѣлахъ духовныхъ и житейскихъ,—и нѣкоторый особенный миръ жизни, поскольку мудрый избѣгаетъ всего, что могло бы вовлечь его въ какую-либо опасность или столкновеніе съ ближними. Премудрый образно и чрезвычайно знаменательно называетъ мудрость „древомъ жизни“ (ст. 18, ср. XI, 30 XIII, 12 XV, 4), имѣя, конечно въ виду и извѣстное изъ книги Бытія райское дерево жизни (Быт. II, 9 III, 22): бывшее въ раю древо жизни предохраняло человѣка отъ болѣзней и смерти; послѣ грѣхопаденія прародителей и изгнанія ихъ изъ рая, уже никакая человѣческая мудрость не

женны, которые сохраняють ея!

19. Господь премудростью основалъ землю, небеса утвердилъ разумомъ;

20. Его премудростью разверзались бездны, и облака кропятъ росю.

21. Сынъ мой! не упускай ихъ изъ глазъ твоихъ; храни здравомысліе и разсудительность,—

22. и онѣ будутъ жизнью для души твоей и украшеніемъ для шеи твоей.

23. Тогда безопасно пойдешь по

пути твоему, и нога твоя не споткнется.

24. Когда ляжешь спать,—не будешь бояться; и когда уснешь,—сонъ твой пріятенъ будетъ.

25. Не убоишься внезапнаго страха и пагубы отъ нечестивыхъ, когда она придетъ;

26. потомучто Господь будетъ упованіемъ твоимъ и сохранитъ ногу твою отъ уловленія.

въ силахъ спасти человѣка отъ смерти и даже всегда успѣшно врачевать болѣзни, но Премудрый, называя Богопросвѣщенную мудрость, основанную на страхѣ Вожіемъ (ср. I, 7) и на откровеніи Вожіемъ, имѣетъ въ виду спасительное значеніе именно этой мудрости для человѣка—главнымъ образомъ въ отношеніи духовной жизни человѣка: мудрость эта удовлетворяетъ высшимъ запросамъ духа человеческого, питаетъ его, какъ питало перваго человѣка древо жизни въ раю; она, эта мудрость, вмѣстѣ съ тѣмъ служить и залогомъ вѣчной блаженной жизни человѣка за гробомъ; равнымъ образомъ и въ земной жизни руководствующіеся правилами мудрости и благочестія чаще наслаждаются долгоденствіемъ и благоденствіемъ, чѣмъ неразумно, неумѣренно предающіеся земнымъ благамъ. Посему „блаженны, которые сохраняють“ Премудрость (18 б.), LXX: καὶ τοῖς ἐπερδομένοις ἐπ' ἀθῆν, ὡς ἐπὶ κύριον, ἀσφαλῆς, слав.: И восклоняющимся на ню, яко на Господа, тверда. Надѣющіеся на Господа, у Него ищущіе Премудрости. въ Господѣ и Его Премудрости ищущіе опоры и ухужденія, всегда остаются тверды подобно непреступной Сіонской крѣпости (ср. пс. СХХIV, 1).

Сказанное въ ст. 18 о Премудрости, какъ древѣ жизни, Церковь примѣнила къ древу креста Христова: „*lignum vitae crux Christi*“, поскольку на крестѣ была распята сама воплотившаяся Премудрость (ср. Мѡ. XI, 19. Лук. XI, 49 1 Кор. I, 24), и въ событіи распятія Христа Спасителя открылась высочайшая Премудрость Вожія, нашедшая столь необычайное средство примиренія людей съ Богомъ. Поэтому отдѣлъ Притч. III, 11—18 читается въ качествѣ параміи въ праздники въ честь креста Христова—1 августа (происхождение честныхъ древъ Креста Христова) и 14 сентября (Воздвиженіе честнаго Креста).

19—26. Человѣкъ тѣмъ болѣе долженъ стремиться къ мудрости, что она не есть только человѣческое качество, но сила присущая,—конечно, въ безконечной степени, Самому Богу: высочайшая мудрость составляетъ печать всей творческой и міроправящей дѣятельности Вожіей. Высочайшая премудрость Бога, какъ творца и промыслителя міра, выразилась въ томъ, что „Господь премудростью (*безоума*) основалъ землю, небеса утвердилъ разумомъ; Его Премудростью разверзались бездны, и облака кропятъ росю“ (ст. 19—20).

Подъ Премудростью, посредствомъ которой Богъ предначерталъ и затѣмъ осуществилъ идею міра, разумѣется проявленіе свойства Божественной Премудрости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и Ипостасная Премудрость Вожіи (Сынъ Вожіи въ Его дѣятельности до воплощенія) въ міротворческой Ея дѣятельности (ср. Притч. VIII, 22. Прем. Соз. IX, 9. Сир. XXIV, 10. Іоанн. I, 3). Премудрость Вожія, со всею очевидностью отобразившаяся въ твореніи міра и всегда являющая себя въ его сохраненіи, должна быть вѣчнымъ образцемъ, идеаломъ для всѣхъ, ищущихъ мудрости. Но и богопросвѣщенная мудрость человѣческая—„здравомысліе и разсудительность“ (евр. *тушійя у-зимма*, ст. 21). поскольку источникомъ ея служить та же Премудрость Вожія,—должна быть предметомъ вниманія и подражанія юности. Плоды мудрости, даже для одной вѣшней жизни человѣка, спасительны и разнообразны: правила мудрости, полагаемыя въ основу дѣятельности человѣка, дѣлаются для него источникомъ духовнаго питанія, нравственной крѣ-

27. Не отказывай въ благодареніи нуждающемуся, когда рука твоя въ силѣ сдѣлать его.

28. Не говори другу твоему: „пойди и приходи опять, и завтра я дамъ“, когда ты имѣешь при себѣ. (Ибо ты не знаешь, что родить грядущій день.)

29. Не замышляй противъ ближняго твоего зла, когда онъ безъ опасенія живетъ съ тобою.

30. Не ссорься съ человѣкомъ безъ причины, когда онъ не сдѣлалъ зла тебѣ.

31. Не соревнуй человѣку, поступающему насильственно, и не избирай ни одного изъ путей его;

32. потому что месть предъ Господомъ развратный, а съ праведными у Него общеніе.

33. Проклятіе Господне на домъ нечестиваго, а жилище благочестивыхъ Онъ благословляетъ.

34. Если надъ кощунниками Онъ посмѣвается, то смиреннымъ даетъ благодать.

35. Мудрые наследуютъ славу, а глупые—безславіе.

ности,—словомъ истинной жизненности (ст. 22), мира, спокойствія и успѣха во всѣхъ дѣлахъ (ст. 23), безмятежнаго покоя и безопасности, какъ отъ вышнихъ враговъ, такъ и отъ внутренняго смятенія (ст. 24--25, см. пс. XC, 5—6). Это потому, что мудрый во всѣхъ отношеніяхъ и обстоятеляхъ жизни возлагаетъ упованіе свое на Господа, и надежда его никогда не обманетъ его (ст. 26, ср. пс. XC, 11—12).

27—35. Съ положительной и отрицательной сторонъ изображается образъ поведения истинно мудраго и добродѣтельнаго въ отношеніи ближнихъ. На первомъ мѣстѣ въ понятіи истинной праведности, по ветхозавѣтно библейскому представленію (ср. Втор. XV гл. Ис. LVIII гл. и др.) стоитъ добродѣтель милосердія и благотворенія ближнимъ, и Премудрый настоятельно совѣтуетъ не отказывать нуждающемуся (*баал*) въ благодареніи (ст. 27, см. Сир. IV. 2); характерно для ветхозавѣтно библейскаго воззрѣнія на милостыню самое названіе принимающаго ее *баал*, обладателемъ, тѣмъ, кому милостыня должна принадлежать по долгу или по праву (см. XVI, 22 XVII, 7. См. у А. Глаголева, Древнееврейская благотворительность, Кіевъ 1903, стр. 33—34); при чемъ въ понятіи нуждающагося, согласно съ закономъ Моисеевымъ, мыслятся не только единоплемяникъ и единовѣрецъ, но и пришелецъ и иновѣрецъ; равнымъ образомъ словами (27, 6) „когда рука твоя въ сплахъ сдѣлать это“ дается понять, что только крайняя бѣдность, отсутствіе всякихъ средствъ къ благотворенію можетъ освободить человѣка отъ исполненія обязанности благотворенія (ср. 2 Кор. VIII, 12). Имѣющій возможность немедленно оказывать помощь нуждающемуся не долженъ откладывать ее до другого дня, ст. 28; LXX добавляютъ въ этомъ стихѣ слова (вѣроятно изъ Притч. XXVII, 1): „*od yar sbaas, ti tšetai ħ ħlobaa*“, слав. не вѣси бо, что породитъ находящій день,—слова, хорошо согласующіяся съ контекстомъ рѣчи, усиливая мысль о долгѣ человѣка безотлагательно благотворить всякому нуждающемуся (ср. Сир. IV, 1 сл. XII, 1 сл. XXIX, 1 сл. Iов. XXXI, 16). Ст. 29—30 изображаютъ отрицательную сторону любви къ ближнему—коварство и вѣроломство противъ довѣрливаго ближняго, сварливость и сутяжничество безъ всякаго повода: отъ этихъ проявленій нелюбви къ ближнему предостерегаетъ Премудрый своего слушателя—ученика. Но такъ какъ для юности въ дѣлѣ добра и зла имѣетъ великую силу примѣръ добродѣтельныхъ и нечестивыхъ, то Премудрый въ ст. 31 предостерегаетъ ученика своего отъ подражанія или соревнованія нечестивымъ, хотя бы вышняя жизнь ихъ и была въ которое время благоуспѣшна (ср. пс. XXXVI, 1. LXXII, 8. Притч. XXIV, 19. XXIII, 17).

Ст. 32—35 указываютъ основаніе—ближе всего сказаннаго въ ст. 27—31, а затѣмъ и всѣхъ вообще увѣщаній гл. Ш. Изображается, ст. 32—34, прямо противноположное отношеніе Бога къ праведникамъ и къ грѣшникамъ. Прежде всего духовное настроеніе грѣшника совершенно чуждо, противно и ненавистно Богу (82а), хотя бы съ вышней стороны дѣянія его представлялись законными, напр., даже жертвы, совершаемыя нечестивыми, лишь прегрѣвляютъ Бога (ср. Ис. LXVI, 3; I, 11),—и только праведные могутъ наслаждаться благодатною близостью къ Богу (82б, см. пс. XXIV, 14). Затѣмъ

ГЛАВА 4-я.

Слушайте, дѣти, наставленіе отца, и внимайте, чтобы научиться разуму,

2. потому что я преподавалъ вамъ доброе ученіе. Не оставляйте заповѣдей моей.

3. Ибо и я былъ сынъ у отца

моего, нѣжно-любимый и единственный у матери моей.

4. и онъ училъ меня и говорилъ мнѣ: да удержишь сердце твое словъ моихъ; храни заповѣди мои и живи.

5. Приобрѣтай мудрость, приобрѣтай разумъ; не забывай этого и не

и внѣшняя судьба нечестиваго и праведника существенно различна: благоденствіе перваго всегда непрочно, надъ судьбою я домогъ нечестиваго всегда тяготѣеть проклетіе Божіе (ст. 33а, см. Втор. XXVIII, 15. Зах. V, 4. Мал. II, 2), между тѣмъ на жилищѣхъ благочестивыхъ почиваетъ благословеніе Божіе (33б, см. IV, 18 и др.).

Такое различное отношеніе Бога къ нечестивымъ и праведнымъ и такая различная судьба тѣхъ и другихъ суть явленія постоянныя, составляютъ какъ бы законъ нравственной жизни; поэтому въ ст. 34—35 Премудрый выражаетъ эти мысли еще разъ въ краткихъ, выразительныхъ положеніяхъ, изъ которыхъ данное въ ст. 34 дважды цитируется (по переводу LXX ти) въ Новомъ Заветѣ (Іак. IV, 6; I Пет. V, 5).

IV.

1—3. Премудрый будетъ поучать слушателей, какъ дѣтей, точнѣе будетъ учить своихъ собственныхъ дѣтей и всѣхъ другихъ тѣми наставленіями, которыя нѣкогда слышалъ отъ своихъ родителей, особенно отъ отца. — 4—9. Сущность наставленій отца Премудраго—увѣщаніе къ мудрости съ указаніемъ благъ ея. — 10—19. Предостереженіе отъ уклоненій на путь нечестія. — 20—27. Настойчивое увѣщаніе не забывать отеческихъ заповѣдей.

1—3. Ученіе мудрости и благочестія, преподаваемое Премудрымъ, имѣетъ тѣмъ большую силу истинности и обязательности, что оно не есть лишь достояніе и произведеніе единичной личности учителя, но получено имъ въ наслѣдіе отъ предковъ, ближе всего отъ его родителей, у которыхъ онъ былъ нѣжно любимымъ сыномъ (ст. 3). Традиція („παράδοσις τῶν πατέρων“) возвышала авторитетъ всякаго ученія мудрости (ср. Іов. VIII, 8 сл.; XV, 18 сл.; Спр. VIII, 9; XVI, 5; XXXI, 12). Тѣмъ болѣе Соломонъ могъ прибѣгнуть къ такому приему увѣщанія, что уже въ началѣ рѣчи (I, 8) онъ упомянулъ о долгѣ послушанія заповѣдямъ отца и матери. Здѣсь (ст. 1) и ниже (V, 7 и VII, 24) обращеніе не къ „сыну“, а къ „дѣтямъ“, такъ какъ въ своей воспитательнаго характера рѣчи Премудрый ссылается на собственный примѣръ и „сыномъ“ является самъ Соломонъ¹⁾. Чему училъ Премудраго отецъ его, объ этомъ говорится ниже со ст. 4.

4—9. Увѣщанія отца (Давида, по LXX, слав.— и матерн: *οἱ ἐλεγον καὶ ἐδίδασκον* *με, иже глаголаша и учиша мя) Соломону, и по содержанию и по характеру сходны съ увѣщаніями самого Соломона къ юношеству, разсѣянными по всей книгѣ Првтчей. Главнымъ предметомъ рѣчей и наставленій Давида Соломону (ст. 4 сл.; ср. I Пар. XXVIII,*

¹⁾ Соломонъ не былъ „единственнымъ“ сыномъ матери своей, т. е. Вирсави: по I Пар. III, 5, у Давида отъ Вирсави было четыре сына (включая Соломона). Отсюда во многихъ древнихъ еврейскихъ кодексахъ (у Кенцик. и Росс.) выраженіе ст. 3: *лифне-и.и.ми*, предъ лицомъ матери моей, замѣняется другимъ выраженіемъ: *лине-и.и.ми*, сыновьямъ матери моей, т. е. братьямъ или среди братьевъ, причемъ и сл. *яхид* будетъ обозначать не единственнаго (какъ въ Вулг. и русск.), а „возлюбленная“, LXX: *ἀγαπῆμενος*.

уклоняйся отъ словъ устъ моихъ.

6. Не оставляй ея, — и она будетъ охранять тебя; люби ея, — и она будетъ оберегать тебя.

7. Главное — мудрость: приобретай мудрость и всѣмъ имѣніемъ твоимъ приобретай разумъ.

8. Высоко цѣни ея, и она возвыситъ тебя; она прославитъ тебя, если ты прилѣпишься къ ней;

9. возложить на голову твою прекрасный вѣнокъ, доставить тебѣ великолѣпный вѣпецъ.

10. Слушай, сынъ мой, и прими слова мои, — и умножатся тебѣ лѣта жизни.

11. Я указываю тебѣ путь мудрости, веду тебя по стезямъ прямымъ.

12. Когда пойдешь, не будетъ стѣсненъ ходъ твой, и когда побѣжишь, не споткнешься.

13. Крѣпко держись наставленія, не оставляй, храни его, потомучто оно — жизнь твоя.

14. Не вступай на стезю нечестивыхъ и не ходи по пути злыхъ;

15. оставь его, не ходи по нему, уклонись отъ него и пройди мимо;

16. потомучто они не заснутъ, если не сдѣлаютъ зла; пропадаеть сонъ у нихъ, если они не доведутъ

9), какъ и самого Соломона слушателями его, былъ законъ Божій, заключающійся въ Пятокнижій Моисеевъ; но затѣмъ, воспринятый умомъ человѣка, законъ долженъ быть прилажаемъ къ его жизни и дѣятельности, а это требуетъ особенной „мудрости“ (*σοφια*), особеннаго „разума“ (*βινα*) и отеческое наставленіе Соломону неоднократно завѣщаетъ „на подобіе выликъ торговца, предлагающаго свой товаръ“, по выраженію Умбрейта (ст. 6; ср. ст. 86), стремленіе къ мудрости и неуклонную вѣрность ей (ст. 5. 7; ср. III, 14). Мудрость здѣсь сравнивается съ любимой женою (ср. Свр. XV, 2), которая охраняетъ возлюбленнаго мужа отъ всякихъ бѣдъ; представляется высочайшимъ благомъ, ради котораго надо жертвовать всѣми иными благами: „главное — мудрость; приобретай мудрость, и всѣмъ имѣніемъ твоимъ приобретай разумъ“ (ст. 7). Ст. 8—9 говорятъ о благотворныхъ и привлекательныхъ плодахъ стяжанія мудрости (ср. I, 9).

10—19. Продолжая изображать блага слѣдованія путями премудрости, Давидъ теперь вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаетъ Соломона отъ уклоненія на пути нечестія (ст. 14—19).

Наставленія о путяхъ премудрости становятся болѣе специальными — указываютъ самый характеръ жизненнаго слѣдованія путями премудрости: премудрость открываетъ для ревнителя ея долголетствіе (ст. 10) и правильное теченіе жизни — благопріятныя жизненныя условія (ст. 11) и отсутствіе непреодолимыхъ преградъ на жизненномъ пути (ст. 12). Переходя затѣмъ къ новой группѣ наставленій — предостереженій, Давидъ еще разъ усиленно призываетъ (ст. 13) сына къ неослабному храненію его наставленій мудрости, такъ какъ въ нихъ заключается истинная жизнь для соблюдающаго ихъ, — призываетъ въ виду опасныхъ для юноши соблазновъ. Дальнѣйшее изображеніе (ст. 14—17) пути нечестивыхъ имѣетъ не мало общихъ чертъ съ характеристикою ихъ въ 1—19. Если пути нечестивыхъ, способствуя безмѣрному расширенію и усиленію низменныхъ страстей человѣческой природы, навсегда лишаютъ человѣка мира душевнаго и спокойствія и на каждомъ шагѣ готовятъ ему всякія опасности (ст. 16—17. 19), то, напротивъ, путь праведныхъ или нравственное поведеніе ихъ сравнивается (ст. 18) со свѣтомъ восходящаго и постепенно приближающагося къ полудню солнца (ср. Ис. LX, 3; LXII, 1; П, 5. Сн. Притч. VI, 23; XXVIII, 5), какъ солнечный свѣтъ начинается съ появленія утренней зари, постепенно усиливается и къ полудню достигаетъ своего наивысшаго напряженія, такъ, подобно этому, и жизнь праведныхъ представляетъ рядъ постепенныхъ успѣховъ въ дѣлѣ нравственнаго преуславленія: по мѣрѣ движенія ихъ на жизненномъ пути, жизнедѣятельность ихъ становится все чище и свѣтлѣе (ср. Мѡ. V, 16), отъ низшей ступени нравственнаго совершенства они восходятъ къ высшей, пока, наконецъ, не достигнутъ состоянія, о которомъ предрекъ Спаситель: тогда праведники просвѣтятся, яко солнце, въ царствіи Отца ихъ, Мѡ. XIII, 43 (см. у *en. Виссаріона*, стр. 56—57),

кого до паденія:

17. ибо они ѣдятъ хлѣбъ беззаконія и пьютъ вино хищенія.

18. Стезя праведныхъ—какъ свѣтило лучезарное, которое болѣе и болѣе свѣтлѣеть до полнаго дня.

19. Путь же беззаконныхъ—какъ тѣма: они не знаютъ, обо что споткнутся.

20. Сынъ мой! словамъ моимъ внимай, и къ рѣчамъ моимъ приклони ухо твое;

21. да не отходятъ онѣ отъ глазъ твоихъ; храни ихъ внутри сердца твоего:

22. потомучто онѣ—жизнь для того, кто нашель ихъ, и здравіе для всего тѣла его.

23. Больше всего хранимаго хра-

ни сердце твое, потомучто изъ него источники жизни.

24. Отвергни отъ себя лживость усть, и лукавство языка удали отъ себя.

25. Глаза твои пусть прямо смотрятъ, и рѣсницы твои да направлены будутъ прямо передъ тобою.

26. Обдумай стезю для ноги твоей, и всѣ пути твои да будутъ тверды.

27. Не уклоняйся ни направо, ни налево; удали ногу твою отъ зла

28. (потомучто пути правые наблюдаетъ Господь, а лѣвые—испорчены).

29. Онъ же прямыми сдѣлаеть пути твои, и шествія твои въ мирѣ устроить).

20—27. Снова (ст. 20) слушатели побуждаются (ср. III, 21; II, 2 и др.) къ особенно внимательному воспріятію наставленій мудрости, которая для исполняющихъ ихъ является не только питающими и поддерживающими истинную жизнь духа, но также благотворными для самаго тѣла (ст. 22: мысль подобная выраженной въ словахъ Апостола: „благотестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни настоящей и будущей“ (1 Тим. IV, 8)). Но чтобы человѣкъ получилъ надежащуюся устойчивость въ добрѣ и преодолюеть со стороны прираженій зла, всякому ревнителю мудрости — благочестія необходимо со всею тщательностью, болѣе всякихъ другихъ сокровищъ, хранить свое *сердце* (евр. *lev*): „потому что изъ него источники жизни“ (евр. *тоцеот хаим*, LXX: ἔξοδοι ζωῆς). Сердце, по библейскому представленію, служитъ центромъ, средоточіемъ какъ физически органической природы человѣка (ср. XXI, 27; Cl, 5. Ис. I, 5. Іер. IV, 18), такъ и душевной и духовной жизни его (ср. LXXXIII, 3. Іер. XI, 20; XVII, 10), частіе — не только разнаго рода ощущеній, чувствъ и эмоцій (Притч. XXXI, 11; V, 12; XIII, 12. Суд. XVI, 15), но и высшихъ обнаруженій духа, какъ-то: рѣшеній воли (1 Цар. XIV, 7. 3 Цар. VIII, 17 и др.), вѣдѣній и силы разумія (3 Цар. X, 2. Суд. XVI, 17; Притч. XVII, 16; XV, 14; VII, 7; IX, 4), наконецъ, какъ центръ и носитель нравственной жизни (ср. L, 12. 3 Цар. III, 6; IX, 4. Притч. VII, 10 и мн. др.). Въ этомъ послѣднемъ значеніи ветхозавѣтно-библейское „сердце“ ближе всего подходитъ къ христіанскому понятію „совѣсть“; въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ чистаго нравственнаго сознанія (ср. новозавѣтное „ἀγαθὴ συνείδησις“ 1 Тим. I, 5. 1 Пет. III, 16), сердце употреблено и здѣсь Притч. IV, 23 (ср. п. L, 12. Іов. XXVII, 6. 1 Ц. XXV, 31), какъ показываютъ и дальнѣйшіе стихи 24—25, предостерегающіе отъ всякаго лукавства, отъ всякаго лицемерія и под. (ср. Притч. VI, 13; X, 10; XVI, 30. Свр. XXVII, 25, сн. Мо. VI, 22—23), чѣмъ извращается нормальное теченіе нравственной жизни, регулируемой доброю совѣстью. Только при условіи неповрежденности послѣдней, пути нравственной жизни человѣка могутъ быть тверды (ст. 26. Ср. п. CVIII, 133. Евр. XII, 13). Ст. 27 представляетъ сжатое обобщеніе всѣхъ отеческихъ увѣщаній къ пути мудрости и добродѣтели и по формѣ выраженія напоминаетъ подобно же увѣщаніе за-коподогаеля Моисея, Втор. V, 32; LXX удлинняютъ этотъ стихъ сравнительно съ еврейскимъ текстомъ словами: ὁδοὺς γὰρ τὰς ἐκ δεξιῶν οἶδεν ὁ θεός, διωστραμμένοι δὲ εἰσὶν αἱ ἐξ ἀριστερῶν αὐτὸς δὲ ὁρθὰς ποιήσει τὰς τροχίτας σου, τὰς δὲ πορείας σου ἐν εἰρήνῃ προάξει. Прибавка эта имѣется и въ Вульгатѣ, а равно и въ славянскомъ и русскомъ — синодальномъ перев. кн. Притчей (въ переводѣ архим. Макарія слова эти отсутствуютъ). По мысли слова эти представляютъ повтореніе и развитіе мысли ст.

ГЛАВА 5-я.

Сынъ мой! внимай мудрости моея, и приклони ухо твое къ разуму моему,

2. чтобы соблюсти разсудительность, и чтобы уста твои сохранили знание. (Не внимай лъстивой женщинѣ;)

3. ибо медь источаютъ уста чужой жены, и мягче елея рѣчь ея;

4. но послѣдствія отъ нея горьки, какъ полынь, остры, какъ мечъ обоюдоострый;

5. нѣги ея нисходятъ къ смерти, стопы ея достигаютъ преисподней.

6. Еслибы ты захотѣлъ постигнуть стезю жизни ея, то пути ея непостоянны, и ты не узнаешь ихъ.

26—27. Въ виду устойчивости разныхъ код. греческаго текста въ передачѣ этого добавленія, а также въ виду авторитета Вульгаты, можно думать, слова эти могли найдитиcя и въ томъ еврейскомъ оригиналѣ, съ котораго былъ сдѣланъ переводъ LXX-ти (ср. *Franz Delitzsch. Das Salomonische Spruchbuch. Leipzig, 1873, s. 39.*)

V.

1—6. Общее и предварительное предостереженіе противъ соблазновъ нецѣломудрія.—7—14. Нарочитое и подробное предостереженіе отъ обольщеній нецѣломудренности съ изображеніемъ гибельныхъ ея послѣдствій.—15—20. Столь же подробное увѣщаніе къ противоположной добродѣтели — супружеской вѣрности и цѣломудрью вообще.—21—23. Въ заключеніи указывается на всевѣдѣніе и высочайшее правосудіе и мздоудаяніе Божіе, отъ котораго не можетъ безнаказанно сокрыться никакое преступное дѣяніе.

1—6. Переходя теперь къ новой группѣ увѣщаній—главнымъ образомъ къ увѣщанію бѣгать распутства и вліянія распутныхъ женщинъ, Премудрый адѣсь (ст. 1—2), какъ и ниже (VI. 20. VII, 1), гдѣ снова и снова возвращается къ этому же предмету, съ особенною напряженностью отеческой любви и доброжелательства требуетъ отъ слушателей особеннаго вниманія къ своимъ наставленіямъ и особенной тщательности въ храненіи дорогихъ и священнѣхъ завѣтовъ, которые должны быть основою благоденствія слушателей. Стоящія въ скобкахъ слова „не внимай лъстивой женщинѣ“ (ст. 2, по слав. т.—начало ст. 3) имѣются только у LXX-ти и въ Вульгатѣ (въ нѣкоторыхъ кодд. LXX отсутствуютъ) и, повидимому, являются позднѣйшею глоссою, поставленной въ началѣ главы—въ качествѣ какъ бы указанія темы рѣчи гл. V. Въ ст. 3—6 Премудрый дѣлаетъ пока лишь косвенное предостереженіе своихъ слушателей отъ пагубнаго вліянія „чужой жены“ (ст. 39, т. е. блудницы (II, 16), изображая съ одной стороны вѣщную привлекательность и обольстительность ея, съ другой же—конечную безславную гибель ея. Вѣщная привлекательность этой женщины, увлекательность ея рѣчи, выражается сравненіемъ ея рѣчей (какъ и невѣсты въ книгѣ Пѣснь Пѣсней IV, 11. V, 16) съ каплями лучшаго сотоваго меда (3 а) и съ елеемъ (3 б, ср. пс. LIV, 22), но послѣдствія увлеченія ея ласками крайне пагубны: увлекшійся янн будетъ испытывать такое же горькое и мучительное чувство, какое испытываетъ вкусившій горькой полыни (ср. *лаана, Vulg. abstinthium*, — такъ назыв. въ ботаникѣ *artemisia abstinthium*—обычный въ Ветхомъ Завѣтѣ образъ горечи—Втор. XXIX, 18. Іер. IX, 15. Ам. V, 17. VI, 12; Іер. IX, 14) у LXX слав. не точно: *долѣ*, желчь) или получившій глубокую и широкую рану отъ обоюдоостраго меча (ст. 4). Тѣмъ естественнѣе и понятнѣе неизбѣжная конечная гибель самой жены распутной: удѣлъ ея—смерть (ст. 5), сначала духовная, поскольку духовное начало въ ней окончательно подавляется плотскимъ, а затѣмъ ранила

7. Итакъ, дѣти, слушайте меня и не отступайте отъ словъ устъ моихъ.

8. Держи дальше отъ нея путь твой и не подходи близко къ дверямъ дома ея,

9. чтобы здоровья твоего не отдать другимъ и лѣтъ твоихъ мучителю;

10. чтобы не насыщались силою твоею чужіе, и труды твои не были для чужаго дома.

11. И ты будешь стонать послѣ, когда плоть твоя и тѣло твое будутъ истощены,—

12. и скажешь: „зачѣмъ я ненавиждѣлъ наставленіе, и сердце мое пренебрегало обличеніемъ,

13. и я не слушалъ голоса учителей моихъ, не приклонялъ уха

моего къ наставникамъ моимъ:

14. едва не впалъ я во всякое зло среди собранія и общества!“

15. Пей воду изъ твоего водоема и текущую изъ твоего колодезя.

16. Пусть (не) разливаются источники твои по улицѣ, потоки водъ — по площадямъ;

17. пусть они будутъ принадлежать тебѣ одному, а не чужимъ съ тобою.

18. Источникъ твой да будетъ благословенъ,—и утѣшайся женою юности твоей,

19. любезною ланью и прекрасною серною: груди ея да упоютъ тебя во всякое время, любовью ея утѣждайся постоянно.

20. И для чего тебѣ, сынъ мой,

и безславная смерть тѣлесная съ послѣдующими мученіями въ шеолѣ-адѣ. Однако при свойственномъ такой женѣ коварствѣ увлскающемуся юношѣ нелегко бываетъ открыть истинное свойство и надлежащую цѣну ея поступковъ (ст. 6), такъ какъ она всегда умѣетъ придать благовидную форму.

7—14. Имѣя въ виду свойственная юношѣ—способность увлеченія и легкую возбудимость его чувственности со стороны всякихъ чувственныхъ соблазновъ, Премудрый совѣтуетъ своему слушателю ученику всячески избѣгать сколько-нибудь близкой встрѣчи съ распутною женою (ст. 8), такъ какъ всякій видъ прелюбодѣнія неизбежно ведетъ для виновника его—Премудрый говорить только о мужнѣ, виновникѣ прелюбодѣнія, а не о женщинѣ, поскольку вообще обращаетъ свои наставленія главнымъ образомъ даже почти исключительно только къ мужской половинѣ Израильскаго общества. — двойнаго рода тяжельми послѣдствіямъ: 1) къ матеріальнымъ потерямъ—частью изъ за особенной требовательности самой жены распутной, частью вълѣдствіе вынужденной рабской службы въ домѣ мужа обольстившей даннаго юношу женщины: удовлетворить гнѣву и жаднѣ мщенія оскорбленнаго мужа (ср. Притч. VI, 34) юноша могъ рабской службой въ его домѣ (ст. 9—10)¹⁾, такъ что юношѣ пришлось бы рабствовать на чужой домъ (ст. 10). 2) къ форменному общественному сулу (ст. 14), результатомъ котораго могла быть даже смертная казнь для виновниковъ (ст. 14, св. Лев. XX, 10; Втор. XX, 11, 22 гл. Іез. XVI, 40). Тогда на долю несчастнаго юноши остается лишь позидее и безилдное, а потому особенно мучительное раскаяніе. Для человѣка, предававшагося разгулу и разврату, наступитъ время, когда уже нельзя будетъ продолжать разсудную жизнь, когда истощенное распутствомъ тѣло изнаосится отъ времени и отъ болѣзней, сопровождающихъ развратъ, и жажъ плотской похоти потухнетъ (ср. Виссаріонъ, стр. 62). Тогда начнется пора самообличенія грѣшника (ст. 1. — 12).

15—20. Въ противовѣсъ искаженіямъ семейнаго и полового истинника, Премудрый убѣждаетъ ученика своего довольствоваться благами супружескаго союза съ единою законною женою, при чемъ сравниваетъ ее съ собственнымъ домашнимъ водоемомъ и родниковыми источниками. Для каждаго домовладѣльца, особенно въ бѣдныхъ водою восточныхъ странахъ,

¹⁾ Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, принятое нѣкоторыми западными учеными комментаторами (Эвальдъ, Умбретъ, Верто), это мнѣніе о наказаніи виновника нарушения цѣлости супружества рабствомъ оскорбителя оскорбленному не подтверждается никакимъ свидѣтельствомъ закона Моисеева и библейской исторіи и является лишь предположеніемъ, противъ котораго основательно возражаетъ напр. Деличъ (с. 97).

увлекаться постороннею и обнимать груди чужой?

21. Ибо предъ очами Господа пути человѣка, и Онъ измѣряетъ всѣ стези его.

22. Беззаконнаго уловляютъ соб-

ственные беззаконія его, и въ узахъ грѣха своего онъ содержится:

23. онъ умираетъ безъ наставленія, и отъ множества безумія своего те-
рется.

служить предметомъ особеннаго удовольствія имѣть для своего житейскаго обихода собственный колодезь или цистерну и не обращаться за водою къ сосѣдямъ. Съ подобнымъ удовольствіемъ Премудрый сравниваетъ (ст. 15—16) обладаніе одною, законною женою, безъ нарушенія чистоты супружества, своего или чужого. По связи рѣчи съ предыдущимъ (ст. 3 сл., 8 дал.), сравненіе это имѣетъ прежде всего такой же смыслъ, какъ изреченіе Апостола: „лучшебо есть женитися, нежели разжизниться“ (1 Кор. VII, 9). Но это же сравненіе (ст. 16—17) имѣетъ и другую сторону: оно обозначаетъ многочисленное потомство отъ законнаго, цѣломудреннаго супружества, поскольку и въ другихъ библейскихъ мѣстахъ (Чис. XXIV, 7. Ис. XLVIII, 1. Лл, 1—2) дѣти изображаются подъ образомъ водъ, текущихъ изъ источника, т. е. отъ родителей. LXX, повидному, поняли и ст. 16 только въ первомъ смыслѣ -- о пользованіи удовольствіями супружества съ одною женою, и потому прибавили въ началѣ ст. 16 отрицаніе *מִן* — „*мнѣ* *б*терехъ *הַסֵּדֶק*“. Но многіе греч. кодд. (29. 109. 147. 157. 161. 248. 252. 253. 254. 254. 260. 295. 297 у Гольмеса, также Алекс., Альд. Комплют.) не имѣютъ отрицанія, имѣтъ его и въ Вульгатѣ и славян. Поэтому, кажется, слѣдуетъ предпочесть чтеніе евр. масор., хотя пониманіе ст. 16, даваемое у LXX-ти, согласуется съ общимъ контекстомъ разсматриваемаго мѣста (ср. VII, 12). Въ ст. 18 повторяется наставленіе ст. 15, но съ прибавленіемъ совѣта: „утѣшайся женою юности твоей“; образъ выраженія прямо напоминаетъ мѣсто изъ законодательства Втор. XXIV, 5 о новобрачныхъ. Законная жена при этомъ выразительно сравнивается (ст. 19) съ ланью плавъ серису: обычный въ восточной поэзіи образъ граціозности и миловидности женщины (ср. Пѣсн. II, II, 9. 17. Уцп, 14). Напоминая мужу о долгѣ супружеской вѣрности, Премудрый выражаетъ желаніе, чтобы вѣжныя отношенія между мужемъ и женою, установившіяся на первыхъ порахъ ихъ совместной жизни, не ослабѣвали съ теченіемъ времени, чтобы взаимная привязанность супруговъ длилась всю жизнь, и для супруга не было надобности искать супружескихъ удовольствій на сторонѣ (ст. 19--20).

21—23. Въ качествѣ высшаго и послѣдняго мотива къ избѣжанію всякаго вида нецѣломудренности указывается на всевѣдѣніе Божіе и на всеобъемлемость міроуправляющаго промысла Божія (ср. Іов. XXIV, 23. XXXIV, 21. XXXI, 4, отъ котораго тѣтно бы думалъ укрыться предающійся распутству: по суду Божию, распутство, какъ и всякое преступленіе вообще, влечетъ за собою частію естественныя, частію нарочито посылаемыя Богомъ гибельныя послѣдствія (ср. I, 31—32. XI, 5. XVIII, 7. Пс. VII, 16 п. мн. др.).

ГЛАВА 6-я.

Сынъ мой! если ты поручился за ближняго твоего и далъ руку твою за другаго,—

2. ты опуталъ себя слогами усть твоихъ, пойманъ словами усть твоихъ.

3. Сдѣлай же, сынъ мой, вотъ что, и избавь себя, такъ-какъ ты попался въ руки ближняго твоего: поиди, пади къ ногамъ и умоляй ближняго

твоего;

4. не давай сна глазамъ твоимъ и дреманія вѣждамъ твоимъ;

5. спасайся, какъ серна изъ руки и какъ птица изъ руки птицелова.

6. Поиди къ муравью, лѣнивцеу, посмотри на дѣйствія его, и будь мудрымъ.

7. Нѣтъ у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя;

VI.

Наставленія о цѣломудрїи и предостереженіе противъ распутства, начатыя Премудрымъ въ V-й главѣ, продолжаются и въ VI-й гл. ст. 20—35, и въ VII-й. Только въ ст. 1—19 одна связанная рѣчь прерывается другого содержания и характера наставленіями: —1—5—зло необдуманнаго поручительства;—6—11—гибельность лѣности и призывъ къ трудолюбію и прилежанію; 12—19—богопротивность лукавства и коварства нечестиваго въ отношеніи ближнихъ. Слѣдующій отдѣлъ ст. 20—35 распадается на два меньшихъ отдѣла; 20—24—увѣщаніе къ цѣломудрїю, и 25—35—предостереженіе отъ соблазновъ прелюбодѣйной жены.

1—5. Частыя наставленія книги Притчей о вредѣ поручительства VI, 1. XI, 15. XVII, 18. XX, 16. XXII, 26) объясняются тѣмъ, что, по возрѣніямъ обычнаго (въ законѣ Моисеевомъ незаписаннаго) древнееврейскаго права, поручившійся за несостоятельнаго должника трактовался юридически замѣнившимъ послѣдняго и, при обычае жестокосердїи кредиторовъ, верѣдко платился за своего клиента не только собственнымъ имуществомъ (Ср. VIII, 16. XXIX, 18—25), но и личною свободою (4 Цар. IV, 1. Мс. XVIII, 25. См. у Ewald'a Die Alterthümer des Volkes Israel. 3 A (1866), s. 246). Но въ данномъ случаѣ Премудрый со всею настоятельностью предупреждаетъ ученика своего собственно отъ необдуманнаго, поспѣшнаго и безразсуднаго принятія поручительскихъ обязательствъ, что безъ сомнѣнїя было верѣдкостью у юношей того времени (охота припнмать на себя поручительство за другого могла у юношей обращаться въ особую страсть и превращаться въ спортъ, —на подобіе дуэли у европейскихъ народовъ). Самое поручительство совершалось чрезъ рукобитіе: поручитель давалъ руку заимодавцу и кредитору (ср. Притч. XI, 15. Іов. XVII, 3).

Указавъ ученику своему великую опасность поручительства (ст. 1—2), Премудрый далѣе (ст. 3—5) совѣтуетъ ему всѣми мѣрами освободиться отъ возможныхъ неприятныхъ послѣдствій своего, необдуманно принятаго, обязательства. Въ качествѣ такой мѣры рекомендуется (ст. 3) усиленно, даже униженно умолять должника немедленно возвратить долгъ заимодавцу; а затѣмъ —совѣтуется съ ослабляющею бдительностью —не давая “сна глазамъ и вѣждамъ дреманія“ (ст. 4—повидимому древнееврейская половица, ср. нс. CXXXI, 4), во что-бы то ни стало, хотя бы съ затратою величайшихъ усилій, освободиться какъ иногда освобождается серна или птица изъ ловушки (ст. 5, см. нс. CXXXIII, 7), изъ своего тягостнаго положенія, созданнаго неблагоразумнымъ поручительствомъ. Вся рѣчь о поручительствѣ имѣетъ характеръ чисто житейской мудрости, указывая въ качествѣ главнаго мотива дѣятельности —чувство самосохраненія.

6—11. Тоже чувство самосохраненія, по мысли Премудраго, должно побуждать

8. но онъ заготовляетъ лѣтомъ хлѣбъ свой, собираетъ во время жатвы пищу свою. (Или поиди къ пчелѣ и познай, какъ она трудолюбива, какую почтенную работу она производитъ; ея труды употребляютъ во здравіе и цари и простолудины; любима же она всѣми и славна; хотя силою она слаба, но мудростью почтена.)

9. Доколѣ ты, лѣнивѣцъ, будешь спать? когда ты встанешь отъ сна твоего?

10. Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложивъ руки, полежишь:

11. и придетъ, какъ прохожіи, бѣдность твоя, и нужда твоя, какъ раз-

бойникъ. (Если же будешь не лѣнивъ, то, какъ источникъ, придетъ жатва твоя, скудость же далеко убъжить отъ тебя.)

12. Человѣкъ лукавый, человѣкъ нечестивый ходитъ со лживыми устами,

13. мигаетъ глазами своими, говоритъ ногами своими, даетъ знаки пальцами своими;

14. коварство въ сердцѣ его: онъ умышляетъ зло во всякое время, съѣтъ раздоры.

15. Зато внезапно придетъ гибель его, вдругъ будетъ разбитъ — безъ исцѣленія.

16. Вотъ, шесть, что ненавидитъ Господь, даже семь, что мерзость

человѣка къ трудолюбію и отвлекать отъ лѣности, при чемъ въ 6—8 въ примѣръ трудолюбія указывается муравей (по LXX ст. 8—еще и пчела), а въ ст. 9—11 приводятся гибельныя послѣдствія для человѣка отъ лѣности его. Муравей, трудищійся во всякое время по собственному, инстинктивному побужденію — безъ вишняго принужденія (ст. 7) и мудро собирающій себѣ запасы лѣтомъ для зимы (ст. 8), является весьма пригоднымъ и внушительнымъ символомъ и урокомъ трудолюбія; въ качествѣ такого символа или образца муравей весьма вѣрѣдко встрѣчается въ поэзіи арабской и персидской, а также въ классической письменности (у Аристотеля, Виргилія, Горация, см. Zöckler, Die Sprüche Salomonis, s. 69, LXX (также слав. и русск. синод.) въ ст. 8 кромѣ муравья, приводятъ въ качествѣ образца трудолюбія и искусства, еще пчелу (въ Комплютенскомъ изд. греч. текста рѣчь о пчелѣ опущена): медъ пчелы, собираемый ею съ величайшимъ искусствомъ, употребляютъ во здравіе не одни простолудины, но и цари, и у всѣхъ пчела въ почетѣ. Хотя о пчеловодствѣ, какъ промыслѣ въ Ветхомъ Заветѣ не упоминается (только уже у Филона и въ Мишиѣ), медъ именемъ меда (евр. *debash*) (напр. въ выраженіи: земля текущая молокомъ и медомъ) разумѣется главнымъ образомъ фруктовый медъ (и теперь еще называемый въ Сиріи *дибсъ*), но и о пчелиномъ медѣ библейскіе евреи несомнѣнно знали (см. Втор. I, 44. Суд. XIV, 8. Ис. CXVII, 12. Ис. VII, 18), и потому LXX могли въ имѣвшемся у нихъ еврейскомъ подлинникѣ читать это другое сравненіе или олицетвореніе трудолюбія¹⁾. Отъ сравненія Премудрый переходитъ (ст. 9 и сл.) къ прямому олицетвленію лѣнница, безпечно починающаго непробуднымъ сномъ. На приглашеніе проснуться (ст. 9, см. Еккл. IV, 5, св. Ефсс. V, 14), лѣнивѣцъ отвѣчаетъ просьбою дать ему еще нѣсколько поспать или подремать (ст. 10, см. XXIV, 33). Но премудрый угрожаетъ ему неизбежными послѣдствіями безнечности и лѣности: нищетой, бѣдностью, которая приходитъ быстро, нежданно, „какъ прохожіи, какъ вооруженный разбойникъ“ (XX. *ὄπισθε κακός ἐδοτόρος ὄπισθε ἀγαθός δραμεύς*, Vulg. quasi viator, quasi vir armatus), см. 11. Въ концѣ ст. 11, LXX. Vulg. (слав. русск.) имѣютъ прибавку, выражающую обратную мысль той, какая высказана въ первой половинѣ стиха (въ Кошлот. Вибл. прибавка отсутствовать): прибавка имѣетъ видъ распространительной глоссы. Въ гл. XXIV ст. 33—34 повторяются стихи 10—11 разсматриваемой главы, но данной прибавки тамъ не имѣется.

12—19. Въ стихахъ 12—15 Премудрый предостерегаетъ ученика своего отъ всѣхъ видовъ и проявленій лукавства и коварства, а въ ст. 16—19 эти пороки и

¹⁾ Впрочемъ, по филологическимъ основаніямъ, Лагардъ, Гитцигъ, Евальдъ, Деличъ и др. считаютъ всю рѣчь о пчелѣ собственно греческою интерполяціею.

душѣ Его:

17. глаза гордые, языкъ лживый и руки, проливающія кровь невинную,

18. сердце, кующее злые замыслы, ноги быстро бѣгущія къ злодѣйству,

19. лжесвидѣтель, наговаривающій ложь и посягающій раздоръ между братьями.

20. Сынъ мой! храни заповѣдь отца твоего и не отвергай наставленія матери твоей;

21. навяжи ихъ навсегда на сердце твое, обвяжи ими шею твою.

22. Когда ты пойдешь, они будутъ руководить тебя; когда ляжешь спать, будутъ охранять тебя; когда пробудишься, будутъ бесѣдовать съ тобой:

23. ибо заповѣдь есть свѣтильникъ, и наставленіе—свѣтъ, и назидательныя поученія—путь къ жизни,

24. чтобы остерегать тебя отъ не-

годной женщины, отъ льстиваго языка чужой.

25. Не пожелай красоты ея въ сердцѣ твоемъ, (да не уловленъ будешь очами твоими,) и да не увлечетъ она тебя рѣсницами своими;

26. потомучто изъ-за жены блудной *обнищеваютъ* до куска хлѣба, а замужняя жена уловляетъ дорожную душу.

27. Можетъ ли кто взять себѣ огонь въ пазуху, чтобы не прогорѣло платье его?

28. Можетъ ли кто ходить по горячимъ угольямъ, чтобы не обжечь ногъ своихъ?

29. То же бываетъ и съ тѣмъ, кто входитъ къ женѣ ближняго своего: кто прикоснется къ ней, не останется безъ вины.

30. Не спускаютъ вору, если онъ крадетъ, чтобы насытить душу свою, когда онъ голоденъ;

31. но, будучи пойманъ, онъ заплатитъ всемеро, отдастъ все иму-

которыя другіе представляются особенно богопротивными. Уже и ранѣ (IV, 24—25) предостерегалъ отъ лукавства и призывалъ къ прямому и открытому образу дѣйствій. Здѣсь онъ дѣлаетъ то же, но при этомъ подробно обрисовываетъ хитрую мамку — глазъ, ногъ, пальцевъ—коварнаго и лукаваго человѣка (ст. 13), всегда замышляющаго въ сердцѣ зло на ближняго и на общество (ст. 14, см. II; 12. 14. III, 29): но конечная, неопытная гибель злодѣя неизбежна (те 15. I, 27. III, 25. XXIV, 22).

Затѣмъ, для возбужденія въ ученикѣ большаго отвращенія къ порокамъ злости, лукавства, коварства, Премудрый называетъ, ст. 17 — 19, 7 (собственно 6) пороковъ, составляющихъ проявленія общей порочности и испорченности сердца человѣческаго. У LXX (и въ слав.) мысль о шести порокахъ въ ст. 15 отсутствуетъ. И въ другихъ мѣстахъ кн. Притчей обличаются: гордые глаза (XXX, 13), руки, проливающія кровь (I, 11) и под., но здѣсь обличенія эти сгруппированы полице и выражены въ особенной свойственной языку притчей, формѣ числового параллелизма.

20—35. Предлагая теперь возобновить нѣтъ разуздненій и наставленій о цѣломудріи и о вредѣ распутства, Премудрый здѣсь (ст. 20), какъ и въ началѣ книги (I, 8) дѣлаетъ нарочитое увѣщаніе къ ученику — помнить заповѣди и наставленія родителей, которые, по закону Моисееву (Втор. VI, 7) не только сами должны были хранить и исполнять заповѣди Божіи, но и дѣтямъ возвѣщать о нихъ. Такое общее вступленіе предъ увѣщаніями къ цѣломудрію совершенно аналогично подобнымъ же введеніямъ въ V, 1—2 а VII, 1—5 къ разуздненію о томъ же предметѣ. Въ виду особенной важности завѣтовъ о цѣломудріи, Премудрый настоятельно совѣтуетъ ученику своему— всегда неотложно имѣть въ мысли, какъ бы на сердцѣ и шеѣ (ст. 21, ср. III, 3. VII, 3) родительскіе завѣты, которые и должны охранять юношу отъ соблазновъ во всѣхъ положеніяхъ и отношеніяхъ житейскихъ (ст. 22, см. 23—24), ибо таково свойство, переданныхъ родителями, заповѣдей Закона Божія, всегда служащаго истиннымъ свѣтомъ и руководящимъ началомъ жизни человѣка (ст. 23, см. пс. СXXIII, 105), а потому, въ частности, заповѣди эти всегда сильны удержатъ неопытнаго юношу отъ преступнаго сближенія съ злой, т. е., прелюбодѣйной женою (ст. 24, см. II, 16. VI, 5). Телерь,

щество дома своего.

32. Кто же прелюбоудѣйствуетъ съ женщиною, у того нѣтъ ума; тотъ губить душу свою, кто дѣлаетъ это:

33. побои и позоръ найдетъ онъ, и безчестіе его не изгладится,

34. потому что ревность—яръсть мужа, и не пощадитъ онъ въ день мщенія,

35. не приметъ ни какого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножалъ даровъ.

въ ст. 25—35, съ цѣлю болѣе рѣшительнаго предохраненія юноши отъ соблазновъ прелюбоудѣяннн, Премудрый изображаетъ внутреннюю—психологическую и внѣшнюю—фактическую сторону прелюбоудѣяннн, съ указаніемъ гибельныхъ послѣдствій послѣдняго. Прежде всего Премудрый предостерегаетъ (ст. 25) отъ снмаго начала или корня грѣха прелюбоудѣяннн: нужно остерегаться возникновенія похоти или страстнаго влеченія въ сердцѣ къ блудной и вообще посторонней женщннѣ подѣ впечатлѣніемъ красоты или клжущейся привлекательности ея наружности. Въ этомъ указаніи Премудраго на необходимость охранять перѣе всего сердце свое отъ похотѣннн нельзя не видѣть дальнѣйшаго раскрытія заповѣди деснотслова „не пожелай жены“ (Исх. XX, 17. Втор. V, 21) и приготовленія евангельскаго возвышеннаго пониманія этой заповѣди (Мѣ. V, 28). Упомянувъ далѣе (ст. 26) о томъ, что блудница, существо презрѣнное и ничтожное, однако можетъ погубить человѣка почтеннаго, который, впадая въ распутство, теряетъ не только имущество (ср. Притч. XXIX, 3. Сир. IX, 6), но и честь и доброе имя, Премудрый далѣе (ст. 27—29) выражаетъ ту мысль, что всякое соприкосновеніе съ женою бляжняго, совершаемое съ нечистою цѣлю, нвконнмъ образомъ не можетъ оставаться невиннымъ: подобно тому какъ невозможно сохранить въ цѣлости одежду, если взять въ пазуху огонь, равнымъ образомъ нельзя уберечь отъ обжога ноги, если пройти по горящимъ угольямъ (оба вопроса въ ст. 27 и 28 предполагаютъ безусловно отрицательный отвѣтъ, какъ и у Амос. III, 4—6), такъ немыслимо сохранить мужнннѣ невинность, незапятнанное имя и безотвѣтственность по суду—при несмотрятельно и невольнительно близкомъ общенн сь невѣрною женою другого.

Въ ст. 30—32 предлагается другой бытовой примѣръ, изъ котораго выводится та же мысль о неизбѣжной отвѣтственности человѣка, поднавашаго грѣху жены любуудѣяннн: если вору не прощаютъ его поступка, даже и при наличности смягчающихъ обстоятельствъ (голодъ),—напротивъ взыскиваютъ всемеро (по закону Моисееву Исх. XXII, 1—2, собственно впятеро или вчетверо; „всемеро здѣсь ст. 31, какъ и въ Быт. IV, 15—круглое число вѣсело неопредѣленнаго множества, ибо во второй половинѣ стѣна штрафа опредѣляется еще шире, т. е.), даже все имѣніе его дома, то тѣмъ болѣе не заслуживаетъ пощадн участннн прелюбуудѣяннн, къ которому ничто его не вынуждало. н3—35. Вечестіе, срамъ, побои отъ оскорбленнаго имъ мужа будутъ его удѣломъ: Зозоръ останется незагладнмъ тѣмъ болѣе, что обезчещенный имъ мужъ невѣрной жены не захочетъ взять отъ него и денежнаго штрафа или выкупа. Но высшнмъ и чувствнтельнѣйшнмъ наказаніемъ прелюбуудѣяннн, по возвращеннмъ Соломона, какъ в Сираха, является презрѣніе со стороны общественнаго мнѣннн, несмываемый позоръ предѣ обществомъ.

ГЛАВА 7-я.

Сынъ мой! храни слова мои, и заповѣди мои сокрой у себя. (Сынъ мой! чти Господа,—и укрѣпишься, и кромѣ Него не бойся ни кого.)	жены другаго, отъ чужой, которая умягчаетъ слова свои.
2. Храни заповѣди мои и живи, и ученіе мое, какъ арачекъ глазъ твоихъ.	6. Вотъ, однажды смотрѣлъ я въ окно дѣла моего, сквозь рѣшетку мою,
3. Навяжи ихъ на персты твои, напиши ихъ на скрижали сердца твоего.	7. и увидѣлъ среди неопытныхъ, замѣтилъ между молодыми людьми неразумнаго юношу,
4. Скажи мудрости: „ты сестра моя!“ и разумъ назови роднымъ твоимъ.	8. переходившаго площадь близъ угла ея и шедшаго по дорогѣ къ дому ея,
5. чтобы они охраняли тебя отъ	9. въ сумерки въ вечеръ дня, въ ночной темнотѣ и во мракѣ.

VII.

1—5. Вступительное увѣщаніе къ храненію заповѣдей Божихъ и вообще къ стяжанію мудрости, какъ оплоту противъ обольщенія женою прелюбодѣвною.—6—9. Образъ неразумнаго юноши.—10—20. Блудница ласками и лукавыми обѣщаніями прельщаетъ неразумнаго.—21—23. Послѣдствія обольщенія.—24.—27. Заключительное увѣщаніе.

1—5. Общее введеніе къ послѣдующему увѣщанію противъ увлеченій соблазнами распутной жены имѣеть и въ содержаніи и въ формѣ много общаго съ прежними подобными же вводными замѣчаніями Премудраго (I, 8; II, 1; VI, 20; частице ср. ст. 2 и IV, 4; ст. 3 и III, 3). Въ текстѣ LXX слав. въ началѣ ст. 2 есть добавленіе: *ὁ ἐν τῷ τῶν Κύριον, καὶ ἰσχυροῦς, πλὴν δὲ αὐτοῦ μὴ φοβοῦ ἄλλον*, сыне, чти Господа и укрѣпишиися, кромѣ же Его не бойся иного. Хотя эти слова и не встрѣчаются въ другихъ переводахъ, и, на первый взглядъ, какъ бы нѣсколько прерываютъ теченіе рѣчи, однако, въ виду аналогичныхъ мѣстъ книги Притчей (I, 7; III, 7), возможно что эти слова были и въ еврейскомъ оригиналѣ, бывшемъ у LXX.

Наставленіе въ ст. 4—назвать мудрость сестрою, а разумъ—роднымъ (свойственникомъ) характерно какъ вообще для семитическаго образа представленія отношеній между лицами и предметамъ (напр. Іов. XVII, 14; XXX, 29); но и особенно для ветхозавѣтно-вѣблѣйскаго ученія о премудрости (св. Прем. Сол. VIII, 2; Сир. XV, 2): мудрость должна стать возлюбленнымъ другомъ искателя ея, предметомъ его любви и вождельнія. Цѣль мудрости,—безъ сомнѣнія, благоустроеніе всей жизни человѣка, но здѣсь (ст. 5) указывается лишь одна изъ цѣлей и одно изъ проявленій мудрости: мудрость даетъ возможность ревнителю ея устоять противъ обольщеній прелюбодѣвной жены.

6—9. Совершенно противоположенъ правиламъ мудрости образъ дѣйствій юноши безумнаго: онъ вовсе не держится предписываемыхъ мудростью правилъ—удалять путь свой отъ жены прелюбодѣвной и не приближаться къ двери дома ея (V, 8), или—изгнать изъ сердца всякое похотливое увлеченіе красною виѣшностью блудницы (VI, 5); напротивъ, онъ намѣренно направляется къ дому ея (VII, 8), видно исполненный похоти къ ней и преступныхъ намѣреній, удовлетворенію которыхъ содѣйствуетъ случай предвидѣнной, быть можетъ, встрѣчи (ст. 9, повидному, указываетъ на то, что юноша усилево искалъ приключеній) съ женою блудницею, обольстительные приемы которой сейчасъ изображаются, ст. 10—20.

10. И вотъ—на встрѣчу къ нему женщина, въ нарядѣ блудницы, съ коварнымъ сердцемъ.

11. шумливая и необузданная; ноги ея не живутъ въ домѣ ея;

12. то на улицѣ, то на площадяхъ, и у каждаго угла строить она ковы.

13. Она схатила его, цѣловала его и съ безстыднымъ лицомъ говорила ему:

14. „мирная жертва у меня: сегодня я совершила обѣты мои;

15. поэтому и вышла на встрѣчу тебѣ, чтобы отыскать тебя, и—нашла тебя;

16. коврами я убрала постель мою, разноцвѣтными тканями Египетскими;

17. спальню мою надушила смир-

ною, алоемъ и корицею;

18. зайди, будемъ упиваться нѣжностями до утра, насладимся любовью.

19. потому что мужа нѣтъ дома: онъ отправился въ дальнюю дорогу;

20. кошелекъ серебра взялъ съ собою; придетъ домой ко дню полнунія.“

21. Множествомъ ласковыхъ словъ она увлекла его, мягкостью устъ своихъ овладѣла имъ.

22. Тотчасъ онъ пошелъ за нею, какъ волъ идетъ на убой, (и какъ песь—на цѣпь), и какъ олень—на выстрѣлъ,

23. доколѣ стрѣла не пронзитъ печени его; какъ птичка кидается въ силки, и не знаетъ, что они—на погибель ея.

10—20. Если въ гл. V безпорядочной прелюбодѣйной любви противоположались блага любви къ единой законной женѣ; если въ гл. VI, ст. 20—35 преподавались увѣщанія о подавленіи главнымъ образомъ *внутреннихъ* нечестныхъ сердечныхъ движеній, какъ корня и начала грѣха нецѣлоудрія, то здѣсь, ст. 10—20, дается подробное, конкретное изображеніе *отанъ приходящихъ* соблазновъ къ нарушенію седьмой заповѣди (десятословія), особенно же подробно изображается сама виновница мужскихъ паденій—прелюбодѣйная жена. Чрезвычайно конкретный образъ ея смущалъ и еврейскихъ и христіанскихъ толкователей книги Притчей, изъ которыхъ первые даже склонялись, въ виду этого, къ исключенію книги Притчей изъ канона, а нѣкоторые древніе христіанскіе толкователи пытались объяснять образъ блудницы Притч. VII въ аллегорическомъ смыслѣ—безумія, нечестія, въ противоположность изображаемой въ гл. VIII—IX Премудрости Возжей. Но хотя и нельзя отрицать возможности этого аллегорическаго пониманія, однако в непосредственне буквальное пониманіе рассматриваемаго отѣла вполне согласно съ боговдохновенностью книги Притчей, ибо цѣль картины, ст. 10—20 гл. VII—поучительная: Премудрый путемъ этого конкретнаго образа желаетъ возбудить въ ученикѣ своею отвращеніе къ соблазнамъ прелюбодѣянія и ввухать стойкость въ цѣломудрїи.

Прелюбодѣйная жена является на улицѣ въ одеждѣ блудницы, съ покрываломъ (LXX: εἶδος ἑρσοῦσα πορνικόν, Vulg. ornati meretricio, ст. 10), чтобы не приняли ее за замужнюю женщину (ср. Быт. XXXVIII, 14 сл. Толков. Вѣдл. т. I, стр. 216). Безстыдство, коварство, лукавство обнаруживаются во всѣхъ дѣйствіяхъ и жестахъ жены (ст. 11—13); особенно же въ словахъ ея. Желая придать приглашенію своему невнятный видъ, она поводомъ къ приглашенію выставляетъ (ст. 14) релігіозное торжество—принесеніе у нея мирной жертвы, всегда соединявшейся съ пиршествомъ (Лев. VII, 11 сл.). Затѣмъ, завлекая юношу въ свои сѣти, говорить (ст. 15—18) о роскошной обстановкѣ предстоящаго пиршества и плотскихъ удовольствій, а послѣднее возможное колебаніе юноши побуждаетъ упомянуть о долговременной отлучкѣ своего мужа изъ дома (ст. 19—20).

21—23. Хитрая рѣчи блудницы, хорошо рассчитанная на податливость чувственной природы человѣка, особенно юноши, увѣщиваются успѣхомъ: послѣ нѣкоторыхъ колебаній юноша безвольно отдается въ руки губительницы и предается животнымъ наслажденіямъ, губящимъ и тѣло и душу.

24. Итакъ, дѣти, слушайте меня, и внимайте словамъ устъ моихъ.

25. Да не уклоняется сердце твое на пути ея, не блуждай по стезямъ ея,

26. потомучто многихъ повергла

она раненными, и много сильныхъ убиты ею:

27. домъ ея—пути въ преисподнюю, нисходящiе во внутреннiя жилища смерти.

ГЛАВА 8-я.

Не премудрость ли вызываетъ и не разумъ ли возвышаетъ голосъ свой?

2. Она становится на возвышенныхъ мѣстахъ, при дорогѣ, на распутияхъ;

24—27. Тѣмъ убѣдительнѣе являются заключительныя увѣщанiя избѣгать соблазна всякаго вообще вида прелюбодѣянiя, конечные результаты котораго всегда одни и тѣже: временная и вѣчная гибель.

VIII

1—21. Учительная дѣятельность Божественной Премудрости: Премудрость Божiя своею проповѣдью призываетъ всѣхъ, привлекая къ себѣ богатствомъ даровъ своихъ.— 22—31. Миротворческая дѣятельность Премудрости Божественной. — 32—36. Увѣщанiе къ слѣдованiю учениямъ и постановленiямъ Премудрости, въ послушанiи которымъ заключается жизнь, а въ противленiи—смерть.

1—3. Еще прежде, въ началѣ книги гл. I, ст. 20—21 слѣд., Премудрый вводилъ въ рѣчь свою проповѣдь Премудрости отъ собственнаго ея лица, а въ III, 19—20 упомянудъ объ участii Премудрости въ творенiи мира и промышленности. Теперь онъ дѣлаетъ то же значительно подробнѣе: почти цѣлыхъ двѣ главы, VIII—IX посвящены раскрытiю учению самой Премудрости о себѣ самой, о достоинствѣ—Божескомъ или Божественной природѣ Премудрости, о миротворческой, миропромыслительной и мироспасающей дѣятельности, о высочайшихъ свойствахъ и богатѣйшихъ дарахъ ея, о значенiи для человѣчества и т. д. Священный писатель какъ бы намѣренно въ предыдущихъ главахъ (гл. IV—VII) сгруппировалъ и исчерпалъ всѣ возможные виды и случаи соблазновъ на пути благочестивой и мудрой жизни, чтобы здѣсь, въ гл. VIII—IX, цѣльнѣе изобразить положительнымъ образомъ истинную мудрость по учению самой же Ипостасной Премудрости. При этомъ естественно отсутствуетъ всякое упоминанiе о томъ, что это учение дошло до Премудраго по преданiю отъ предковъ (какъ въ IV, 3—4 и дал.). Даваемая чтенiемъ ст. 1 LXX и слав. форма обращенiя къ слушателю: *оу тѣу софiан хрiстѣе, iва фрѣнуаце ооу блажобсѣу*, сыне, премудрость проповѣждѣ, да разумъ послушаетъ тебе, менѣе удобоприемлема, чѣмъ по чтенiю евр. масор. Вулг. и русск.: проповѣдующею выступаетъ сама Премудрость Божiя. Подобно всѣмъ проповѣдникамъ вѣщанiй Божихъ, — пророкамъ, апостоламъ, Премудрость проповѣдуетъ во всѣхъ мѣстахъ общественныхъ собранiй, равно вообще всюду, гдѣ только можно встрѣтить слушателей: на возвышенностяхъ, на дорогахъ, распутияхъ и перекресткахъ, при входѣ въ городъ—у городскихъ воротъ, на улицахъ и при входѣ въ дома (ст. 2—3). Какъ бы ни были шумны подобныя народныя собранiя, но и средн суетливы и шума праздновосвоящихъ и спорящихъ людей, раздаются, подобно нѣкоторому гимну, поучительныя и назидательныя рѣчи изъ устъ ревнителѣй и вѣстниковъ Божественной мудрости.

3. она зываетъ у воротъ при входѣ въ городъ, при входѣ въ двери:

4. «къ вамъ, люди, зываю я, и къ сынамъ человѣческимъ голосъ мой!»

5. «Научитесь, неразумные, благо-разумію, и глупые—разуму.

6. «Слушайте, потомучто я буду говорить важное, и изрѣченіе устъ моихъ—правда;

7. «ибо истину произнесетъ языкъ мой, и нечестіе—мерзость для устъ моихъ;

8. «всѣ слова устъ моихъ справедливы; нѣтъ въ нихъ коварства и лукавства;

9. «всѣ они ясны для разумнаго и справедливы для пріобрѣтшихъ знаніе.

10. «Примите ученіе мое, а не серебро; лучше знаніе, нежели отборное золото;

11. «потомучто мудрость лучше жемчуга, и ни что изъ желаемаго не сравнится съ нею.

12. «Я, премудрость, обитаю съ разумомъ и ищу разсудительнаго знанія.

13. «Страхъ Господень—ненавидѣтъ зло; гордость и высокомеріе и злой путь и коварныя уста я ненавижу.

14. «У меня совѣтъ и правда; я—разумъ, у меня сила.

15. «Мною пари царствуютъ, и повелители узаконяютъ правду;

16. «мною начальствуютъ начальники и вельможи, и всѣ судыземли.

17. «Любящихъ меня я люблю, и ищущіе меня найдутъ меня;

18. «богатство и слава у меня, сокровище непогибающее и правда;

19. «плоды мои лучше золота, и золота самаго чистаго, и пользы отъ меня больше, нежели отъ отборнаго серебра.

20. «Я хожу по пути правды, по стезямъ правосудія,

21. «чтобы доставить любящимъ меня существенное благо, и сокровищницы ихъ я наполняю. (Когда

4—13. Премудрость обращаетъ призывъ Свой рѣшительно ко всѣмъ людямъ — къ праведнымъ и нечестивымъ, знатымъ и простолюдинамъ ¹⁾; всѣхъ призываетъ, по руководству Божественной Премудрости, развивать свои умы и сердца (ст. 5), обогащая умъ всякими полезными свѣдѣніями душевной и житейской мудрости (ср. I, 4 Еккл. I, 13) и сообщая сердцу устойчивость въ истинномъ добрѣ (ср. Мѡ. X, 16). Вѣщаетъ Премудрость нѣчто безцѣнно важное въ жизни человѣческой (ст. 6; ср. Мѡ. VII, 29), именно: частую истину, подлинную правду, совершенную справедливость, все же противное тому Ей абсолютно чуждо; всѣ эти наставленія Премудрости, при всей своей высотѣ и глубинѣ, однако, вполне доступны разумѣнію человѣка (ст. 7—9). Поэтому стяжаніе этихъ учевій должно быть предметомъ большихъ воцѣлѣній и исканій человѣка, тѣмъ пріобрѣтеніе богатствъ и сокровищъ (ст. 10—11, сн. III, 14—15. Іов. XXVIII, 15—16. Прем. Сол. VII, 9). Сила совѣта и способность руководить мысль людей къ достиженію правильнаго рѣшенія въ дѣлахъ неизмѣнно прасуды Божественной Мудрости, освою же и самую сущность мудрости, сообщаемой Ею, составляетъ страхъ Божій и отвращеніе отъ зла (ст. 12—13, сн. I, 7. IX, 10).

14—21. Изображаются высокоцѣнные дары и преимущества истинной мудрости, источникъ которой — въ Мудрости Божественной. Всѣ дѣла человѣческія могутъ имѣть прочный успѣхъ только при содѣйствіи Премудрости Божественной, такъ какъ только Она одна обладаетъ въ совершенствѣ совѣтомъ, разумомъ и силою, нужными для осуществленія Ея жиропріятій, — къ благоу человѣка. — безъ Ея содѣйствія мудрость человѣческая безсильна (ст. 14). Въ частности цари, правители, всякія власти и законодатели могутъ мудро управлять подчиненными народами и обществами, могутъ издавать мудрые

¹⁾ Мидрашъ объясняетъ различіе обращеній въ ст. 4: „люди“ или „мужи“ (ишиимъ) и—„сыны человѣческіе“ (бене—адимъ) такъ: „если будете достойны и сохраните законъ, то будете называться, подобно Аврааму, Исааку и Якову—„мужами“ ишиимъ, а если нѣтъ, то—„сынами человѣческими“, бене—адимъ подобно Адаму, который не сохранилъ Закона и потому былъ изгнанъ изъ рая“ (Midr., S. 21).

я возвѣщу то, что бываетъ ежедневно, то не забуду исчислить то, что отъ вѣка.)

22. «Господь имѣлъ меня началомъ пути Своего, прежде созданій «Своихъ, искони;

23. «отъ вѣка я помазана, отъ начала, прежде бытія земли.

24. «Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще «ни было источниковъ, обильныхъ водою.

25. «Я родилась прежде, нежели «водружены были горы, прежде холмовъ,

26. «когда еще Онъ не сотворилъ «ни земли, ни полей, ни началъ «ныхъ пылинокъ вселенной.

27. «Когда Онъ уготовлялъ небеса, «я была тамъ. Когда Онъ проводилъ «круговую черту по лицу бездны,

28. «когда утверждалъ вверху «облака, когда укрѣплялъ источникъ бездны,

29. «когда давалъ морю уставъ, «чтобы воды не переступали предъ «дѣловъ его, когда полагалъ основанія земли, —

30. «тогда я была при немъ хуждожницею, и была радостью всякій «день, веселясь предъ лицемъ Его «во все время,

31. «веселясь на земномъ кругу «Его, и радость моя была съ сынами «ми человеческими.

и полезные законы только при содѣйствіи Той же Божественной Премудрости (ст. 15—16, св. Дан. II, 21). Все обиліе благъ, присущихъ Премудрости, Она всегда готова даровать любящимъ Ее и разумяющимъ истинную цѣнность Ея даровъ (ст. 17—21). Таковы дивные дары Премудрости. Но божественная природа и достоинство Ея разительнѣйшимъ образомъ выразились еще въ участіи Премудрости въ дѣлѣ творенія міра, о чемъ и говорить теперь, ст. 22—31, Премудрый.

22—31. Въ этомъ отдѣлѣ отцы и учителя Церкви не безъ основанія усматривали подъ предвѣчною и миротворящею Премудростью ипостасную Премудрость, Второе Лице Пресвятыя Троицы, Сына Божія, сближая понятіе о Немъ съ понятіемъ о Словѣ Божіемъ, которое, по ученію апост. и евангелиста Іоанна Богослова, означала было у Бога, само было Богъ, чрезъ Которое „все произошло, и безъ Котораго не начало быть ничто, что произошло“ (Іоанн. I, 1—3, ср. Евр. I, 2. Апок. III, 14). Безъ сомнѣнія, на ветхозавѣтной почвѣ не могло быть такой ясности и раздѣльности, точности и опредѣленности въ ученіи о Логосѣ или Словѣ Божіемъ, какую получило это понятіе въ ученіи св. Евангелиста Іоанна: для ветхозавѣтнаго, даже и боговдохновеннаго, мудреца миротворящая Премудрость Божія есть прежде всего идея міра, предсуществовавшая у Бога до творенія, — есть то начало, которое явилось посредствующею орудною причиною всего творенія, эта идея и начало изображаются здѣсь олицетворенно. Говорить же нарочито о Божественномъ достоинствѣ второй Ипостаси Премудрый не могъ. Совершенно ошибочно, въ IV вѣкѣ по Р. Хр., во время христологическихъ споровъ, ариане на основаніи словъ Премудрости: „Господь созда (LXX: ἔκτισε) мя начало путей Своихъ“ (ст. 22) защищали свое лжеученіе, что Сынъ Божій есть тварь. Противъ этого православные богословы указывали на еврейское чтеніе этого текста, понимая евр. гл. *кана* въ смыслѣ: приобрѣлъ (ἔκτισται какъ у Филона и Оригена, или ἔκτισέ με, какъ въ кодд. 23. 252 у Голмеса. Vulg.: *possedit me*, русск. синод.: имѣлъ. Меня началомъ...); или же относилъ понятіе творчества собственно къ волевоуоченію Сына Божія. Оба эти послѣднія объясненія имѣють свое значеніе и основаніе. Но слѣдуетъ во всякомъ случаѣ помнить, что въ Ветхомъ Завѣтѣ не могло быть богословской точности въ формулировкѣ идеи Логоса, и потому понятіе „созданія“ здѣсь могло быть приложено и къ Премудрости Божественной. Въ книгѣ Іисуса сына Сирахова, ученіе которой стоятъ подъ неоспоримымъ вліяніемъ книги Притчей, Премудрость не разъ называется созданною Богомъ: I, 4: *πρότερα πάντων ἔκτισται σοφία*; I, 9: *αὐτὸς ἔκτισεν αὐτήν* XXIV, 8: *ὁ κτίσας με*. Однако уже доміріонное существованіе Премудрости, утверждаемое въ Притч. VIII, 22—31, составляетъ вѣрное предвѣстіе новозавѣтнаго ученія о Словѣ или Сынѣ Божіемъ. Вся рѣчь Премудрости распадается на два отдѣла: ст. 22—26 и ст. 27—31, изъ которыхъ въ

32. «Итакъ, дѣти, послушайте
«меня; блаженны тѣ, которые хра-
«нятъ пути мои!

33. «Послушайте наставленія и
«будьте мудры, и не отступайте
«отъ него.

34. «Блаженъ человѣкъ, который
«слушаетъ меня, бодрствуя каждый

«день у воротъ моихъ и стоя на
«стражѣ у дверей моихъ!

35. «потому что кто нашелъ меня,
«тотъ нашелъ жизнь, и получить
«благодать отъ Господа;

36. «а согрѣшающій противъ меня
«наноситъ вредъ душѣ своей: въ сѣ
«ненавидящія меня любятъ смерть».

первомъ показывается домірное существованіе Премудрости, а во второмъ утверждается дѣятельное участіе Премудрости въ твореніи міра и отдѣльных видовъ сотвореннаго. Премудрость помазана была (ст. 23, ср. пс. II, 6), т. е., была представлена Богомъ быть владычицею твореній (ср. о Сынѣ Вожіемъ Апок. III, 14: ἡ ἀρχὴ τῆς κτίσεως τοῦ θεοῦ) еще прежде появленія послѣднихъ — прежде сотворенія самой земли въ ея первобытномъ видѣ (ст. 23), прежде появленія великой міровой-бездны, всякихъ водо-виѣстий, горъ, холмовъ и начала всякой органической жизни (24—25, ср. пс. LXXXIX, 2, Іов. XXXVIII, 6 и др.) существовала и именно была рождена Богомъ Премудрость (ст. 24—25). Рожденная прежде всякаго творенія (ср. о Сынѣ Вожіемъ: πρὸ πάντων κτίσεως, Кол. I, 15), Премудрость отнюдь не была пассивною свидѣтельницаю самого творенія міра, напротивъ, во всемъ процессѣ міротворенія (ст. 27—30, а ср. Іов. XXVI, 9. XXXVIII, 10 и дал.) Она была неизбѣжною участницею дѣла Вожія, отпечатлѣвая свой небесный обликъ на дѣлахъ твореній Вожіихъ. И какъ завершеніемъ и цѣлью творенія міра было созданіе человѣка (Быт. I, 26 сл.), такъ особеннымъ предметомъ участія и радости Премудрости было также именно созданіе человѣка — вѣнца твореній Вожіихъ, на которомъ, какъ на образѣ и подобіи Вожіемъ, совершеннѣйшимъ образомъ отпечатлѣлась печать и Премудрости ст. 30б—31а). Это особенное участіе Премудрости въ дѣлѣ созданія человѣка вполнѣ отвѣчаетъ библейскому сказанію о бывшемъ въ Пресвятой Троицѣ совѣтѣ предъ сотвореніемъ человѣка (Быт. I, 26 ср. Толков. Библ. т. I, стр. 11). Истинный, изначальный источникъ радованія Ипостасной Премудрости или Логоса заключался именно въ общеніи Его съ Богомъ Отцемъ (Іоани. XVII, 24), а радость Ея въ твореніяхъ и особенно въ людяхъ является отобразомъ той премірной радости. Отдѣлъ Притч. VIII, 22—30 въ качествѣ паремій и читается въ храмахъ на богослуженіи въ дни: Обрѣзанія Господня (1 янв.), Благовѣщенія Пресв. Богор., напоминая вѣрующимъ о томъ, что воплотившійся Сынъ Вожій отъ вѣчности существовалъ въ общеніи съ Богомъ Отцемъ.

32—36. Къ людямъ, какъ преимущественнымъ носителямъ мудрости, запечатлѣнной Творцемъ на всемъ твореніи, Премудрость обращается теперь съ увѣщаніемъ слушать и хранить наставленія мудрости, такъ какъ въ слушаніи и храненіи ихъ заключено все блаженство и вся жизнь человѣка (ст. 32, 34, 35, ср. пс. CXVIII, 1—2; Лук. XI, 28), тогда какъ уклоняющіеся отъ общенія съ Премудростью, а тѣмъ болѣе ненавидящія Ее готовятъ себѣ временную и вѣчную смерть.

ГЛАВА 9-я.

Премудрость построила себѣ	трапезу;
домъ, вытесала семь столбовъ его,	3. послала слугъ своихъ провоз-
2. заколола жертву, растворила	гласить съ возвышенностей город-
вино свое и приготовила у себя	скихъ:

IX.

1—11. Божественная Премудрость, какъ устроительница Царства Божія на землѣ.
12—18. Противоположная тому дѣятельность нечестія, олицетворяемаго въ образѣ блудницы.

1—3. Если въ гл. VIII говорилось объ участіи Премудрости въ дѣлѣ міротворенія и промышленности Божіи (ст. 27—31), и люди вообще призывались къ послушанію Премудрости, то здѣсь въ гл. IX говорится—подъ образомъ основаннаго Премудростью дома (ст. 1)—объ устроении Ипостасною Премудростью Царства Божія или Церкви среди людей для ихъ духовнаго питанія, просвѣщенія и освященія, и всѣ люди нарочито приглашаются въ этотъ домъ Премудрости на приготовленную Ею трапезу. Премудрость божественная—эта великая художница или строительница (Притч. VIII, 30) съ момента начала міротворенія,—въ историческія времена основала на землѣ великій домъ Свой (тамъ же ст. 34), который конечно, вмѣстѣ есть и домъ Божій (ис. LXXXIII, 11). Домъ Премудрости Божіей есть, очевидно, Царство Божіе или Церковь, основаніе которой Божественнымъ Домостроительствомъ было положено еще въ раю; это Царство Божіе, затѣмъ во многообразіи священныхъ библейскихъ событій и лицъ, теократическихъ установленій, и учреждений, подъ руководствомъ Закона и пророковъ, раскрывалось въ теченіе всего Вѣхаго Завѣта вплоть до явленія Христа Спасителя, когда оно сѣнилось новозавѣтною церковью или новозавѣтнымъ царствомъ Божіимъ (1 Тим. III, 15. Евр. I, 6. Апок. III, 12). Домъ премудрости основанъ на семи столбахъ (ст. 1), т. е., согласно общему библейскому значенію числа 7 въ смыслѣ полноты, законченности, совершенства Быт. IV, 24. Ис. XI, 7. Мк. XVIII, 21—22), Царство Божіе или Церковь Премудростью Божією снабжена многообразными дарами и дарованіями—всѣмъ, что нужно для ея благоустройства, процвѣтанія и славы. Толкованіе числа семи столбовъ въ точномъ значеніи дало большею частію неудачные опыты; таково древнеіудейское толкованіе—въ смыслѣ 7 небесъ, съ которыхъ вошла Тора и дарована людямъ (Midr. S. 25), еще менѣе—въ смыслѣ 7 свободныхъ искусствъ (Heidenheim), или 7 первыхъ главъ книги Притчей (Hitzig), наконецъ 7 свойствъ вышней мудрости по вѣчисленію Іакова (Іак. III, 17). Заслуживаетъ лишь вниманія христіанско-церковное толкованіе семи столбовъ въ смыслѣ 7 даровъ Св. Духа (Ис. XI, 2—3, см. Апок. I, 4. 12. III. 1. IV, 5), затѣмъ—7 таинствъ и под.

Блага царства Божія, основаннаго Премудростью, изображаются здѣсь (ст. 2) подъ образомъ приготовленной Ею трапезы—мяса мирной жертвы (евр. *тебахъ*, LXX *θύματα*, Vulg. *victimās*) и раствореннаго—водою или приносіями—вина (ср. Ис. V, 22. Притч. XXIII, 30), какъ и въ Евангеліи Господь изображалъ блага царства Божія на землѣ и царства небеснаго подъ образомъ трапезы (Мк. XXII, 1 сл. Лук. XIV, 16 сл. XXII, 30), Частіе, при свѣтѣ Новаго Завѣта, подъ этою трапезою Премудрости, можно разумѣть Евхаристію или таинство тѣла и крови Христовой. Къ этой Божественной трапезѣ Премудрость призываетъ людей чрезъ посланныхъ Ею рабовъ (ст. 3), какъ и въ евангельскихъ притчахъ о званыхъ на царскую вечерю гости приглашаются чрезъ рабовъ царскихъ (Мк. XXII, сл. Лук. XIV, 16 сл.). Подъ этими рабами—глашатаями надо разу-

4. «кто неразуменъ, обратись сюда!» И скудоумному она сказала:

5. «идите, ѣшьте хлѣбъ мой и пейте вино, мною растворенное:

6. «оставьте неразуміе, и живите, и ходите путемъ разума».

7. Поучающій кощунника наживетъ себѣ безславіе, и обличающій нечестиваго—пятно себѣ.

8. Не обличай кощунника, чтобы онъ не возненавидѣлъ тебя; обли-

чай мудраго, и онъ возлюбитъ тебя;

9. дай *наставленіе* мудрому, и онъ будетъ еще мудрѣе; научи правдиваго, и онъ приумножитъ знаніе.

10. Начало мудрости—страхъ Господень, и познаніе Святаго — разумъ;

11. потомучто чрезъ меня умножатся дни твои, и прибавится тебѣ лѣтъ жизни.

мѣть всѣхъ когда—л. посланныхъ Богомъ и Его Премудростью—проповѣдниковъ истины Божіей для созиданія среди людей Божественной теократіи, въ Вѣтхомъ Завѣтѣ — проповѣдниковъ, въ Новомъ Завѣтѣ—апостоловъ (Ис. III, 7. Рим. X, 15—18).

4—5. Люди, къ которымъ обращается призвъ посланниковъ Премудрости, именуются здѣсь (ст. 4. 6) неразумными или скудоумными—не въ абсолютномъ смыслѣ, а въ относительномъ—въ смыслѣ ненаученности высшимъ истинамъ и, главное, нравственной неустойчивости и безхарактерности (ст. 6, ср. VII, 7. XIX, 25. XXI, 11). Такіе люди, какихъ особенно много среди юношей, еще доступны наученію и педагогическому воздѣйствію (ср. ис. XVIII, 8. CXVIII, 130). А во время насажденія христіанства именно такіе, простые умомъ и сердцемъ люди, оказались особенно воспримчивыми къ проповѣди Евангелія (Мѡ. XI, 25. Лук. X, 21. 1 Кор. I, 27). Потому-то Премудрость и призываетъ ихъ на свою духовную трапезу (ст. 5), въ свѣтъ истиннаго разумія и благочестія.

7—9. Здѣсь дѣлается вводное замѣчаніе, имѣющее цѣлью ограничить кругъ людей, къ которымъ обращена проповѣдь посланниковъ Премудрости: безцѣльно и напрасно учить мудрости людей, презрительно издѣвающихся надъ истинною, съ ненавистію относящихся къ ней и къ ея проповѣдникамъ (ср. Мѡ. VII, 6). Въмѣсто безполезной и небезопасной траты словъ на вразумленіе кощунника, проповѣдникъ лучше долженъ обращать свое вниманіе на мудраго, т. е., по крайней мѣрѣ, стремящагося къ мудрости, которому проповѣдь мудрости всегда принесетъ существенную пользу (р. Мѡ. XIII, 12). Понятно, впрочемъ само собою, что и указанное сграниценіе, ст. 7—8, имѣетъ лишь относительное и условное значеніе: имъ внушается не безусловное запрещеніе учить нечестивыхъ истинѣ, а лишь осмотрительность въ обращеніи съ хулителями истины. Любовь, высшее начало истинной жизни, обязываетъ всѣхъ обладателей истины всюду распространять добро и истину, заботясь о спасеніи всѣхъ, по образцу Самого Бога, хотящаго спасенія всѣхъ, не исключая и грѣшныхъ (Иез. XVIII, 32. XXXIII, 11. 2 Петр. III, 9. 2 Тим. II, 4).

10—11. Рѣчь Премудрости заканчивается указаніемъ того главнаго основанія, на которомъ зиждется серьезное исканіе мудрости (ст. 10),—и благодатныхъ плодовъ или спасительныхъ послѣдствій истинной мудрости для стяжавшаго ее (ст. 11).

Началомъ мудрости является страхъ Божій (10 а, см. I, 7) и благоговѣнное познаніе Бога: „познаніе Святаго—разумъ“ 10 б. (Этотъ переводъ слѣдуетъ, по закону параллелизма, предпочесть греческому LXX: Βουλὴ ἀγίων σύνεσις, слав.: совѣтъ святыхъ разумъ. Скорѣе можно бы принять переводъ Вульг.: scientia sanctorum prudentia) LXX слав. въ концѣ ст. 10 имѣютъ добавленіе: τὸ γὰρ γινώσκειν νόμον διαβολὰς ἐστὶν ἀχαριστία, слав.: разумѣти бо законъ помысла есть благаго. Добавленіе это отсутствуетъ во многихъ греческихъ кодексахъ (23, 68, 106, 109, 248, 252, 295 у Гольм., въ Альд. Алекс. у Климента Александр.), не имѣется и въ Вульгатѣ: повидимому—позднѣйшая глосса, хотя и отвѣчающая контексту рѣчи. Ст. 11 представляетъ одно изъ нерѣдкихъ въ книгѣ притчей обшарпаній долготѣи за исполненіе уроковъ мудрости (см. III, 2, 16, 21; IV, 10, 15; X, 27).

Разсмотрѣнный отдѣлъ Притч. IX, 1—11 читается въ храмахъ въ качествѣ нари-

12. (Сынъ мой)! если ты мудръ, то мудръ для себя (и для ближнихъ твоихъ); и если буенъ, то одинъ потерпишь. (Кто утверждаетъ на лжи, тотъ пасетъ вѣтры, тотъ гоняется за птицами летающими: ибо онъ оставилъ пути своего виноградника и блуждаетъ по тропинкамъ поля своего; проходить чрезъ безводную пустыню и землю, обреченную на жажду; собираетъ руками безплодіе.)

13. Женщина безразсудная, шумливая, глупая и ничего незнающая

14. садится у дверей дома своего на стулѣ, на возвышенныхъ мѣстахъ гбода,

15. чтобы звать проходящихъ дорогою, идущихъ прямо своими путями:

16. «кто глупъ, обратись сюда,» и скудоумному сказала она:

17. «воды краденныя сладки, и утаенный хлѣбъ пріятенъ».

18. И онъ не знаетъ, что мертвецы тамъ, и что въ глубинѣ преисподней зазванные ею. (Но ты отскочи, не медли на мѣстѣ, не останавливай взгляда твоего на ней; ибо такимъ образомъ ты пройдеши воду чужую. Отъ воды чужой удаляйся и изъ источника чужаго не пей, чтобы пожить многое время, и чтобы прибавились тебѣ лѣта жизни.)

ин на Богородичные праздники, поскольку здѣсь предъизображается Ипостасная Премудрость не въ предвѣчномъ бытіи Своемъ, а въ состояніи воплощенія; мысль же о воплощеніи Сына Божія неотдѣлима отъ мысли о Богоматери, послужившей орудіемъ воплощенія Сына Божія (см. у еп. *Виссаріона*, стр. 103—104).

12. Въ качествѣ побужденія къ исполненію наставленій мудрости и къ избѣжанію (изображаемыхъ ниже) соблазновъ безумія и распутства, Премудрый указываетъ здѣсь на то, что полезныя слѣдствія мудрости имѣютъ силу собственно для самого держащагося мудрости, а не для Бога (мысль, аналогичная выраженной въ *Іов. XXII. 2—3*), и не для ближнихъ. *LXX*, слав., однако, добавляетъ: *каі тоіс плуісіов*, и искреннимъ твоимъ. Кроме того *LXX* и еще имѣютъ трехстрочное добавленіе къ ст. 12, имѣющееся также въ Сирск. и Арабск. переводахъ, а также въ славянск. и русск. синод. (въ послѣднемъ эти добавленія заключены въ скобки). Повидному, это — позднѣйшія глоссы, хотя имѣющія признаки происхожденія изъ еврейскаго подлинника, перенесенныя сюда изъ другихъ мѣстъ вв. Притчей и другихъ свящ. книгъ.

13—18. Для усиленія впечатлѣнія отъ уащаній Премудрости здѣсь подробно изображаются соблазны неразумія, идущія отъ жены распутной. По вѣщности призывъ послѣдней напоминаетъ призывъ мудрости, но отличающія жену распутную дерзость, безразсудство и подобныя отрицательныя качества (ст. 13—17), а главнымъ образомъ гибельный конецъ увлекающихся ею соблазнами (ст. 18, сн. VII, 27), должны, по мысли Премудраго, разъ навсегда предохранить ученика его отъ всякихъ увлеченій распутства и безумія, какъ бы въ были подчасъ велики соблазнъ и искушеніе, слѣдовать имъ. — Въ концѣ ст. 18 у *LXX* имѣется добавленіе, имѣющее характеръ позднѣйшей глоссы (ея нѣтъ въ Кошилютенск. изд.).

ГЛАВА 10-я.

Притчи Соломона. Сынъ мудрый радуется отца, а сынъ глухой—огорчение для его матери.

2. Не доставляютъ пользы сокровища неправедныя, правда же избавляетъ отъ смерти.

3. Не допустить Господь терпѣть голодъ душъ праведнаго, стяжаніе же нечестивыхъ исторгнетъ.

4. Лѣнивая рука дѣлаетъ бѣднѣе, а рука прилежныхъ обога-

щаетъ.

5. Собирающій во время лѣта—сынъ разумный, спящій же во время жатвы—сынъ безпутный.

6. Благословенія—на головѣ праведника, уста же беззаконныхъ заграждаютъ насиліе.

7. Память праведника пребудетъ благословенна, а имя нечестивыхъ омерзѣетъ.

X.

Съ гл. X начинаются „Притчи Соломона“ (X, 1), о характерѣ, общемъ содержаніи, назначеніи и цѣли которыхъ было сказано въ началѣ книги Притчей (гл. I, ст. 2—6). Если въ гл. I—IX развитіе мысли о значеніи мудрости шло послѣдовательными и связанными періодами, то отсель съ гл. X по XXIX включительно идетъ рядъ приточныхъ изреченій разнороднаго содержанія, такъ что почти каждый стихъ есть самостоятельное цѣлое, отдѣльная притча, не имѣющая видимой связи ни съ предыдущимъ ни съ послѣдующимъ. По содержанію своему эти приточныя изреченія относятся ко всевозможнымъ отношеніямъ и условіямъ жизни. Предъ взоромъ читателя, въ свойственномъ жизни человѣческой разнообразіи, здѣсь проходятъ попарно: богатый и бѣдный, мудрый и глухой, прилежный и лѣнивый, благочестивый и нечестивый, отецъ и сынъ, мужъ и жена, господинъ и рабъ, царь и подданный и под. Относясь каждая къ отдѣльнымъ явленіямъ жизни, всѣ притчи въ совокупности, однако, выражаютъ цѣльное воззрѣніе на жизнь, законченное мировоззрѣніе свящ. писателя. По формѣ своей притчи эти образуютъ двухстрочія, обѣ части котораго находятся обыкновенно въ отношеніи противоположности (въ гл. X—XV—исключительно или представляютъ собою такъ называемый антитетическій параллелизмъ, въ которомъ одно полустихіе выражаетъ обратную сторону истины выражаемой въ другомъ (см. напр. еще въ пс. II, 6; Еккл. II, 14).

1. Такую именно форму имѣть уже этотъ первый стихъ, имѣющій, очевидно, отношеніе ко всему послѣдующему собранію притчей. Частный оттѣнокъ мысли въ противоположеніи отца и матери: печаль неудачнаго сына особенно глубоко воспринимается материнское сердце (ср. I, 8; XV, 20; XVII, 25).

2—7. При всей разнородности содержанія этихъ шести стиховъ, они нѣсколько объединяются общею всѣмъ имъ мыслию о неодинаковомъ земномъ жребіи праведнаго и нечестиваго, разумнаго и неразумнаго, прилежнаго и лѣниваго. „Жизнь и смерть“ (ст. 2)—типическое обозначеніе блага и бѣдствія жизни, проходящее черезъ всю книгу Притчей. „Сокровища неправедныя“—нажитыя неправдою, беззаконіемъ, „не доставляютъ пользы“—безсильны спасти отъ смерти, а равно отъ всякаго смертельнаго бѣдствія. Спасеть отъ этого одна „правда“ (евр. *цедака*), т. е. правота всѣхъ намѣреній и поступковъ человѣка, дѣятельное осуществленіе „мудрости“, *хокма* (по традиціонно-еврейскому толкованію, *цедака*, спасающая отъ смерти, есть милостыня). Мысль ст. 2 почти дословно повторяется въ ст. 4 гл. XI. Въ ст. 3 противопоставляются, во 1-хъ, „душа“ праведнаго, т. е. нормальное, уравновѣшенное психическое состояніе (по LXX:

8. Мудрый сердцемъ принимаетъ заповѣди, а глупый устами преткнется.

9. Кто ходитъ въ непорочности, тотъ ходитъ безопасно; а кто пре-
вращаетъ пути свои, тотъ будетъ наказанъ.

10. Кто мигаетъ глазами, тотъ причиняетъ досаду, а глупый устами преткнется.

11. Уста праведника—источникъ

жизни, уста же беззаконныхъ заградить насиліе.

12. Ненависть возбуждаетъ раздоры, но любовь покрываетъ всѣ грѣхи.

13. Въ устахъ разумнаго находится мудрость, но на тѣлѣ глупаго—розга.

14. Мудрые сберегаютъ знаніе, но уста глупаго—близкая гибель.

15. Имущество богатаго—крѣпкіи

φύλη δικαία) праведника—и „стяжаніе“ или аичность (евр. *gawwa*, ср. Мих. III, 7; по LXX ζωή), жизнь, въ смыслѣ средствъ къ жизни) нечестиваго; а, во 2-хъ, противоположная судьба одного и другого: Господь не попускаетъ праведнику голодать (ср. пс. XXXII, 19; XXXVI, 25), напротивъ, злымъ и похотливымъ желаніямъ нечестивца не даетъ осуществиться, тѣмъ болѣе, что они часто бываютъ направлены ко злу ближнихъ. Затѣмъ, въ ст. 4—5, высказывается мысль, что благосостояніе или матеріальная скудость стоять въ зависимости и отъ собственной энергіи или, напротивъ, бездѣйствія, какъ уклоненія отъ всеобщаго закона труда (Быт. III, 19). Въ Вулгатѣ къ ст. 4 добавлено: *qui nititur mendaciis, hic pascit ventos: idem autem ipse sequitur aves volantes*. LXX прибавку въ ст. 5, читаемую въ славянск. Библии такъ: „спасется отъ зноя сынъ разумный, вѣтротлѣненъ же бываетъ на жатвѣ сынъ беззаконный“, т. е.: благо-разумный, вслѣдствіе своевременной уборки хлѣба, не терпитъ вреда отъ знойнаго вѣтра, тогда какъ неразумный и беспорядочный человѣкъ пропускаетъ время жатвы, и перезрѣлый хлѣбъ въ колосьяхъ опустошаетъ зной и вѣтеръ; общѣе, здѣсь какъ и въ дѣлѣхъ ст. 4—5, выражена мысль о необходимости благоразумнаго пользованія временемъ для успѣха въ дѣлахъ житейскихъ и духовныхъ. Ст. 6—7 говорятъ о добромъ имени, незапятнанной репутаціи праведнаго и—безславіи и гибели имени нечестиваго, какъ при жизни ихъ (ст. 6), такъ и по смерти того и другого (ст. 7) (ср. пс. CXI, 6; Сир. XLIV, 13; см. Мѣ. XXVI, 13).

8—10. Противопологаются по характеру и послѣдствіямъ дѣйствія мудраго и нечестиваго: въ отношеніи къ наставленіямъ мудрости (ст. 8), въ поведеніи или жизненномъ пути, противоположномъ у одного и другого (ст. 9) и въ самой манерѣ рѣчи—лукавой и криводушной у нечестиваго, и прямой, хотя бы и рѣзкой, у праведнаго (ст. 10). Последняя мысль рельефнѣе, чѣмъ въ еврейскомъ текстѣ, выражена въ греч. переводѣ LXX второй половины ст. 10: *ὁ δὲ ἐλέγχων μετὰ παρηγοίας ἐρηνοποιεῖ*; слав.: обличая-же съ дерзновеніемъ и вротворить.

11—14. Продолжается пзображеніе добраго в злого, мудраго и глупаго—въ отношеніи ихъ обращенія съ ближними и вліянія на нихъ, преимущественно со стороны рѣчи или способности и манеры пользоваться словомъ. Если вообще рѣчь человѣческая сравнивается съ волнами и потоками воды (Притч. XVIII, 4; XX, 5), то рѣчь праведнаго—по ея прямотѣ и назидательности—называется здѣсь (ст. 11) источникомъ жизни, тогда какъ изъ устъ нечестиваго выходитъ только насиліе. Этому насилію и пагубному вліянію его на общество способствуетъ имено наполняющая его ненависть, напротивъ, „любовь покрываетъ всѣ грѣхи“ (ст. 12, ср. 1 Петр. IV, 8; Іак. V, 20; 1 Кор. XIII, 4), т. е. свисходить къ ошибкамъ ближняго, не распространяетъ о немъ худой молвы (ср. XVII, 9), вообще всячески содѣйствуетъ миру. Въ ст. 13—14 новая противоположность мудраго и неразумнаго: первый воспримчивъ къ простому наставленію мудрости, для втораго требуется физическое воздѣйствіе (ст. 13); первый, уразумѣвъ погину, не сѣбитъ со-общать ее всѣмъ и каждому, напротивъ, соблюдаетъ осторожность въ рѣчи, сообразуется съ степенью воспримчивости слушателей; глупый, напротивъ, болтливъ—къ своей гибели (ст. 14).

15—21. Въ этихъ семи стихахъ-говорится главнымъ образомъ о земныхъ благахъ,

городъ его, бѣда для бѣдныхъ—скудость ихъ.

16. Труды праведнаго—къ жизни, успѣхъ нечестиваго—ко грѣху.

17. Кто хранитъ наставленіе, тотъ на пути къ жизни; а отвергающій обличеніе блуждаетъ.

18. Кто скрываетъ ненависть, у того уста лживыя; и кто разглашаетъ клевету, тотъ глупъ.

19. При многословіи не миновать грѣха, а сдерживающій уста свои—разумень.

20. Отборное серебро—языкъ праведнаго, сердце же нечестивыхъ—ничтожество.

21. Уста праведнаго пасутъ многихъ, а глупые умраютъ отъ недостатка разума.

22. Благословеніе Господне—оно

обогачаетъ, и печали съ собою не приноситъ.

23. Для глупаго преступное дѣяніе какъ бы забава, а человѣку разумному свойственна мудрость.

24. Чего страшится нечестивый, то и постигнетъ его, а желаніе праведниковъ исполнится.

25. Какъ проносится вихрь, такъ нѣтъ болѣе нечестиваго; а праведникъ—на вѣчномъ основаніи.

26. Что укусъ для зубовъ и дымъ для глазъ, то лѣнивый для посылающихъ его.

27. Страхъ Господень прибавляетъ дней, лѣта же нечестивыхъ сократятся.

28. Ожиданіе праведниковъ—радость, а надежда нечестивыхъ погибнетъ.

цѣнности ихъ и способъ пріобрѣтенія и употребленія. Возвышающее самочувствіе и самонадѣянность чловѣка, значеніе богатства и пріянжающее на чловѣка дѣйствіе бѣдности (ст. 15)—фактъ опыта. Премудрый этимъ изреченіемъ предостерегаетъ—богатаго отъ самонадѣянности, порождаемой богатствомъ, а бѣднаго отъ лѣности, приводящей къ бѣдности и нищетѣ. При этомъ какъ богатство, такъ и бѣдность разсматриваются главнымъ образомъ съ нравственной точки зрѣнія: богатство, предполагается, должно быть пріобрѣтено жизненною мудростью и средствами нравственно—безукоризненными и въ свою очередь должно быть употреблено на дѣла мудрости, любви и благочестія; напротивъ, бѣдность, являющаяся слѣдствіемъ лѣности и другихъ пороковъ, можетъ, въ свою очередь, приводить къ новымъ порокамъ. Что Премудрый разсматриваетъ богатство и бѣдность главнымъ образомъ съ моральной точки зрѣнія, высказываетъ слѣдующій стихъ—16-й, гдѣ прямо говорится, что прочны лишь пріобрѣтенія праведника, а стяжанія нечестиваго ведутъ ко грѣху,—а равно и ст. 17-й, гдѣ уже со всею опредѣленностью выступаетъ нравоучительное направленіе и содержаніе рѣчи: говорится о спасительности храненія ученія мудрости и о губительности пренебреженія обличеніемъ (ср. XII, 1): не принимающій обличенія не только самъ гибнетъ, но, чрезъ пагубную силу прилѣва, губитъ и другихъ (Мѡ. XV, 14). Въ слѣдующихъ ст. 18—21 говорится преимущественно о правильномъ, спасительномъ и неправильномъ, губительномъ пользованіи даромъ слова: осуждаемъ злорѣчіе по адресу ближняго (ст. 18), вообще празднословіе, невѣржно приводящее ко грѣху (ст. 19, ср. XIII, 3; XXI, 23; Еккл. X, 14; Сир. XX, 7; XXII, 31; XXVIII, 25; Мѡ. XII, 35), похваляется, напротивъ, обдуманное слово праведнаго (20а), какъ назидательное для многихъ (21а), въ противоположность пустому, безсодержательному слову нечестиваго (20б, 21б).

22—25. Соотвѣтственно неодинаковой настроенности безумнаго нечестиваго и мудраго—праведнаго (ст. 23), неодинаковы и вѣтшія судьба того и другого: у праведника все спорится, все ему дается безъ труда, заботы и тревоги, такъ какъ на жизни и дѣлахъ его почиваетъ благословеніе Божіе (ст. 22, Св. пс. CXXXVI, 2 сл.), всякое желаніе его исполняется (ст. 24б); напротивъ, удѣлъ нечестиваго—вѣчный страхъ за свое благополучіе (ст. 24а, св. Ис. LXVI, 4; Іов. III, 25), а конецъ его—внезапная и полная гибель, пр. полной непоколебимости праведника (ст. 25; св. I, 27; Іов. I, 19).

26. Въ этомъ стихѣ высказана, особнякомъ здѣсь стоящая, мысль о вредѣ лѣности (ср. VI, 6 сл. XII, 27; XIX, 24).

27—30. Повторяются не разъ высказанныя мысли о различномъ до противополо-

29. Путь Господень — твердыня для непорочнаго, и страхъ для дѣлающихъ беззаконіе.

30. Праведникъ во вѣки не поколеблется, нечестивые же не проживуть на землѣ.

31. Уста праведника источаютъ мудрость, а языкъ зловредный отсѣчется.

32. Уста праведнаго знаютъ благопріятное, а уста нечестивыхъ — развращенное.

ГЛАВА 11 я.

Невѣрные вѣсы — мерзость предъ Господомъ, но правильный вѣсъ угоденъ Ему.

2. Придетъ гордость, придетъ и посрамленіе; но со смиренными — мудрость. (Праведникъ умирая оставляетъ сожалѣніе; но внезапна и радостна бываетъ погибель нечестивыхъ)

3. Непорочность прямодушныхъ будетъ руководить ихъ, а лукавство коварныхъ погубить ихъ.

4. Не поможетъ богатство въ день гнѣва, правда же спасетъ отъ смерти.

5. Правда непорочнаго уравниваетъ путь его, а нечестивый падетъ отъ нечестія своего.

6. Правда прямодушныхъ спасетъ

ихъ, а беззаконники будутъ уловлены беззаконіемъ своимъ.

7. Со смертью человѣка нечестиваго исчезаетъ надежда, и ожиданіе беззаконныхъ погибаетъ.

8. Праведникъ спасается отъ бѣды, а вмѣсто него попадать въ нее нечестивый.

9. Устами лицемѣръ губить ближняго своего, но праведники прозорливостью спасаются.

10. При благоденствіи праведниковъ веселится городъ, и при погибели нечестивыхъ *бываетъ* торжество.

11. Благословеніемъ праведныхъ возвышается городъ, а устами нечестивыхъ разрушается.

ложности жребіи праведныхъ и нечестивыхъ (ср. III, 2; IX, 11; Сн. Іов. VIII, 13; ис. СХІ, 6).

31—32. Объ устахъ праведнаго и нечестиваго и плодахъ ихъ.

XI.

1—11. О значеніи справедливости въ отношеніи ближнихъ и о пагубности несправедливости.—12—15. Противъ болтливости, пристрастія къ клеветѣ, неразумія въ совѣтахъ и легкомысленныхъ нѣручательствъ.—16—23. Различное поведеніе и противоположные плоды праведнаго и нечестиваго.—24—26. Противъ скупости и неосстрадательности.—27—31. Прочны лишь плоды благочестія.

1—11. Предостереженіе отъ примѣненія неправильныхъ вѣсовъ и увѣщаніе къ добросовѣстности въ этомъ отношеніи (ст. 1, сн. XX, 10), составляетъ повтореніе постановленія закона (Втор. XXV, 13—16; сн. Толков. Библи. т. I, стр. 647); верѣдкое повтореніе этого правила требовалось частыми случаями его нарушенія особенно въ торговлѣ (Сир. XXVI, 27). Премудрый подтверждаетъ наставленіе свое мыслію о Всевъдущемъ и Всеправедномъ Богѣ. О пагубности гордости (ст. 2) Премудрый говоритъ неоднократно (см. XVI, 18; XVIII, 12), равно какъ и о благи противоположной добродѣтели—смиренія (сн. III, 34), которое, по контексту даннаго мѣста (ст. 2), есть вмѣстѣ

12. Скудоумный высказывает презрѣніе къ ближнему своему; но разумный человѣкъ молчитъ.

13. Кто ходитъ переносчикомъ, тотъ открываетъ тайну; но вѣрный человѣкъ таитъ дѣло.

14. При недостаткѣ попеченія падаетъ народъ, а при многихъ совѣтникахъ благоденствуетъ.

15. Зло причиняетъ себѣ, кто ручается за посторонняго; а кто ненавидитъ ручательство, тотъ безо-

мъ мудрость и прославленіе. LXX дѣлаютъ здѣсь прибавку, — по-славянски: умирая праведникъ остави раскаяніе, удобна же бываетъ и посмѣтельная нечестивыхъ пагуба, — выражающую ту мысль, что противоположное нравственное настроеніе праведнаго и нечестиваго при жизни сопровождается или имѣетъ слѣдствіемъ различный до противоположности характеръ самой смерти и посмертной памяти того и другого. Ст. 3 продолжаетъ мысль ст. 2 о превосходствѣ прямодушія праведности предъ коварствомъ злобы — даже для одного вѣшняго благополучія человѣка. Ст. 4 усиливаетъ мысль ст. 2 гл. X-ой: не только богатство, собранное неправыми путями и средствами (X, 2), но и вообще всякое богатство не принесетъ пользы нечестивому, спасеніе заключается лишь въ правдѣ, праведности, — спасеніе именно „въ день гнѣва“, т. е. Божественнаго гнѣва и суда Божія (ср. Лев. VII, 19; Соф. I, 18; Сир. V, 10). Ст. 5—6 совершенно параллельны какъ между собою, такъ и со ст. 3 (ср. также X, 3; Прем. V, 15), выражая противоположность жизненнаго жребія праведнаго и нечестиваго, соответствующую противоположной нравственной настроенности того и другого. Изъ особенностей духовнаго настроенія праведнаго и нечестиваго объясняется, по ст. 7—8, противоположная судьба того и другого, какъ при жизни, такъ и по смерти: праведникъ, выше всего дѣяній благо общенія съ Богомъ, переходя въ загробную жизнь, въ этомъ самомъ убѣжденіи своемъ имѣетъ крѣпкую и благою надежду на милосердіе Господа (ср. X, 28); напротивъ, нечестивый, при жизни всею душою преданный земнымъ благамъ и пренебрегавшій благомъ общенія съ Богомъ, умирая, лишается благъ земныхъ, къ которымъ страстно былъ привязанъ душою (ср. XLVIII, 18), уразумѣваетъ, наконецъ, истинную цѣну благъ духовныхъ, и въ этомъ поздіемъ сознанія — заключается для него источникъ новыхъ мученій. Прижизненное спасеніе праведника отъ скорби, которая вмѣсто него постигнетъ нечестиваго (ст. 8), — примѣры чего бывали въ библейской исторіи (по книгѣ Есѣяръ, гибель, ожидавшая Иудеевъ и Мардохея, въ дѣйствительности постигла язычниковъ и Амана гл. VII—IX; по кн. пр. Давида, нечестивые клеветники этого пророка погибли вмѣсто него, Дан. VI, 25), — естественнаго скорѣе благочестивое теократическое вѣрованіе избраннаго народа Божія (ср. Ис. XLIII, 3), чѣмъ фактъ опыта, который (опытъ) всегда даетъ гораздо болѣе примѣровъ противоположнаго свойства. На почвѣ этого вѣрованія могло создаваться убѣжденіе, что общественное мнѣніе всегда сорадуется счастію праведника и радуется гибели нечестиваго (ст. 10—11, ср. Есѣ. VIII, 15; III, 15), хотя дѣйствительность, конечно, предоставляетъ немало явленій в обратныхъ тому. Во всякомъ случаѣ присутствіе въ городѣ людей праведныхъ есть залогъ благополучія и общества (ср. Быт. XVIII, 24 сл.).

12—15. Слѣдуетъ рядъ изреченій разнороднаго содержанія, частію въ отношеніи къ личной нравственной жизни человѣка, (ст. 12—13) частію въ связи съ общественными (ст. 15) и государственными (ст. 14) отношеніями. Именно, осуждается какъ горделивое, презрительное отношеніе къ ближнему, обыкновенно служащее призывомъ глупости гордаго (ст. 12а ср. XIV, 21), такъ и легкомысленное отношеніе къ чести и добродушию имени ближняго, выражающееся въ распространеніи слуховъ и рѣчей, служащихъ къ его опороченію (ст. 13а, ср. Лев. XIX, 16; Іер. IX, 3); похваляется, напротивъ, скромность, молчаливость (12б) и вѣрность въ храненіи вѣренной тайны (13б. Ср. Сир. XIX, 10; XXVII, 16—21). Въ отношеніи народнаго управленія одобряется присутствіе при царѣ многихъ совѣтниковъ (ст. 14, ср. XV, 22; XXIV, 6), разумѣется, если они люди — глубокаго ума и доброй совѣсти. Въ ст. 15 повторяется, данное уже въ Притч. VI, 1 предостереженіе противъ необдуманнаго поручательства, и одобряется житейская осторожность въ этомъ отношеніи.

пасень.

16. Благонравная жена приобрѣтаетъ славу (мужу, а жена. ненавидящая правду, есть верхъ безчестія. Лѣвивицы бывають скудны), а трудолюбивые приобрѣтають богатство.

17. Человѣкъ милосердый благотворитъ душѣ своей, а жестокосердый разрушаетъ плоть свою.

18. Нечестивый дѣлаетъ дѣло ненадежное, а сѣющему правду—награда вѣрная.

19. Праведность *ведетъ* къ жизни, а стремящійся ко злу *стремится* къ смерти своей.

20. Мерзость предъ Господомъ—коварные сердца; но благоугодны Ему непорочные въ пути.

21. Можно поручиться, что порочный не останется ненаказаннымъ; сѣмя же праведныхъ спасется.

22. Чтò золотое кольцо въ носу у свиньи, тò женщина красивая и—безразсудная.

23. Желаніе праведныхъ *есть* одно добро, ожиданіе нечестивыхъ—гнѣвъ.

24. Иный сыплетъ щедро, и *ему* еще прибавляется; а другій сверхъ мѣры бережливъ и однакоже бѣднѣетъ.

25. Благотворительная душа будеть насыщена, и кто напоетъ *другихъ*, тотъ и самъ напоенъ будеть.

26. Кто удерживаетъ у себя хлѣбъ,

16—23. Взаимное соотношеніе двухъ половинъ ст. 16 го по тексту евр.-масор. в Вулг. представляется неяснымъ и можетъ быть понято лучше по тексту LXX (слав. русск. синод.), имѣющему между этими двумя предложеніями два другія, изъ которыхъ первое заключаетъ въ себѣ противоположеніе первой мысли стиха, а другое—второй его половинѣ. Весь стихъ 16 по т. LXX читается такъ: Γυνή εὐχάριστος ἐπέρει ἀνδρὶ δοῦσαν, θρόνος δὲ ἀτιμὰς γυνὴ μισοῦσα δίκαια πλοῦτος ὀκνηροὶ ἐνδεδεῖς γίνονται, οἱ δὲ ἀνδρεῖσι ἐρεδονταὶ πλοῦτορ. Слав. и русск. синод. дословно передаютъ чтеніе LXX, причѣмъ слова, не имѣющіяся въ евр. т., въ русск. заключены въ скобки. Въмѣсто этого антитетического параллелизма Вулгата—ближе къ т. евр.—даетъ параллелизмъ синтетическій или сравнительный: mulier gratioſa inveniet gloriam et robusti habebunt divitiar. Чтеніе LXX-ти ст. 16 заслуживаетъ предпочтенія предъ т. масор. и Вулг. Мысль стиха: блага, даже виѣшнія, приобрѣтаются усиліями человѣка. Въ слѣдующихъ стихахъ (17 и дал.) развивается мысль, что блага жизни достигаются именно нравственными усиліями, богоугодною религіозно-нравственною настроенностью человѣка. Именно, источникомъ благосостоянія человѣка называется прежде всего благотворительность (ст. 17, см. ст. 25), затѣмъ правда (ст. 18—19), благоговѣвая непорочность предъ Богомъ (ст. 20—21). Въмѣстѣ съ тѣмъ противоположные пороки: немилосердіе, коварство, жестокость, нечестіе, являются источникомъ гибели для повинныхъ въ тѣхъ порокахъ людей. Это вообще, столь часто повторяющаяся, въ книгѣ Притчей, мысль о соответствіи земного жребія человѣка его религіозно-нравственному достоинству ср. Гал. VI, 8; 1 Тим. IV, 8. Въ ст. 22, соответствіенно тому, въ образномъ сравненіи высказывается мысль о неспростойности благолѣпія или, общѣе, блага для нравственнаго безобразія, которое отъ присоединенія къ нему изящной обстановки еще нагляднѣе являетъ свое ничтожество (ст. 22-й—примѣръ такъ называемой эмблематической притчи). Ст. 23 представляетъ какъ бы заключительное обобщеніе предыдущихъ мыслей—о противоположности жизненныхъ стремленій и чаяній праведныхъ и нечестивыхъ.

24—26. Высоко цѣня щедрость и благотворительность, Премудрый устраниетъ здѣсь возможное у благотворителей опасеніе раззоренія, обѣятія, — указывая на особое промышленіе Вжгіе о благотворительныхъ, у которыхъ по мѣрѣ большаго развитія щедрости увеличивается благосостояніе (ст. 24—25, см. ис. CXI, 9; 2 Кор. IX, 9); напротивъ излишняя бережливость (ст. 24б), а особенно неумѣренная скупость, соединенная съ жестокимъ равнодушіемъ къ нуждѣ ближняго (26а), не создаютъ благополучія человѣка. Въ ст. 26а имѣется въ виду случай народнаго голода, когда случается, что корыстолюбивый торговецъ нажѣренно задерживаетъ, не пускаетъ въ продажу своихъ запасовъ

того клянеть народъ; а на головѣ продающаго — благословеніе.

27. Кто стремится къ добру, тотъ ищетъ благоволенія; а кто ищетъ зла, къ тому оно и приходитъ.

28. Надѣющийся на богатство свое упадетъ; а праведники, какъ листъ, будутъ зеленѣть.

29. Разстроивающій домъ свой получить въ удѣлъ вѣтеръ, и глупый будетъ рабомъ мудраго сердцемъ.

30. Плодъ праведника — древо жизни, и мудрый привлекаетъ души.

31. Такъ праведнику воздается на землѣ, тѣмъ паче нечестивому и грѣшнику.

ГЛАВА 12-я.

Кто любить наставленіе, тотъ любить знаніе; а кто ненавидитъ обличеніе тотъ невѣжда.

2. Добрый пріобрѣтаетъ благоволеніе отъ Господа, а человекъ коварнаго Онъ осудитъ.

хлѣба, чтобы послѣ имѣть большой барышъ: участь такихъ алчныхъ и немилосердныхъ людей — проклятіе со стороны народа (ср. Сир. V, 4). Въ текстѣ LXX и слав. эта мысль усиливается посредствомъ стоящаго здѣсь въ началѣ ст. 26 добавленія: ὁ συνέχων σίτον ἔπολεμποτο ἀπὸ τῶν τοῖς ἔθνεσι ¹⁾ слав: удержиай пшеницу оставиь ю языкомъ, — т. е. при возможномъ вторженіи въ страну непріятелей алчные хлѣботорговцы, отказывавшіе своимъ соотечественникамъ въ насущномъ хлѣбѣ, сдѣлаются со всеѣмъ имуществомъ своимъ жертвою грабсжа иноплемениныхъ поработителей.

27—28. Мысль ст. 27 съ небольшимъ измѣненіемъ была высказана выше — въ ст. 24 гл. X ой, а — ст. 28-го — въ ст. 2 той же главы. Уподобленіе благосостоянія праведника цвѣтущему дереву (ст. 28) не разъ встрѣчается въ Библии (ис. I, 3; ис. XCI, 13; Ис. LXVI, 14).

29. „Получитъ въ удѣлъ вѣтеръ“ т. е. ляшится (ср. Ис. XXVI, 18; Ос. VIII, 7), расточительный и безумный и, вслѣдствіе бѣдности и раззоренія (Лев. XXV, 39), принужденъ будетъ стать рабомъ болѣе толковаго, что, по мысли Премудраго, въ порядкѣ вещей (XVII, 2).

30—31. Плоды праведности-жизнь съ ея благами (ст. 30, ср. III, 18) убѣждаютъ всякаго въ дѣйствительности нравственнаго міропорядка. Тѣмъ безспорнѣе страшное возмездіе нечестивому (ст. 31). Ст. 31 по чтенію LXX буквально повторяется въ I Петр. IV, 18 въ отношеніи къ христіанскому обществу.

XII.

1—3. О внутренней и внѣшней противоположности добра и зла вообще. 4—11. О счастіи и несчастіи домашней жизни и о причинахъ того и другого. 12—22. О положительныхъ и отрицательныхъ явленіяхъ въ жизни общественной, преимущественно въ связи съ должнымъ или недолжнымъ употребленіемъ языка. 23—28. О мудрости, правдѣ и прилежаніи съ ихъ противоположностями.

1—3. Мысль о томъ, что путь къ мудрости заключается въ наставленіи и тщательномъ вниманіи къ нему (ст. 1), представляетъ повтореніе высказаннаго въ X, 17:

¹⁾ Дальнѣйшихъ словъ: ὁ τιμιούλῳν σίτον δημολάτῃς — въ принятомъ греч. текстѣ нѣтъ, но они имѣются въ кодд. II, 23; 161 у Гольмеса, у св. Вас. Вел. и I. Злат

3. Не утвердить себя человекъ беззаконіемъ; корень же праведниковъ неподвиженъ.

4. Добродѣтельная жена—вѣнецъ для мужа своего, а позорная—какъ гниль въ костяхъ его.

5. Помышленія праведныхъ— правда, а замыслы нечестивыхъ— коварство.

6. Рѣчи нечестивыхъ—заасада для пролитія крови, уста же праведныхъ спасаютъ ихъ.

7. Коснись нечестивыхъ несчастье—и нѣтъ ихъ, а домъ праведныхъ стоитъ.

8. Хвалятъ человекъ по мѣрѣ разума его, а развращенный сердцемъ будетъ въ презрѣніи.

9. Лучше простой, но работающій на себя, нежели выдающій себя за знатнаго, но нуждающійся въ хлѣбѣ.

10. Праведный нечетется и о жизни скота своего, сердце же нечестивыхъ жестоко.

11. Кто воздѣлываетъ землю свою,

тотъ будетъ насыщаться хлѣбомъ; а кто идетъ по слѣдамъ празднолюбцевъ, тотъ скудоумень. (Кто находитъ удовольствіе въ тратѣ времени за виномъ, тотъ въ своемъ домѣ оставитъ безславіе.)

12. Нечестивый желаетъ уловить въ сѣть ала; но корень праведныхъ твердъ.

13. Нечестивый уловляется грѣхами устъ своихъ: но праведникъ выйдетъ изъ бѣды. (Смотрящій кротко—помилованъ будетъ, а встрѣчающійся въ воротахъ стѣснить другихъ.)

14. Отъ плода устъ своихъ человекъ насыщается добромъ, и воздаяніе человеку—по дѣламъ рукъ его.

15. Путь глупаго прямой въ его глазахъ; но кто слушаетъ совѣта, тотъ мудръ.

16. У глупаго тотчасъ же выкажется гнѣвъ его, а благоразумный скрываетъ оскорбленіе.

а мысль о прочности единой лишь праведности (ст. 3) выражена была равнѣ въ X, 25.

4-11. На первомъ мѣстѣ въ ряду благъ домашней жизни человекъ поставляется доблестная жена, именусмая вѣнецъ мужа своего (4 а)—такъ какъ ея трудъ, прилежаніе, толковость и под. приносятъ мужу богатство, честь и славу (ср. XXXI, 10 слѣд.): напротивъ, неизвѣрно великъ вредъ для мужа отъ злой жены: какъ червь подгачиваетъ дерево, и оно сохнетъ и гибнетъ, такъ и злая жена подгачиваетъ здоровье и благосостояніе мужа и всей семьи (ср. Сир. XXV, 11 и слѣд.). Затѣмъ, послѣ общаго противоположенія благотворности мыслей, намѣреній, словъ и дѣлъ праведниковъ и зловредности всего этого у нечестивыхъ (ст. 5—6) и указанія противоположности вѣшной конечной судьбы и честиваго и праведнаго (ст. 7, ср. X, 25), а также не одинаковаго отношенія общественнаго мнѣнія къ словамъ и рѣчамъ того и другого (ст. 8), похваляется трудолюбіе незнатнаго бѣдняка и осуждается презрѣніе къ труду и бездѣятельность человекъ тщеславнаго своимъ происхожденіемъ (ст. 9), частице, похваляется трудъ земледѣльца и осуждается всякая праздность, приводящая къ разнымъ порокамъ, напр. къ пьянству (ст. 11 по LXX-ти). Къ характеристикѣ праведника принадлежатъ (ст. 10) и те, что онъ оказываетъ милосердіе и къ животнымъ, повинуюсь внушеіямъ естественнаго чувства состраданія и слѣдуя прямымъ предписаніямъ закона (Исх. XX, 10. XXII, 4—5. Лев. XXII, 28. Втор. XXV, 4), предписывавшаго еврею гуманное обращеніе и съ животными.

12—22. Желанія, слова и дѣла нечестиваго и праведнаго существенно различны, различаетъ и плодъ, послѣдствіе ихъ для того и другого: неудача и прямая гибель для нечестиваго, и спасеніе для праведнаго (ст. 12—14, см. XVIII, 7. Пс. LXI, 13).

Затѣмъ противопологаются: самовнѣніе и нетерпѣливость безумнаго и скромность (въ принятіи совѣтовъ отъ ближнихъ) и терпѣливость и осторожность (при полученіи обидъ) мудраго (ст. 15—16), а также правдивость и истинность свидѣтельства мудраго и ложь, коварство и злоба свидѣтельства безумнаго и нечестиваго (ст. 17—22). Будучи само по себѣ зломъ, которое всегда болѣзненно отзывается въ сердцѣ ближняго, какъ-

17. Кто говорить то, что знаетъ, тотъ говорить правду; а у свидѣтеля ложнаго—обманъ.

18. Иной пустословъ уязвляетъ какъ мечемъ, а языкъ мудрыхъ—врачуеъ.

19. Уста правдивыя вѣчно пребываютъ, а лживый языкъ—только на мгновение.

20. Коварство—въ сердцѣ злоумышленниковъ, радость у миротворцевъ.

21. Не приключится праведнику ни какого зла, нечестивые же будутъ преисполнены золь.

22. Мерзость предъ Господомъ—уста лживыя, а говорящiе истину благоугодны Ему.

23. Человѣкъ разсудительный скрываетъ знанiе, а сердце глупыхъ высказываетъ глупость.

24. Рука прилежныхъ будетъ господствовать, а лѣнивая будетъ подъ данью.

25. Тоска на сердцѣ человѣка подавляетъ его, а доброе слово развѣселяетъ его.

26. Праведникъ указываетъ ближнему своему путь, а путь нечестивыхъ вводитъ ихъ въ заблужденiе.

27. Лѣнивый не жаритъ своей дичи; а имущество человѣка прилежнаго многоцѣнно.

28. На пути правды—жизнь, и на стезѣ ея нѣтъ смерти.

ГЛАВА 13-я.

Мудрый сынъ слушаетъ наставленiе отца, а буйный не слушаетъ обличенiя.

2. Отъ плода устъ своихъ человѣкъ вкуситъ добро, душа же законопреступниковъ—зло:

3. Кто хранить уста свои, тотъ бережетъ душу свою; а кто широко раскрываетъ свой ротъ, тому бѣда.

4. Душа лѣниваго желаетъ, но тщетно; а душа прилежныхъ насытится.

бы внося ему рану (ст. 18), свидѣтельство или лжесвидѣтельство нечестиваго и самому ему приносить гибель (ст. 19—20; главное—лишенiе милости Божiей, которая неразлучна съ правыми сердцемъ, словами и дѣлами (ст. 22).

23—28. Похваляются сдержанность въ словѣ, присущая мудрому (ст. 23 а), умѣние его—утѣнить словомъ печальнаго (25 а) и вообще преподаваемое имъ руководство ближнему (ст. 26), прилежанiе и трудолюбiе (24а, 27б.); напротивъ осуждаются противоположные пороки нечестиваго. Общее заключенiе главы: путь правды ведетъ къ истинной жизни и безсмертiю (ст. 28).

XIII.

1—3. Вводныя замѣчанiя о пользѣ для юности слушанiя уроковъ мудрости. 4—12. Правильный взглядъ на значенiе и употребленiе богатства. 13—17. О благѣ слова Божiя. 18—25. Увѣщанiе къ послушанiю слову Божiю.

1—3. Мысль о долгѣ вниманiя юности къ урокамъ мудрости—излюбленная мысль Премудраго (ср. XV, 12). Столь же обычны въ книгѣ Прятчей мысли о цѣнности дара слова и объ отвѣтственности за злоупотребленiе этимъ даромъ (ст. 2—3, Св. XII, 14. XVIII, 21).

4—12. Блага жизни бываютъ двойки: духовныя, религиозна-нравственныя и матеріальныя, часто связанныя одна съ другими; соотвѣтственно съ этимъ въ данномъ

5. Праведникъ ненавидитъ ложное слово, а нечестивый срамить и безчестить себя.

6. Правда хранить непорочнаго въ пути, а нечестіе губить грѣшника.

7. Иной выдаетъ себя за богатаго, а у него ничего нѣтъ; другой выдаетъ себя за бѣднаго, а у него богатства много.

8. Богатствомъ своимъ человекъ выкупаетъ жизнь свою, а бѣдный и угрозы не слышитъ.

9. Свѣтъ праведныхъ весело горитъ, свѣтильникъ же нечестивыхъ угасаетъ. (Души коварныя блуждаютъ въ грѣхахъ, а праведники страдаютъ и милуютъ.)

10. Отъ высокомерія происходитъ раздоръ, а у совѣтующихся—мудрость.

11. Богатство отъ суетности истощается, а собирающій трудами умножаетъ его.

12. Надежда, долго не сбывающаяся, томитъ сердце, а исполнившееся желаніе—какъ древо жизни.

13. Кто пренебрегаетъ словомъ, тотъ причиняетъ вредъ себѣ; а кто боится заповѣди, тому воздается.

14. (У сына лукаваго ничего нѣтъ добраго, а у разумнаго раба дѣла благоуспѣшны, и путь его прямой.)

15. Ученіе мудраго—источникъ

жизни, удаляющій отъ сѣтей смерти.

16. Добрый разумъ доставляетъ пріятность, путь же беззаконныхъ жестокъ.

17. Всякій благоразумный дѣйствуетъ со знаніемъ, а глупый выставляетъ на показъ глупость.

18. Худый посолъ попадаетъ въ бѣду, а вѣрный посланникъ—спасеніе.

19. Нищета и посрамленіе отвергающему ученіе; а кто соблюдаетъ наставленіе—будетъ въ чести.

20. Желаніе исполнившееся—пріятно для души; но несносно для глупыхъ—уклоняться отъ зла.

21. Обращающійся съ мудрыми будетъ мудръ; а кто дружится съ глупыми—развратится.

22. Грѣшниковъ преслѣдуетъ зло, а праведникамъ воздается добромъ.

23. Добрый оставляетъ наслѣдство и внукамъ, а богатство грѣшника сберегается для праведнаго.

24. Много хлѣба бываетъ и на нивѣ бѣдныхъ; но нѣкоторые гибнутъ отъ беспорядка.

25. Кто жалѣетъ розги своей, тотъ ненавидитъ сына; а кто любитъ, тотъ съ дѣтства наказываетъ его.

26. Праведникъ ѣстъ до сытости, а чрево беззаконныхъ терпитъ лишеніе.

отдѣлѣ совѣстно и попеременно говорится то о наблюденіяхъ надъ внѣшнею жизнью людей (ст. 7—8) и о житейскихъ требованіяхъ матеріальнаго благополучія, какъ то: объ отвращеніи отъ лѣности и о прилежаніи (ст. 4), о бережливости (ст. 11) о силѣ и опасности богатства (ст. 8),—то излагаются собственно истинныя правоученія, какъ: о благопорядкѣ и славѣ праведности (5—6, 9, 12). Въ ст. 9 по тексту LXX иѣется (не во всѣхъ кодексахъ) добавленіе: ψυχαὶ δόλοισι πλανῶνται ἐν ἀμαρτίαις, δίκασι δὲ σιγήροισι καὶ ἐλεοσί, слав: душа льстивыя заблуждаютъ во грѣсѣхъ, праведніи же щедрятъ и милуютъ (въ русск. синод. перев. эти слова заключены въ скобки). Слова эти, не имѣя непосредственной связи съ предыдущими словами ст. 9, однако согласуются съ общимъ моральнымъ оттѣнкомъ даннаго отдѣла.

13—17. Здѣсь нѣсколько подробнѣе раскрываются мысли о пользѣ или спасительности истинной мудрости, внимающей урокамъ слова Божія, и о вредѣ пренебреженія имъ (ср. I, 24, X, 11 и др.).

19—26. Предлагается рядъ разнообразныхъ по содержанию сужденій, объединяющихся лишь общимъ отношеніемъ къ мудрости и ея значенію въ житейскомъ обиходѣ. Такъ говорится о противоположныхъ послѣдствіяхъ—вниманія и невниманія къ ученію мудрости (ст. 19—20 евр. 18—19), о вліяніи на человека со стороны того общества, въ которомъ онъ обращается, (ст. 21, евр. 20), о личномъ и въ потусторонней счастіи праведника и несчастія—грѣшника (ст. 22—23, евр. 21—22), о жизненномъ доволь-

ГЛАВА 14-я.

1. Мудрая жена устроить домъ свой а, глупая разрушить его своими руками.

2. Идущій прямымъ путемъ боится Господа; но чьи пути кривы, тотъ небрежетъ о Немъ.

3. Въ устахъ глупаго — бичъ гордости; уста же мудрыхъ охраняютъ ихъ.

4. Гдѣ нѣтъ воловъ, тамъ ясли пусты; а много прибыли — отъ силы воловъ.

5. Вѣрный свидѣтель не лжетъ, а свидѣтель ложный наговоритъ много лжи.

6. Распутный ищетъ мудрости, и не находитъ; а для разумнаго знаніе легко.

7. Отойди отъ человѣка глупаго, у котораго ты не замѣчаешь разумныхъ устъ.

8. Мудрость разумнаго — знаніе пути своего, глупость же безразсудныхъ — заблужденіе.

9. Глупые смѣются надъ грѣхомъ, а посреди праведныхъ — благоволеніе.

10. Сердце знаетъ горе души своей, и въ радость его не вмѣшается чужій.

11. Домъ беззаконныхъ разорится, а жилище праведныхъ процвѣтеть.

12. Есть пути, которые кажутся человѣку прямыми; но конецъ ихъ — путь къ смерти.

ствѣ перваго и недостаткахъ втораго (ст. 24, 26, евр. 23—25); здѣсь же (ст. 25, евр. 24), какъ и ниже (XXIII, 13), дѣлается замѣчаніе о необходимости примѣненія въ дѣлѣ воспитанія мѣръ физическаго воздѣйствія.

XIV.

1—7. О мудрости и глупости вообще. 8—19. Больше частное изображеніе мудрыхъ и глупыхъ, главнымъ образомъ со стороны различія ихъ жизненнаго жребія. 20—27. О богатствѣ и бѣдности въ ихъ причинной связи съ мудростью. 28—35. Параллельное изображеніе мудрыхъ и глупыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, наконецъ господь и слугъ

1—7. Конкретнымъ проявленіемъ мудрости является мудрая, созидающая домъ жена, а такпкъ же проявленіемъ глупости — безумная жена, разстраивающая свой домъ и все его благосостояніе собственными руками (ст. 1, см. XII, 4). Далѣе противопоставляются — страхъ Божій, ведущій человѣка прямыми путями, и дерзкое пренебреженіе памятью о Богѣ, соединяющееся съ хожденіемъ кривыми путями (ст. 2), — высокомеріе рѣчи безумныхъ и скромность рѣчи мудрыхъ (ст. 3. Ср. XII, 6), — свидѣтеля истинный и ложный (ст. 5, см. Исх. XXIII, 1. Притч. XII, 17), недоступность мудрости людямъ, лишеннымъ страха Божія, и полная доступность ея для исполненныхъ страха Божія и чистыхъ сердець (ст. 6), почему и дается совѣтъ устраивать отъ глупаго, у котораго нечему научиться (ст. 7). Видъ видимой связи съ общою мыслью разсматриваемаго отдѣла стоять хозяйственная замѣтка ст. 4, являющаяся, повидимому, цѣль научить человѣка — не переоцѣнивая значенія богатства (ср. X, 15. XIII, 8), сообразовать попытки умноженія имущества съ распространеніемъ орудій производства и вообще жизненныхъ средствъ.

8—19. Здѣсь безраздѣльно и безъ строгаго различенія излагаются внутреннія и внѣшнія свойства и отношенія мудрыхъ — благочестивыхъ и глупыхъ — нечестивыхъ. Противопоставляются — вѣдѣніе мудрыхъ пути своего и блужданіе безумнаго на жизненномъ пути (ст. 8), кощунственное отношеніе послѣдняго къ идеѣ грѣха и искупительной жертвы и благоволенія во всѣхъ дѣятельныхъ этого рода у праведника (ст. 9), качество пути

13. И при смѣхѣ *иногда* болить сердце, и концемъ радости бываетъ печаль.

14. Человѣкъ съ развращеннымъ сердцемъ насытится отъ путей своихъ, и добрый—отъ своихъ.

15. Глупый вѣритъ всякому слову, благоразумный же внимателенъ къ путямъ своимъ.

16. Мудрый боится и удаляется отъ зла, а глупый раздражителенъ и самонадѣянъ.

17. Вспыльчивый можетъ сдѣлать глупость; но человѣкъ, умышленно дѣлающій зло, ненавистенъ.

18. Невѣжды получаютъ въ удѣлъ себѣ глупость, а благоразумные увѣнчаются знаніемъ.

19. Преклонятся злые предъ добрыми, и нечестивые—у воротъ праведника.

20. Бѣдный ненавидимъ бываетъ даже близкими своими, а у богатаго много друзей.

21. Кто презираетъ ближняго своего, тотъ грѣшитъ; а кто милосердъ къ бѣднымъ, тотъ блаженъ.

22. Не заблуждаютъ ли умышляющіе зло? (не знаютъ милости и вѣрности дѣлающіе зло;) но милость и вѣрность у благомыслящихъ.

23. Отъ всякаго труда есть прибыль, а отъ пустословія только ущербъ.

24. Вѣнецъ мудрыхъ—богатство ихъ, а глупость невѣждъ глупость *и есть*.

25. Вѣрный свидѣтель спасаетъ души, а лживый наговоритъ много лжи.

26. Въ страхѣ предъ Господомъ—надежда твердая, и сынамъ Своимъ Онъ—прибѣжище.

27. Страхъ Господень—источникъ жизни, удаляющій отъ сѣтей смерти.

28. Во множествѣ народа—величіе царя, а при малолудствѣ народа—бѣда государю.

29. У терпѣливаго человѣка много разума, а раздражительный выказываетъ глупость.

30. Кроткое сердце—жизнь для тѣла, а зависть—гниль для костей.

31. Кто тѣснитъ бѣднаго, тотъ хулитъ Творца его; чтущій же Его благоворитъ нуждающемуся.

32. За зло свое нечестивый будетъ отвергнутъ, а праведный и при смерти своей имѣетъ надежду.

33. Мудрость почиетъ въ сердца разумнаго, и среди глухихъ даетъ знать о себѣ.

34. Праведность возвышаетъ народъ, а беззаконіе—безчестіе народовъ.

35. Благоволеніе царя—къ рабу разумному, а гнѣвъ его—противъ того, кто позоритъ его.

праведныхъ и нечестивыхъ и конечная судьба тѣхъ и другихъ (ст. 11—12. 14—19). Попутно вставляются замѣчанія: 1) о недоступности внутренняго міра человѣка, его радостей и горя, стороннему свидѣтелю или наблюдателю (ст. 10) и 2), безотрадное, почти песимистическое наблюденіе, что всякая радость, счастье таитъ въ себѣ зародышъ печали, несчастья (ст. 13).

20—27. Изъ двухъ стиховъ—20 и 21, въ первомъ указывается частое, хотя и не нормальное съ нравственной точки зрѣнія, явленіе—дружба лишь по видамъ корысти,—а во второмъ проводится моральное воззрѣніе на этотъ инстинктъ. Далѣе слѣдуютъ сентенціи: о гибельности злоумышленія противъ ближняго и о благотворности доброжелательства (ст. 22), о пользѣ труда и о вредѣ праздносія (ст. 23), о богатствѣ, какъ удѣлѣ мудрыхъ, и скудости, постигающей безумнаго (ст. 24), о спасительности истиннаго свидѣтельства и пагубности лжесвидѣтельства (ст. 25); наконецъ, въ связи съ послѣднимъ, а вмѣстѣ съ содержаніемъ цѣлаго отдѣла, говорится о страхѣ Божьемъ, какъ источникѣ всякаго блага жизни и самой жизни (ст. 26—27).

28—35. Содержаніе отдѣла отчасти затрогиваетъ область государственной жизни; указывается благо царя въ многочисленности подданныхъ его и несчастье—въ малочисленности ихъ (ст. 28); опредѣляется основной законъ возвышенія и униженія народовъ—правда (ст. 34); царь представляется идеальной сязкою, какъ-бы совѣстью народа, по справедливости награждающею благія дѣянія и карающею нечестіе (ст. 35). Съ

ГЛАВА 15-я.

1. (Гнѣвъ губить и разумныхъ) Кроткій отвѣтъ отвращаетъ гнѣвъ, а оскорбительное слово возбуждаетъ ярость.

2. Языкъ мудрыхъ сообщаетъ добрыя знанія, а уста глупыхъ изрыгаютъ глупость.

3. На всякомъ мѣстѣ очи Господни: они видятъ злыхъ и добрыхъ.

4. Кроткій языкъ—древо жизни, но необузданный—сокрушеніе духа.

5. Глупый пренебрегаетъ наставленіемъ отца своего; а кто внимааетъ обличеніямъ, тотъ благоразуменъ; (въ обилии правды великая сила, а нечестивые искоренятся изъ земли.)

6. Въ домѣ праведника—обиліе сокровищъ, а въ прибыткѣ нечестиваго—разстройство.

7. Уста мудрыхъ распространяютъ знаніе, а сердце глупыхъ—не такъ.

8. Жертва нечестивыхъ—мерзость предъ Господомъ, а молитва правед-

ныхъ благоугодна Ему.

9. Мерзость предъ Господомъ—путь нечестиваго, а идущаго путемъ правды Онъ любить.

10. Злое наказаніе—уклоняющемся отъ пути, и ненавидящій обличеніе погибнетъ.

11. Происподняя и Авaddonъ открыты предъ Господомъ, тѣмъ болѣе—сердца сыновъ человѣческихъ.

12. Не любить распутный обличающихъ его, и къ мудрымъ не поидеть.

13. Веселое сердце дѣлаетъ лице веселымъ, а при сердечной скорби духъ унываетъ.

14. Сердце разумнаго ищетъ знанія, уста же глупыхъ питаются глупостью

15. Всѣ дни несчастнаго печальны; а у кого сердце весело, у того всегда пирь.

другой стороны и главнымъ образомъ отгвѣяется значеніе и благо личной добродѣтели, и зло ея противоположности—нечестія,—такъ противопоставляются: долготерпѣніе и раздраженіе (ст. 29), кротость и зависть (ст. 30), конечная гибель нечестиваго и надежда на спасеніе у человѣка благочестиваго (ст. 32). Высокое значеніе принается въ особенности за дѣлами милости, при чемъ высказывается мысль, со всею ясностью повторяемая въ Евангеліи (Мѡ. XXV, 36), что милосердіе или немилосердіе человѣка къ ближнему Богъ благоволитъ принимать и вѣнчать Себѣ Самому (ст. 31, см. XVII, 5).

XV.

1—7. Противъ грѣховъ слова.—8—15. Богъ отвращается и ненавидитъ всякое злое сердце.—16—33. Съ точки зрѣнія истинной мудрости говорится о различныхъ добродѣтеляхъ и порокахъ, преимущественно въ религіозной жизни.

1—7. Предлагается наставленіе о кротости и осторожности въ словѣ (ст. 1, 4), а видѣтъ дается предостереженіе противъ гнѣва и безумной злобы (ст. 1—2), причѣмъ то и другое обосновывается указаніемъ на всевѣдѣніе Божіе, отъ котораго не можеть укрыться ни добро, ни зло (ст. 3), а затѣмъ развивается общая мысль о благотворности мудрости и вредѣ безумія (ст. 5—7).

8—15. Въ ст. 8—9 высказывается весьма часто повторяемая священными писателями мысль о томъ, что необходимымъ условіемъ богоугодности жертвы, молитвы и всего внѣшняго богопочтенія является чистое нравственное настроеніе и искреннее расположеніе человѣка, что, напротивъ, при отсутствіи эгихъ условій, жертвы и молитвы отвратительны предъ Богомъ (Притч. XXI, 27. Ис. I, 11. LXVI, 3. Іерем. VI, 20. Ос. V, 6. VIII, 13. Ам. V, 21—22 и др.). Богъ любитъ только ищущаго правды,

16. Лучше небольшое при страхъ Господнемъ, нежели большое сокровище, и при немъ тревога.

17. Лучше блюдо зелени, и при немъ любовь, нежели откормленный быкъ, и при немъ ненависть.

18. Вспыльчивый человекъ возбуждаетъ раздоръ, а терпѣливый утишаетъ распрю.

19. Путь лѣниваго—какъ терновый плетень, а путь праведныхъ—гладкій.

20. Мудрый сынъ радуется отцу, а глупый человекъ пренебрегаетъ мать свою.

21. Глупость—радость для маломыаго, а человекъ разумный идетъ прямою дорогою.

22. Безъ совѣта—предпріятія разстроятся, а при множествѣ совѣтниковъ они состоятся.

23. Радость человекъ въ отвѣтъ устъ его, и какъ хорошо слово въ время!

24. Путь жизни мудраго вверхъ, чтобы уклониться отъ преисподней внизю.

25. Домъ надменныхъ разоритъ

Господь, а между вдовы укрѣпить.

26. Мерзость предъ Господомъ—помышленія злыхъ, слова же непорочныхъ угодны Ему.

27. Корыстолюбивый разстроитъ домъ свой, а ненавидящій подарки—будетъ жить.

28. Сердце праведнаго обдумываетъ отвѣтъ, а уста нечестивыхъ изрыгаютъ зло. (Пріяты предъ Господомъ пути праведныхъ; чрезъ нихъ и враги дѣлаются друзьями.)

29. Далекъ Господь отъ нечестивыхъ, а молитву праведниковъ слышать.

30. Свѣтлый взглядъ радуется сердцу, добрая вѣсть утучняетъ кости.

31. Ухо, внимательное къ ученію жизни, пребываетъ между мудрыми.

32. Отвергающій наставленіе не радѣетъ о своей душѣ; а кто внимаетъ обличенію, тотъ приобретаетъ разумъ.

33. Страхъ Господень научаетъ мудрости, и славѣ предшествуетъ смиренію.

нечестивцевъ же и презрителей мудрости отвращается, и ихъ постигаетъ гибель (ст. 9—10). Для предупрежденія злыхъ дѣлъ и даже нечистыхъ помышленій, человекъ надо всегда помнить о всевѣдѣніи Божию, предъ которымъ открыты недоступныя человѣческому глазу области: преисподняя, адъ, евр. *шеол*, и гибель, евр. *Аваддон* (ст. 11), т. е. область гибели и смерти (сн. Притч. XXVII, 20. Іов. XXVI, 6. XXVIII, 22); въ Апокалипсисѣ именованъ Аваддона, по-гречески Аполліона (т. е. губителя) названъ ангель—царь бездны (Апок. XI, 9). Тамъ болѣе открыты всевѣдѣнію Божию все тайны человѣческаго сердца (ср. пс. CXXXVIII). Далѣе указано нѣсколько нравственно-психологическихъ чертъ характеристики мудраго и нечестиваго (ст. 13—15).

16—33. Указывается на превосходство нравственныхъ благъ мира и любви предъ матеріальнымъ довольствомъ, соединяемымъ съ отсутствіемъ страха Божія и съ ненавистью къ бляжнямъ (ст. 16—17, сн. пс. XXXVI, 16); въ связи съ послѣднимъ осуждается сварливость и восхваляется миролюбіе (ст. 18, сн. XXVI, 21), а также показывается вредъ праздности и польза трудолюбія и мужества (ст. 19). Далѣе приводятся не разъ повторяемая мысль о томъ, что дѣти, мудрая или неразумная—источникъ радости или огорченія для своихъ родителей (ст. 20, сн. X, 1. XVII, 25), указывается различіе, съ точки зрѣнія пѣлесообразности, путей мудраго и нечестиваго (ст. 21), и отбѣняется благотворность совѣта многихъ мудрыхъ людей (ст. 22, сн. XI, 14) и сила обдуманнаго слова (ст. 23). Затѣмъ поведеніе истиннаго мудреца освѣщается высшимъ свѣтомъ въры въ загробную жизнь (ст. 24, сн. XI, 7. XIV, 32), а въ самой жизни его различаются: черты внутренней его настроенности (мысли и слова, ст. 26, неподкупность, ст. 27, молитва, ст. 29, внимательность къ урокамъ мудрости, ст. 32—32, особенно же страхъ Божій, ст. 33) и вѣшняго жизненнаго жребія, противоположнаго судьбѣ нечестивыхъ (ст. 25, 27, 30).

ГЛАВА 16-я.

1. Человѣку <i>принадлежатъ</i> положенія сердца, но отъ Господа отвѣтъ языка. 2. Всѣ пути человѣка чисты въ его глазахъ, но Господь взвѣшиваетъ души. 3. Предай Господу дѣла твои, и предпріятія твои совершатся. 4. Все сдѣлалъ Господь ради Себя, и даже нечестиваго <i>блюдетъ</i> на день бѣдствія. 5. Мераость предъ Господомъ всякій надменный сердцемъ: можно поручиться, что онъ не останется ненаказаннымъ. (Начало добраго пути—дѣлать правду; это угодно предъ Богомъ, нежели приносить жертвы. Ищущій Господа найдетъ	знаніе съ правдою; истинно ищущіе Его найдутъ миръ.) 6. Милосердіемъ и правдою очищается грѣхъ, и страхъ Господень отводитъ отъ зла. 7. Когда Господу угодны пути человѣка, Онъ и враговъ его примиряетъ съ нимъ. 8. Лучше немного съ правдою, нежели множество прибытковъ съ неправдою. 9. Сердце человѣка обдумываетъ свой путь, но Господь управляетъ шествіемъ его. 10. Въ устахъ царя—слово вдохновенное; уста его не должны погрѣшать на судъ. 11. Вѣрные вѣсы и вѣсовыя ча-

XVI.

1—3. О Богѣ, какъ Владыкѣ всѣхъ жизненныхъ путей человѣка.—4—9. О премудромъ и праведномъ воздаяніи Божию за дѣла человѣческія, добрыя и злыя.—10—15. О царяхъ, какъ посредникахъ или орудіяхъ міроуправленія Божія.—16—26. Правда Божія—въ отношеніи къ мудрымъ и глупымъ.—27—33. Неодинаковая судьба праведныхъ и неправедныхъ.

1—3. Въ виду несомнѣннаго факта поразительной зависимости судебъ человѣческихъ отъ Бога (ст. 1, см. Іер. X, 23), а также присутствія только у Бога истинно^н оцѣнки дѣйствительнаго достоинства намѣреній и дѣйствій человѣка (ст. 2), Премудры^н наставляетъ слушателей всецѣлой преданности Промыслу Божию, обѣщая отсюда всякій успѣхъ предпріяній (ст. 3, см. пс. XXI, 9; XXXVI, 5).

4—9. Изъ общаго положенія о томъ, что все сотворенное Богомъ имѣетъ свои дѣли и назначеніе (ст. 4), выводится, съ указаніемъ на гибельность высокомерія (ст. 5), образъ положительнаго благоугожденія человѣка Богу: милосердіе и правда въ отношеніи ближнихъ (ст. 6а), соединенныя съ страхомъ Божиимъ (6б), послѣдствіемъ чего явится миръ, даже примиреніе враждующихъ (ст. 7). Затѣмъ вновь повторяется мысль о томъ, что жизнь и намѣренія человѣка всецѣло завязаны отъ Бога (ст. 9).

10—15. Идетъ рядъ притчей политико-общественнаго содержанія; преимущественно относительно царской власти. Царь здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ книги Притчей (XX, 28; XXI, 1; XXV, 5), представляется идеальной нравственною силою, воплощеніемъ и охранителемъ нравственнаго міропорядка, орудіемъ Божественнаго міроуправленія. Царю прямо усвоается вышеестественная, какъ бы пророческая способность и сила, евр. *qesem*, гр. *ματῆς*, *Vulg. divinatio*, слав. пророчество (ст. 10): какъ ставленникъ и представитель Бога на землѣ, царь теократическій, въ дѣлахъ управленія и суда изрекаетъ безспорныя и выше сомнѣній стоящія рѣшенія (ср. 3 Цар. III, 27¹).

¹) Мидрашъ (5,50) здѣсь справедливо видитъ указаніе на мудрость мудрѣйшаго изъ царей—Соломона.

ши—отъ Господа; отъ Него же всё гири въ сумѣ.

12. Мерзость для царей—дѣло незаконное, потому что правдою утверждается престолъ.

13. Пріятны царю уста правдивыя, и говорящаго истину онъ любить.

14. Царскій гнѣвъ — вѣстникъ смерти; но мудрый человѣкъ умиловитъ его.

15. Въ свѣтломъ взорѣ царя—жизнь, и благоволеніе его—какъ облако съ позднимъ дождемъ.

16. Приобрѣтеніе мудрости гораздо лучше золота, и приобрѣтеніе разума предпочтительнѣе отборнаго серебра.

17. Путь праведныхъ—уклоненіе отъ зла: тотъ бережетъ душу свою, кто хранитъ путь свой.

18. Погибели предшествуетъ гордость, и паденію—надменность.

19. Лучше смиряться духомъ съ кроткими, нежели раздѣлять добычу съ гордыми.

20. Кто ведетъ дѣло разумно, тотъ найдетъ благо, и кто надѣется на Господа, тотъ блаженъ.

21. Мудрый сердцемъ прозвется благоразумнымъ, и сладкая рѣчь прибавитъ къ ученію.

22. Разумъ для имѣющихъ его—источникъ жизни, а ученость глупыхъ—глупость.

23. Сердце мудраго дѣлаетъ языкъ его мудрымъ и умножаетъ знаніе въ устахъ его.

24. Пріятная рѣчь—сотовый медъ: сладка для души и цѣлба для костей.

25. Есть пути, которые кажутся человѣку прямыми, но конецъ ихъ—путь къ смерти.

26. Трудящійся трудится для себя, потому что понуждаетъ его къ тому ротъ его.

27. Человѣкъ лукавый замышляетъ зло, и на устахъ его—какъ бы огонь палящій.

28. Человѣкъ коварный свѣтъ раздоръ, и наушникъ разлучаетъ друзей.

Въ связи съ этимъ замѣчается, что и всё общественныя отношенія (напр. купля и продажа, должны быть проникнуты духомъ честности и справедливости (ст. 11, см. XI, 1). Въ ст. 12—13—въ первомъ съ отрицательной стороны, а во второмъ съ положительной—высказывается мысль о томъ, что царь есть непогрѣшимое мѣрило нравственной правоты, почему для него отвратительно всякое беззаконіе, и онъ благоволяетъ лишь къ дѣлающимъ правду и говорящимъ истину. Соответственно съ тѣмъ, въ ст. 14—15 характеризуется противоположное, то грозно карающее, то благовоительно-милующее отношеніе царя къ являющимъ зла и добра. Выраженіе „царскій гнѣвъ — вѣстникъ смерти“ (ст. 14) ближе всего объясняется нѣзъ обычаямъ деспотическихъ влѣстителей Востока (ср. Евр. VII, 7).

16—26. Высокая оцѣнка мудрости (ст. 16) встрѣчается у Премудраго не разъ (ср. III, 14; VIII, 10—19). Въ ряду отдѣльныхъ проявленій мудрости на первомъ мѣстѣ здѣсь (ст. 17) поставляется праведность, благочестіе, уклоненіе отъ зла; особенно отмѣчается (ст. 18) гибельность гордости, неизбѣжно влекущей за собою паденіе (см. Евр. III, 1), и восхваляется смиреніе и кротость, обезпечивающія человѣку мирное состояніе духа и довольство. Это нравственное счастье обезпечивается частію разумнымъ, обдуманнмъ трудомъ жизни, главнымъ же образомъ твердою надеждою человѣка на Бога: два эти фактора, человѣческой и Божеской, взаимно предполагаютъ другъ друга (ст. 20). Далѣе указывается, что въ дѣлѣ наученія мудрости нѣтъ значенія и сама вѣнчая форма, въ которой преподается ученіе (ст. 21), отмѣчается высокая жизненная полезность мудрости (ст. 22), пріятность и спасительность вмѣстѣ—подобно меду, имѣющему пріятность и приносящему исцѣленіе (ст. 24). Послѣ этого дѣлается предостереженіе отъ самообольщенія (ст. 25) и указывается побужденіе къ физическому труду—въ чувствѣ самосохраненія (ст. 26).

27—33. Въ ст. 27—30 дается характеристика трехъ типовъ злобы: человѣка, злоумышляющаго противъ ближняго (ст. 27), клеветника, возмутителя и раздорника (ст. 28) и притѣснителя, сильника (ст. 29), причѣмъ отмѣчается свойственная имъ

29. Человѣкъ благонамѣренный развращаетъ ближняго своего и ведетъ его на путь недобрый;

30. прищуриваетъ глаза свои, чтобы придумать коварство; закусывая себѣ губы, совершаетъ злодѣйство (онъ—печь злобы).

31. Вънець славы—сѣдина, которая находится на пути правды.

32. Долготерпѣливый лучше храброго, и владѣющій собою *лучше* завоевателя гѣрода.

33. Въ полу бросается жеребей, но все рѣшеніе его—отъ Господа.

ГЛАВА 17 я.

1. Лучше кусокъ сухаго хлѣба, и съ нимъ миръ, нежели домъ, полный заколотога скота, съ раздоромъ.

2. Разумный рабъ господствуетъ надъ безпутнымъ сыномъ и между братьями раздѣлитъ наслѣдство.

3. Плавильня—для серебра, и горнило—для золота, а сердца испытываетъ Господь.

4. Злодѣй внимаетъ устамъ беззаконнымъ, лжець слушается языка пагубнаго.

5. Кто ругается надъ нищимъ, тотъ хулитъ Творца его; кто радуется

несчастію, тотъ не останется ненаказаннымъ (а милосердый помилованъ будетъ).

6. Вънець стариковъ—сыновья сыновей, и слава дѣтей—родители ихъ. (У вѣрнаго цѣлый миръ богатства, а у невѣрнаго—ни обдла.)

7. Неприлична глушному важная рѣчь, тѣмъ паче знатному—уста лживыя.

8. Подарокъ—драгоценный камень въ глазахъ владѣющаго имъ: куда ни обратится онъ—успѣетъ.

9. Прикрывающій проступокъ—ищетъ любви, а кто снова напоми-

нителка (ст. 30, см. VI, 12—13). Въ противоположность ожидающей всѣхъ такихъ гибели, удѣлъ праведныхъ и благочестивыхъ—честная старость и долголѣтіе (ст. 31); высшее благо—правдивое самообладаніе, научиться владѣть собою труднѣе, тѣмъ отличаться храбростью въ битвѣ и брать крѣпости (ст. 32). Въ Мѣшѣ (тр. Авотъ, гл. IV, § 1) на вопросъ: кто силенъ? дается отвѣтъ: тотъ кто осилываетъ свой беперь (т. е. побужденіе ко злу), ибо сказано: „долготерпѣливый лучше храброго, а владѣющій собою лучше завоевателя (Притч. XVI, 32)“.

Заключительный стихъ (ст. 33), особенно вторая его половина выражаетъ главную мысль всей (XVI) главы.

XVII.

Ст. 1—19. Увѣщаніе къ умѣренности въ пользованіи благами жизни и къ благородному пользованію даромъ слова.—10—20. Увѣщаніе къ миролюбію, предостереженіе отъ высокомерія и склонности къ спорамъ. 21—28. Притчи разнаго содержанія, предостереженіе противъ болтливости.

1—9. Благо мира несравнимо ни съ какими матеріальными благами: при мирѣ въ домѣ кусокъ сухаго хлѣба, безъ вина и мяса, даже безъ укуса (Рув. II, 14) и воды (1 Цар. XXV, 11) пріятнѣе обильныхъ, роскошныхъ яствъ въ домахъ полныхъ несогласій и раздора (ст. 1). И благо мудрости, теоретической и практической, не привязано къ вѣшнему положенію человѣка: даже рабъ—при всемъ приближенномъ своемъ поло-

наеть о немъ, тотъ удаляетъ друга.

10. На разумаго сильнѣе дѣйствуетъ выговоръ, нежели на глупаго сто ударовъ.

11. Возмутитель ищетъ только зла: поэтому жестокой ангелъ будетъ посланъ противъ него.

12. Лучше встрѣтить человѣку медвѣдицу, лишешнюю дѣтей, нежели глупца съ его глупостью.

13. Кто за добро воздастъ зломъ, отъ дома того не отойдетъ зло.

14. Начало ссоры—какъ прорывъ воды: оставь ссору прежде, нежели разгорѣлась она.

15. Оправдывающій нечестиваго и обвиняющій праведнаго—оба мерзость предъ Господомъ.

16. Къ чему сокровище въ рукахъ глупца? Для приобрѣтенія мудрости у него нѣтъ разума. (Кто высокими дѣлаетъ свой домъ, тотъ ищетъ разбиться; а уклоняющійся отъ ученія впадетъ въ бѣды.)

17. Другъ любить во всякое время и, какъ братъ, явится во время несчастія.

18. Человѣкъ малоумный даетъ руку и ручается за ближняго своего.

19. Кто любитъ ссоры—любитъ грѣхъ, и кто высоко поднимаетъ ворота свои, тотъ ищетъ паденія.

20. Коварное сердце не найдетъ добра, и лукавый языкъ попадетъ въ бѣду.

женіи его и въ древнееврейской семьѣ—своею разсудительностью могъ достигнуть исключительно высокаго положенія—даже преобладанія, съ вѣдома отца семьи, надъ родными его дѣтьми (ст. 2). Подобно тому, какъ достоинство драгоценныхъ металловъ открывается въ огнѣ, такъ и избранныя души ввергаются Господомъ въ огонь испытаній, дающихъ имъ возможность очиститься отъ грѣховъ и проявить безворыстную любовь свою къ Богу (ст. 3). Напротивъ, человѣку съ нравственно испорченнымъ сердцемъ свойственно лишь вимать всякой клеветѣ и лжи, пагубной для ближняго, тогда какъ нравственно безупречный человѣкъ отвращается отъ всего подобнаго (ст. 4). Въ первой половинѣ ст. 5 повторяется мысль XIV, 31, во второй—мысль XI, 21 и XVI, 5. Въ ст. 6 выражена, присущая ветхозавѣтнымъ библейскимъ евреямъ, высокая оцѣнка значенія семьи, потомства и вѣтвистаго родословнаго дерева (ср. пс. СХХVII). Въ ст. 7—8 противоположеніе ничтожества глупости—нечестія и высокой цѣнности мудрости—благочестія; послѣднія здѣсь представляются въ видѣ высокой награды или безцѣннаго дара, подаваемого человѣку. По ст. 9, признакомъ истинной мудрости и любви служить желаніе скрыть узаванный грѣхъ ближняго (ср. Притч. X, 12), тогда какъ противоположный образъ дѣйствій еще болѣе разстраиваетъ взаимныя отношенія людей (ср. XVI, 28—29).

10—20. Отличается присутствіе высокаго чувства собственнаго достоинства въ разумномъ, и отсутствіе этого чувства у глупаго, чувствительность его лишь къ физическому воздѣйствію (ст. 10).

Указывается, что всякое возмущеніе противъ законно-дѣйствующей силы вызываетъ возмездіе Божіе возмутителю, напр., въ видѣ посольства карающихъ нечестиваго ангеловъ (ст. 11, ср. пс. XXXIV, 5—6; LXXVII, 49). Образъ ст. 12 для глупаго, нечестиваго и злаго человѣка—медвѣдица, потерявшая дѣтей, слѣд. отчаянно разъяренная,—вспоминаетъ образное изображеніе злой жевы въ книгѣ Сираха (Сир. XXV, 16—22). Въ ст. 13 воспрещается воздавать зломъ за добро подъ угрозою проклятія на домъ виновнаго въ томъ (ср. III, 33). Ст. 14 представляетъ развитіе ссоры подобнымъ прорыву плотины водою. Въ ст. 15—по поводу всегда возможныхъ злоупотребленій на судѣ высказывается категорическое осужденіе оправданія виновнаго и осужденія праваго (ср. Притч. XXIV, 24; Ис. V, 23). Ст. 16 утверждаетъ безполезность богатства въ рукахъ человѣка, лишенаго разума. Въ ст. 17 высказывается добытая опытомъ жизни всего человѣчества истина, у классиковъ выраженная въ изреченіи: *amicus certus in re incerta serpitur*; то же гласитъ и соотвѣтствующая арабская поговорка. Ст. 18 повторяетъ отрицательное сужденіе Премудраго о поручательствѣ, ср. VI, 1—5; XI, 15. Въ ст. 19 сварливость и высокомеріе представляются источникомъ грѣха и осужденія (ср. Сир. XXVIII, 9). Для ст. 20 ср. Притч. VI, 14.

21. Родилъ кто глупаго,—себѣ на горе, и отецъ глупаго не порадуется.
22. Веселое сердце благотворно, какъ врачевство, а унылый духъ сушить кости.
23. Нечестивый беретъ подарокъ изъ пазухи, чтобы извратить пути правосудія.
24. Мудрость—предъ лицомъ у разумаго, а глаза глупца—на концѣ земли.
25. Глупый сынъ—досада отцу своему и огорченіе для матери своей.
26. Нехорошо и обвинять праваго, и бить вельможъ за правду.
27. Разумный воздерженъ въ словахъ своихъ, и благоразумный хладнокровенъ.
28. И глупецъ, когда молчитъ, можетъ показаться мудрымъ, и затворяющій уста свои—благоразумнымъ.

Глава 18-я.

1. Прихоти ищетъ своенравный, возстаеъ противъ всего умнаго.
2. Глупый не любитъ знанія, а только бы выказать свой умъ.
3. Съ приходомъ нечестиваго приходитъ и презрѣніе, съ а безславіемъ—поношеніе.
4. Слова усть человѣческихъ—глубокія воды; источникъ мудрости—струящійся потокъ.
5. Нехорошо быть лицепріятнымъ къ нечестивому, чтобы ниспровергнуть праведнаго на судѣ.
6. Уста глупаго идутъ въ ссору, и слова его вызываютъ побои.
7. Языкъ глупаго—гибель для него, и уста его—сѣть для души его.
8. (Лѣниваго низлагаетъ страхъ, а души женоподобныя будутъ голодать.)

21—26. Группа притчей разнообразнаго содержанія начинается часто повторяемою у Премудраго мыслию о томъ, что дѣти—или источникъ радости или причина великихъ огорченій для родителей (ст. 21, см. X, 1; XV, 26; XXIII, 24). Ст. 22 говоритъ о несомнѣнномъ вліяніи веселаго или подавленнаго настроенія духа человѣка на его тѣло (ср. XV, 13). Ст. 23—о подкупѣ въ судѣ (ср. XXI, 14). Въ ст. 24 противопоставляются другъ другу—сосредоточенное изученіе предмета разумнымъ (ср. IV, 25) и разсѣянное блужданіе глупца по разнообразнымъ отдаленнымъ предметамъ. Ст. 25 см. ст. 21 и X, 1. Ст. 26 осуждаетъ противодѣйствіе злыхъ людей праведнымъ и вельможамъ или властямъ, какъ представителямъ законности.

Ст. 27—28. Похвала умѣренному употребленію дара слова. Ст. 27 напоминаетъ X, 19 (см. Іак. I, 19). Мысль ст. 27 о томъ, что молчаніе—вѣрное средство прослыть мудрымъ, даже и для глупца,—встрѣчается напр. въ Іов. XIII, 5.

XVIII.

1—10. Противъ немирлюбія, страсти къ спорамъ и другихъ проявленій негуманнаго и безразсуднаго настроенія.—11—17. Семь притчей, поучающихъ преимущественно надеждъ на Бога и смиренію, какъ путей, ведущихъ къ истинной мудрости.—18—22. Противъ страсти къ тяжбамъ и злоупотребленій даромъ слова.—23—25. О разныхъ видахъ любви.

1—10. Осуждается эгоистическая замкнутость своенравнаго человѣка, лишашая его возможности услышать и осуществить какой-либо полезный совѣтъ (ст. 1—2), съ

9. Слова наушника—какъ лакомства, и они входятъ во внутренность чрева.

10. Нерадивый въ работѣ своей—братъ расточителю.

11. Имя Господа—крѣпкая башня: убѣгаетъ въ нее праведникъ—и безопасенъ.

12. Имѣніе богатаго—крѣпкій городъ его, и—какъ высокая ограда въ его воображеніи.

13. Передъ паденіемъ возносится сердце человѣка, а смиреніе предшествуетъ славѣ.

14. Кто даетъ отвѣтъ не выслушавъ, тотъ глупъ, и стыдъ ему.

15. Духъ человѣка переноситъ его немощи; а пораженный духъ—кто можетъ подкрѣпить его?

16. Сердце разумнаго приобрѣтаетъ знаніе, и ухо мудрыхъ ищетъ знанія.

17. Подарокъ у человѣка даетъ ему просторъ и до вельможъ доведетъ его.

18. Первый въ тяжбѣ своей правъ, но приходитъ соперникъ его и наслѣдуетъ его.

19. Жеребей прекращаетъ споры и рѣшаетъ между сильными.

20. Озлобившійся братъ *неприступныя* крѣпкаго гóрода, и ссоры подобны запорамъ замка.

21. Отъ плода усть человѣка наполняется чрево его; пронаведеніемъ усть своихъ онъ насыщается.

22. Смерть и жазнь—во власти языка, и любящіе его вкусятъ отъ плодовъ его.

замѣчаніемъ о посрамленіи нечестія вообще (ст. 3). Злѣмъ устачавливается глубокий взглядъ на внутреннюю природу человѣческой рѣчи, преимущественно человѣка мудраго: рѣчь его, прежде произнесенія, слагается въ глубинѣ души его, подобно сокрытой въ вѣдрахъ земли водѣ: глубина и обдуманность содержанія, обиліе цѣнныхъ мыслей и животворность рѣчи мудраго—таковы пункты сравненія ея съ ключевой водою (ст. 4 Сн. XX, 5. Еккл. VII, 24). Изъ отдѣльныхъ сентенцій здѣсь прежде всего осуждается всякое лицепрятіе на судѣ, ст. 5); устранить это зло ставилъ своею цѣлю среди Израіля библейскаго еще Моисей (Лев. XIX, 15. Втор. X, 17). Злѣмъ—прогнѣвъ злоупотреблей даромъ слова, свойственныхъ глупому и безразсудному (ст. 6—7), противъ клеветничества, лѣности, расточительности (8—10).

11—17. Указывается съ одной стороны на непоколебимую твердыню имени Іеговы, какъ несомнѣннаго оплота для надѣющихся на Него (ст. 11), съ другой стороны—на обманчивость, призрачность надеждъ богатаго на помощь богатства (ст. 12); если въ X, 15 говорилось о томъ горделивомъ, приподнятомъ самоимѣніи, какое внушаетъ богачу обладаніе богатствомъ—въ противоположность угнетенному состоянію духа бѣдняка, то здѣсь (ст. 12, евр. 11) говорится о ничтожествѣ надеждъ богача, какъ фактъ опыта (правильно передаетъ русск. перев.—Синод. и Архип. Макарія—евр. *бемаскито*—„въ его воображеніи“). Привытый т. LXX и Vulg. не выдерживаютъ этого значенія). Ст. 13 сн. XVI, 18 и XV, 33. Указываемый въ ст. 14 признакъ глупца—манера отвѣчать, не выслушавъ вопроса,—считался у древнееврейскихъ мудрецовъ весьма типичнымъ для человѣка глупаго и необразованнаго, тогда какъ противоположное свойство признавалось признакомъ ученаго и мудраго (Сир. XI, 8. Мишна, Авотъ, V, 7). По ст. 15 духъ человѣка можетъ быть и источникомъ силы, мужества для всего существа человѣка, но также—при уныніи—источникомъ слабости (по евр. т. въ первой половинѣ стиха *ruach* духъ муж. р. а во второй—женск.). Въ ст. 16 (евр. 15) заключается указаніе на то, что ученіе мудрости, прежде всего самая Тора, преподавалось всегда устно. и отъ степени вниманія ученика зависѣла мѣра наученія его мудрости (ср. XV, 31. Авотъ VI, 5). Ст. 17 отмѣчаетъ типичную черту восточныхъ нравовъ, согласно которымъ безъ подарка нельзя ни представиться высшему лицу, ни выиграть дѣло въ судѣ (ср. XIX, 8).

18—22. Ст. 18 содержатъ, повидяному, совѣтъ судѣ—не обольщаться показаніями одной изъ тяжущихся сторонъ (ср. Авотъ I, 8—9) По ст. 19 въ спорахъ и тяжбахъ, при неимѣніи другого выхода, рѣшающимъ средствомъ былъ жребій (ср. XVI, 33). Смысль ст. 20 (евр. LXX, Vulg—19 ст.) иначе передается евр. т. и русск. (Синод. и

23. Кто нашелъ (добрую) жену, тотъ нашелъ благо и получилъ благодать отъ Господа. (Кто изгоняетъ добрую жену, тотъ изгоняетъ счастье, а содержащій прелюбодѣйку—безумецъ и нечестивъ.)

24. Съ мольбою говорить нищій, а богатый отвѣчаетъ грубо.

25. Кто хочетъ имѣть друзей, тотъ и самъ долженъ быть дружелюбнымъ,—и бываетъ другъ, болѣе привязанный, нежели братъ.

ГЛАВА 19-я.

1. Лучше бѣдный, ходящій въ своей непорочности, нежели (богатый) со лживыми устами, и притомъ глупый.

2. Нехорошо душѣ безъ знанія, и торопливый ногами оступится.

3. Глупость человѣка извращаетъ путь его, а сердце его негодуетъ на Господа.

4. Богатство прибавляетъ много друзей, а бѣдный оставляется и другомъ своимъ.

5. Лжесвидѣтель не останется ненаказаннымъ, и кто говоритъ ложь—не спасется.

6. Многие заискиваютъ у знатныхъ, и всякій—другъ человѣку, дѣлающему подарки.

7. Бѣднаго ненавидятъ всѣ братья его, тѣмъ паче друзья его удаляются отъ него: гонится за ними, чтобы поговорить, но—и этого нѣтъ.

8. Кто приобретаетъ разумъ, тотъ любитъ душу свою; кто наблюдаетъ

Архим. Мака (я)—„братъ, озлобленный („взѣною“ по архим. Макарію), неприступнѣе крѣпкаго града“.... чѣмъ у LXX (ἀδελφός ὑπο ἀδελφοῦ βροηθούμενος, ὡς πολὺς οὐρὰ καὶ βφηλή), въ Vulg. (frater; qui adjuvatur a fratre, quasi civitas firma) и въ слав. „братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ и высокъ“. Хотя образъ укрепленнаго города болѣе обычно означаетъ нѣчто защищающее, дающее надежное прибѣжище ищущимъ его, и потому могъ бы быть принятъ смыслъ, даваемый LXX, Vulg. слав., но контекстъ рѣчи даннаго мѣста—ст. 18—19, ср. вторую половину ст. 20—говоритъ въ пользу евр.-русск. чтенія. Ст. 21 сн. XII, 14. XIII, 2. Ст. 22. О важномъ значеніи языка, то благотворномъ, то гибельномъ (ср. Сир. XXXVIII, 20—22), подобнымъ образомъ, но гораздо подробнѣе говоритъ Апостолъ Іаковъ (Іак. III. 5—9).

23—25. Премудрый говоритъ здѣсь о разныхъ видахъ любви и привязанности, и прежде всего признаетъ великимъ даромъ Божиимъ и счастьемъ для человѣка обладаніе доброю женою (ст. 23, ср. XXXI, 10 сл. Сир. XXVI, 1 сл.); затѣмъ, нѣтъ въ виду отрицательнымъ путемъ выразить долгъ любви и милосердія къ нуждающимся, изображаетъ смиренно молящую фигуру нищаго съ одной стороны и грубую надменность и жестокосердіе богача съ другой (ст. 24, сн. XIV 21. XVII, 5); наконецъ, говоритъ объ идеальной дружеской любви, способной превзойти силу любви братской (ст. 25).

XIX.

1—15. Притчи разнообразнаго содержанія: о богатствѣ и бѣдности, о благоразуміи и глупости, и т. д.—16—29. Притчи, по содержанію своему относящіяся къ благотворительности, воспитанію и проч.

1—15. Ст. 1 почти дословно повторяется въ XXVIII, 6—съ тѣмъ отличіемъ, что въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ во второй половинѣ стиха стоитъ слово „богатый“ *ашир*, а не „глупый“ *кесил*, какъ здѣсь. Контексту рѣчи соотвѣтствуетъ только чтеніе XXVIII,

благоразуміе, тотъ находитъ благо.

9. Лжесвидѣтель не останется не-наказаннымъ, и кто говоритъ ложь — погибнетъ.

10. Не прилична глупцу пышность, тѣмъ паче рабу—господство надъ князьями.

11. Благоразуміе дѣлаетъ чело-вѣка медленнымъ на гнѣвъ, и слава для него—быть снисходительнымъ къ проступкамъ.

12. Гнѣвъ царя—какъ ревъ льва, а благоволеніе его—какъ роса на траву.

13. Глупый сынъ—сокрушеніе для отца своего, и сварливая жена—сточная труба.

14. Домъ и имѣніе—наслѣдство отъ родителей, а разумная жена—отъ Господа.

15. Лѣность погружаетъ въ сонливость, и нерадивая душа будетъ терпѣть голодь.

16. Хранящій заповѣдь хранить душу свою, а нерадящій о путяхъ

своихъ погибнетъ.

17. Благотворящій бѣдному даетъ взаймы Господу, и Онъ воздастъ ему за благодѣяніе его.

18. Наказывай сына своего, до-колѣ есть надежда, и не возму-щайся крикомъ его.

19. Гнѣвливымъ пусть терпитъ на-казаніе, потому что, если пощадишь его, придется тебѣ еще больше на-казывать его.

20. Слушайся совѣта и принимай обличеніе, чтобы сдѣлаться тебѣ вполнѣдствіи мудрымъ.

21. Много замысловъ въ сердцѣ чело-вѣка, но состоится только опре-дѣленное Господомъ.

22. Радость чело-вѣку—благотво-рительность его, и бѣдный чело-вѣкъ лучше, нежели лживый.

23. Страхъ Господень *ведетъ* къ жизни, и *кто имѣетъ его*, всегда будетъ доволенъ, и зло не постиг-нетъ его.

24. Лѣнивымъ опускаетъ руку свою

6, почему и чтеніе даннаго мѣста XIX, 1 должно быть исправлено соотвѣтственно ему какъ и дѣлаютъ LXX, Vulg. слав. 2—3 ст. отгнѣняютъ ту мысль, что благосостояніе возможно для чело-вѣка лишь при благоразуміи и разсудительности. Ст. 4. 6—7 отгнѣ-чаютъ всегда и вездѣ имѣющееся явленіе житейскаго опыта — фактъ всеобщаго прекло-ненія людей предъ богатствомъ и богатыми и пренебреженія къ бѣднымъ (св. XIV, 20). Ст. 5 содержитъ вставочную мысль о преступности лжесвидѣтельства (ср. V, 19; XIV, 5); о томъ же — ст. 9. Ст. 10 имѣетъ въ виду нерѣдкіе, на древнемъ и новомъ во-стокѣ случан мгновеннаго возвышенія раба до положенія властелина; такое явленіе Пре-мудрый осуждаетъ не само по себѣ, но постольку, поскольку рабство физическое легко можетъ соединиться съ рабствомъ духа, въ частности съ глупостью; мысль та, что къ обладанію благами — богатства, власти и под. необходимо должна быть подготовка въ видѣ воспитанія. Ст. 11—15 содержатъ рядъ опытныхъ наблюденій изъ области частной, общественной и политической жизни.

16—29. Во главѣ вѣхъ ирավилъ ставится храненіе заповѣдей закона (Моисеева), въ чемъ, согласно самому законодателю (Втор. XXXI, 15), указывается истинная жизнь, истинное благо и спасеніе для чело-вѣка (ст. 16). Главною же заповѣдью, главною до-бродѣтелью является милосердіе и благотвореніе бѣднымъ, въ которомъ чело-вѣкъ дѣлаетъ какъ бы должникомъ себѣ Самого Бога (ст. 17, ср. пс. XL, 1. Мо. X, 42; XXV, 40). Вторымъ по важности—послѣ милостыни и благотворенія—дѣломъ долга для чело-вѣка служатъ воспитаніе дѣтей (ст. 1, 8—20), о чемъ нерѣдко говоритъ Премудрый и въ другихъ мѣстахъ (XIII, 25; XXIII, 13). Соотвѣтственно духу древности и Ветхаго За-вѣта, въ системѣ воспитанія Премудрымъ допускаются тѣлесныя наказанія, но отъ край-ностей и злоупотребленій въ этомъ отношеніи Онъ предостерегаетъ родителей (ст. 18)—подобнымъ же образомъ дѣлаетъ это и Апостоль (Еф. VI, 4); тѣмъ настойчивѣе увѣ-щаніе къ дѣтямъ—воспитанникамъ (ст. 20). Ст. 21 обращаетъ мысль чело-вѣка, стре-мящагося къ благоустроенію своей жизни всѣми мѣрами и средствами, къ единому Вла-дыкѣ міра и жизни—Богу: чело-вѣческимъ планамъ, самымъ продуманнымъ, свойственна измѣчивость, неустойчивость; непреложно, неизмѣнно лишь вѣдніе Божіе (ср. Чис.

въ чашу и не хочетъ донести ее до рта своего.

25. Если ты накажешь кощунника, то и простой сдѣлается благо-разумнымъ; и если обличишь разумнаго, то онъ пойметъ наставленіе.

26. Разоряющій отца и выгоняющій мать—сынъ срамный и безчестный.

27. Перестань, сынъ мой, слушать внушенія объ уклоненіи отъ изрѣченной разума.

28. Лукавый свидѣтель издѣвается надъ судомъ, и уста беззаконныхъ глотаютъ неправду.

29. Готовы для кощунствующихъ суды, и побой—на тѣло глурыхъ.

Г Л А В А 20-я.

1. Вино — глумливо, сикера — буйна; и всякій, увлекающійся ими, неразумепъ.

2. Гроза царя—какъ бы ревъ льва: кто раздражаетъ его, тотъ грѣшитъ противъ самого себя.

3. Честь для человѣка—отстать

отъ ссоры; а всякій глупецъ задорень.

4. Лѣнивонецъ зимою не пашеть: поищетъ лѣтомъ—и нѣтъ ничего.

5. Помыслы въ сердцѣ человѣка—глубокія воды, но человѣкъ разумный вычерпываетъ ихъ.

XXIII, 19), которымъ Онъ управляетъ всѣмъ (ср. Притч. XVI, 1). Ст. 22 изображаетъ внутреннюю сторону благотворенія — чувство искреннаго расположенія благотворителя къ бѣдному, тогда какъ выше (ст. 17) говорилось лишь о воздаяніи за благотвореніе. Ст. 23 еще разъ представляетъ напоминаніе объ основной (въ Ветхомъ Заветѣ) добродѣтели—страхѣ Божіемъ и его спасительности для человѣка (ср. XVI, 27). Ст. 24 почти буквально повторяется ниже въ XXVI, 15 (ср. XII, 27) и ижесть въ виду обычай востока — не употреблять вилокъ и ножей при принятіи пища. Заключительные стихи (25—29) говорятъ о нравственно-неспособныхъ воспринять ученіе мудрости слушателяхъ и содержатъ предостереженіе отъ увлеченія ихъ привѣрама (ст. 27).

XX.

1—5. Увѣщанія къ благоразумію, воздержанію, честности, трудолюбію и набѣжанію противоположныхъ пороковъ. — 6—11. О всеобщей грѣховности людей, и постоянной склонности ихъ къ паденію. — 12—19. Увѣщаніе къ надеждѣ на Бога, трудолюбію, скромности. — 20—23. Противъ непочтенія къ родителямъ, хищенія, мстительности и обмана. — 24—30. Различныя увѣщанія къ страху Божію и честности.

1—5. Предостереженіе отъ излишняго употребленія вина не разъ встрѣчается у Премудраго (см. XXIII, 29 сл.); какъ и въ другихъ мѣстахъ св. Писанія (Ис. XXVIII, 7. Ефес. V, 18), и здѣсь опьяненіе разсматривается въ качествѣ неодолимаго препятствія къ ясности духа, сознанія человѣка, — какъ зло, лишающее духовную жизнь человѣка ся нормальнаго теченія, въ частности—духовной мудрости и нравственнаго совершенства. Ст. 2 сн. XIX, 12; XVI, 14: во всѣхъ этихъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ книгъ Притчей, царь является идеальной силою, нравственнымъ мѣрломъ истинной законности. Затѣмъ указываются противоположныя истинной мудрости качества: сварливость (ст. 3) и лѣность (ст. 4), а потомъ приводится положительное свойство

6. Многіе хвалять чело́вѣка за милосердіе, но правдиваго чело́вѣка кто находитъ?

7. Праведникъ ходитъ въ своей непорочности: блаженны дѣти его послѣ него!

8. Царь, сидящій на престолѣ суда, разгоняетъ очами своими все злое.

9. Кто можетъ сказать: „я очистилъ мое сердце, я чистъ отъ грѣха моего?“

10. Неодинаковыя вѣсы, неодинаковыя мѣры, то и другое—мерзость предъ Господомъ.

11. Можно узнать даже отрока по занятіямъ его: чисто ли и правильно ли будетъ поведеніе его?

12. Ухо слышащее и глазъ видящій—и то и другое создалъ Господь.

13. Не люби спать, чтобы тебѣ не обдѣвѣть; держи открытыми глаза твои, и будешь до-сыта вѣсть хлѣбъ.

14. „Дурно, дурно“, говоритъ покупатель; а когда отойдетъ—хвалятъ.

15. Есть золото и много жемчуга,

но драгоценная утварь—уста разумныя.

16. Возьми платье его, такъ-какъ онъ поручился за чужаго; и застороняго возьми отъ него залогъ.

17. Сладокъ для чело́вѣка хлѣбъ, *приобрѣтенный* неправдою; но послѣ—ротъ его наполнится древкою.

18. Предпріятія получаютъ твердость чрезъ совѣщаніе, и по совѣщаніи веди войну.

19. Кто ходитъ переносчикомъ, тотъ открываетъ тайну, и кто широко раскрываетъ ротъ, съ тѣмъ не сообщайся.

20. Кто злословитъ отца своего и свою мать, того свѣтильникъ погаснетъ среди глубокой тьмы.

21. Наслѣдство, поспѣшно захваченное вначалѣ, неблагословится вполнѣдствіи.

22. Не говори: „я отплачу за зло“; предоставь Господу, и Онъ сохранитъ тебя.

23. Мерзость предъ Господомъ—неодинаковыя гири, и невѣрные вѣсы—не добро.

мудрости — пронзательность, способность проникать въ сердца людей, при всей таинственности области внутренней жизни чело́вѣка (ст. 5, сн. XVШ, 4).

6—11. Осуждаетъ фарисейское самопревозношеніе чело́вѣка дѣлами милости и добродѣтелями (ст. 6, сн. Мѣ. VI, 2. Лук. XVIII, 8); истинное достоинство чело́вѣка узнается лишь по смерти его, главнымъ образомъ въ дѣтяхъ его (ст. 7, сн. Спр. XI, 28); нелицеприятный, безпристрастный и авторитетный судъ о чело́вѣкѣ произносятъ также царь (ст. 8, сн. XVI, 10. 3 Цар. III, 27). Ст. 9, выражая главную мысль отдѣла (ст. 6—11), высказываетъ то положеніе о всеобщей грѣховности чело́вѣчества, которое (положеніе) принадлежитъ къ наиболее часто возвѣщасимымъ въ Ветхомъ Заветѣ учевіямъ вѣры (ср. Быт. VI, 5. 3 Цар. VIII, 46. Іов. XIV, 4. XV, 14. Пс. L, 7. Еккл. VII, 20. Спр. VII, 5 и др.). Ст. 10—частный и обыденный примѣръ грѣховности — нечестность въ торговлѣ (сн. янже, ст. 23. XI, 1). Ст. 11 служить развѣщеніемъ мысли ст. 9.

12—19. Указаніе на божественное всевѣдѣніе (ст. 12) приводится въ качествѣ побужденія къ страху Божию и надеждѣ на Бога (сн. XV, 5. Пс. XCIII, 9). Изъ ряда жизненно практическихъ изреченій (ст. 13—14. 17) выдѣляется похвала разумнымъ устажъ (ст. 15), напоминающая похвалу мудрости вообще (III, 14. 15. VIII, 11). Наставленія противъ поручительства (ст. 16) повторяютъ сказанное у Премудраго равве (VI, 1—6), тоже надо сказать и о запрещеніи клеветничества и сплетней (ст. 19, сн. XI, 13. XIII, 3).

20—23. Запрещеніе злословія отца и матери, тяжко наказываемаго закономъ, (Исх. XX, 12. XXI, 17. Лев. XX, 9), здѣсь (ст. 20) сопровождается образнымъ представленіемъ (ср. XIII, 9) равней смерти непочтительнаго къ родителямъ. Въ связи съ непочтительностью къ родителямъ, ставится и также осуждается мотовство, расточительность недостойнаго наслѣдника въ отношеніи къ наслѣдству родителей (ст. 21,

24. Отъ Господа направляются шаги человѣка; человѣку же какъ узнать путь свой?

25. Сѣтъ для человѣка—поспѣшно давать обѣтъ, и послѣ обѣта—обдумывать.

26. Мудрый царь вывѣтъ нечестивыхъ и обратитъ на нихъ колесо.

27. Свѣтильникъ Господень—духъ

человѣка, испытывающій всѣ глубины сердца.

28. Милость и истина охраняютъ царя, и милостью онь поддержи-ваетъ престоль свой.

29. Слава юношей—сила ихъ, а украшеніе стариковъ—сѣдина.

30. Раны отъ побоевъ—врачевство противъ зла, и удары, проникающіе во внутренности чрева.

ГЛАВА 21-я.

1. Сердце царя—въ рукѣ Господа, какъ потоки водъ: куда захочетъ, Онь направляетъ его.

2. Всякій путь человѣка прямъ въ глазахъ его; но Господь взвѣсивъ сердце.

сн. XIX, 26). Негодованіе на разнаго рода злодѣевъ, учить Премудрый, не должно служить основаніемъ мщенія (ст. 22), такъ какъ отмщеніе принадлежитъ Богу (Притч. XXIV, 29, сн. Втор. XXXII, 35). Ст. 23 повторяетъ мысль ст. 10.

24—30. Мысль о томъ, что пути человѣка управляются Богомъ (ст. 24, сн. XVI, 9. Пс. XXXVI, 23), стоитъ въ связи съ ветхозавѣтнымъ и древнеиудейскимъ убѣжденіемъ, что Богъ наказываетъ злодѣя и награждаетъ благочестиваго; однако библейскіе и позднѣйшіе евреи отнюдь не дѣлали отсюда вывода о безответственности человѣка за свои поступки, хорошіе и дурные. Человѣкъ, напротивъ, всегда отвѣчаетъ и долженъ отвѣчать за свои дѣйствія; отсюда—неодобреніе поспѣшныхъ, необдуманныхъ обѣтовъ (ст. 25). Ст. 26 сн. 7 и 28.—Ст. 27 сн. Іов. XXXII, 8. Смыслъ ст. 29 тотъ, что каждый возрастъ имѣетъ свои преимущества, и что поэтому ни одинъ возрастъ не заслуживаетъ пренебреженія. Ст. 30 говорятъ о внутренне-преобразующемъ вліяніи суровой педагогій на питомца, нуждающагося въ физическомъ воздѣйствіи.

XXI.

1—3. Всеобщность Промысла Божія, управляющаго путями міра и человѣка. 4—8. Противъ высокомерія, жадности, обмановъ и насилій. 9—18. Противъ немилосердія и другихъ пороковъ въ отношеніи ближнихъ. 19—26. Наставленія подобнаго же нравоучительнаго содержанія 27—31. Медовозданіе отъ Господа праведнымъ и грѣшнымъ.

1—3. Образъ „потоковъ (или каваловъ) водъ“ (ст. 1) заимствованъ изъ обычаевъ Египта, Сирій, Палестины, Халдеи — удобрять землю для хлѣбовъ, фруктовъ и овощей посредствомъ искусственнаго полеорошенія — посредствомъ прорытія небольшихъ каваловъ въ садахъ, огородахъ и на поляхъ. Мысль сравненія та, что, подобно тому какъ каналы эти всецѣло въ направленіи своемъ зависятъ отъ усмотрѣнія устроителя ихъ, такъ и сердце царя въ его мѣропріятіяхъ на пользу народа не представлено собственному произволу, но получаетъ внушенія отъ Премудраго Міроправителя-Бога. Вѣсѣтъ съ тѣмъ упоминаніе о потокѣ водъ даетъ мысль о благотворности царской власти (ср. пс. I, 3. Ис. XXXII, 2),—мысль вполне согласующаяся съ идеальнымъ понятіемъ о ней у Пре-

3. Соблюдение правды и правосудия болѣе угодно Господу, нежели жертва.

4. Гордость очей и надменность сердца, отличающія нечестивыхъ,— грѣхъ.

5. Помышления прилежнаго стремятся къ изобилію, а всякій торопливый терпитъ лишеніе.

6. Приобрѣтеніе сокровища лживымъ языкомъ—мимолетное дуновение ищущихъ смерти.

7. Насиліе нечестивыхъ обрушится на нихъ, потомучто они отреклись соблюдать правду.

8. Превратенъ путь челоуѣка развращеннаго; а кто чистъ, того дѣйствіе прямо.

9. Лучше жить въ углу на кровлѣ, нежели со сварливою женою въ просторномъ домѣ.

10. Душа нечестиваго желаетъ зла: не найдетъ милости въ глазахъ его и другъ его.

11. Когда наказывается кощун-

никъ, простой дѣлается мудрымъ; и когда вразумляется мудрый, то онъ приобретаетъ знаніе.

12. Праведникъ наблюдаетъ за домомъ нечестиваго: какъ повергаются нечестивые въ нечестіе.

13. Кто затыкаетъ ухо свое отъ вопля бѣднаго, тотъ и самъ будетъ вопить,—и не будетъ услышанъ.

14. Подарокъ тайный потушаетъ гнѣвъ, и даръ въ пазуху—сильную ярость.

15. Соблюдение правосудія—радость для праведника и страхъ для дѣлающихъ зло.

16. Челоуѣкъ, сбившійся съ пути разума, водворится въ собраніи мертвецовъ.

17. Кто любитъ веселье—обѣднѣетъ; а кто любитъ вино и тукъ—не разбогатѣетъ.

18. Выкупомъ будетъ за праведнаго нечестивый, и за прямодушнаго—дукавый.

19. Лучше жить въ землѣ пус-

мудраго (ср. XX, 2. 8. 28 и др.). Ст. 2 св. XVI, 2. 25). Мысль ст. 3 о предпочтительности предъ Богомъ дѣлъ правды и правосудія предъ жертвоприношеніями (ср. XV, 8) обща учительнымъ книгамъ (ср. напр. пс. XLIX, 7 сл.) съ пророческими (Мих. VI, 6—8. Ис. I, 11 сл. св. 1 Цар. XV, 22) и составляетъ предвѣстіе ученія Спасителя, что „вѣщанія закона—судъ, милость и вѣра“ (Мф. XXIII, 23).

4—8. Осуждается высокомеріе и гордость (ст. 4), плоды которой объявляются сплошнымъ грѣхомъ (славянскій переводъ „свѣтло“, соотвѣств. греч. λαμπτήρ. лат. lucerna, евр. *Нир* или *Нер.*, точнѣе русск. синод.: „отличающія“; у архим. Макарія лучше: свѣтильникъ); съ практической точки зрѣнія одобряется результатъ дѣятельности челоуѣка разсудительнаго и прилежнаго, и осуждается поведеніе нераднаго (ст. 5, ср. XIX, 2), но съ нравственной точки зрѣнія сейчасъ же осуждается стяжаніе неправедное (ст. 6) съ указаніемъ на ожидающій нечестивыхъ судъ Божій и гибель (ст. 7—8).

9—18. По мысли Премудраго (ст. 9), не разъ высказываемой нѣтъ (XVII, 1) и вообще въ учительной ветхозавѣтной письменности (Сир. XXV, 18), нравственныя блага семейной жизни: любовь, миръ и под. стоятъ выше всѣхъ благъ матеріальныхъ; отсюда и сожительство съ злою женою не можетъ быть покрыто никакимъ вѣщнымъ довольствомъ жизни. 10. Съ злыми вообще не слѣдуетъ вступать въ какое-либо дружество. 11. Св. XIX, 25 IX, 9. Далѣе говорится: о противоположномъ вѣшней судьбѣ праведнаго и нечестиваго (ст. 12. 18) о грѣхѣ немилосердія къ ближнему (ст. 13, св. Мф. XXV, 41 сл. XVIII, 23—35), о правосудіи и уклоненіяхъ отъ него (ст. 14—15, ср. XVII, 8; XIX, 6) объ уклоненіи отъ пути истинной мудрости и печальной судьбѣ уклоняющихся (ст. 16: русск. синод. перев. „въ собраніи мертвецовъ“, у архим. Макарія—точнѣе: „въ обществѣ Рефаніювъ“. LXX: ἐν συναγωγῇ γιγάντων. Vulg: in coetu gigantum, слав. „въ сонмищи исполиновъ“—ср. Быт. VI, 4; Пс. II, 18; IX, 18), наконецъ о вредѣ роскошной и неводержанной жизни (ст. 17, св. XXIII, 29 сл.).

19—26. Въ ст. 19 одинъ изъ часто повторяющихся образовъ или сравненій въ кв. Пс. II, 18; IX, 18), наконецъ о вредѣ роскошной и неводержанной жизни (ст. 17, св. XXIII, 29 сл.).

19—26. Въ ст. 19 одинъ изъ часто повторяющихся образовъ или сравненій въ кв. Пс. II, 18; IX, 18), наконецъ о вредѣ роскошной и неводержанной жизни (ст. 17, св. XXIII, 29 сл.).

19—26. Въ ст. 19 одинъ изъ часто повторяющихся образовъ или сравненій въ кв. Пс. II, 18; IX, 18), наконецъ о вредѣ роскошной и неводержанной жизни (ст. 17, св. XXIII, 29 сл.).

тынной, нежели съ женою сварливою и сердитою.

20. Вождельнное сокровище и тукъ—въ домъ мудраго; а глупный человѣкъ расточаетъ ихъ.

21. Соблюдающій правду и милость найдетъ жизнь, правду и славу.

22. Мудрый входитъ въ городъ сильныхъ и ниспровергаетъ крѣпость, на которую они надѣялись.

23. Кто хранитъ уста свои и языкъ свой, тотъ хранитъ отъ бѣды душу свою.

24. Надменный злодѣй—кощунникъ имя ему—дѣйствуетъ въ пылу гордости.

25. Алчба лѣнивца убьетъ его, потомучто руки его отказываются

работать;

26. Всякій день онъ сильно алчетъ, а праведникъ даетъ и не жалѣеть.

27. Жертва нечестивыхъ—мерзость, особенно когда съ лукавствомъ приносятся ее.

28. Лжесвидѣтель погибнетъ, а человѣкъ, который говоритъ, что знаетъ, будетъ говорить всегда.

29. Человѣкъ нечестивый дерзко въ лицѣмъ своимъ, а праведный дерзнуть прямо путь свой.

30. Нѣтъ мудрости и нѣтъ разума и нѣтъ совѣта—вопреки Господу.

31. Коня готовятъ на день битвы, но побѣда—отъ Господа.

ГЛАВА 22-я.

1. Доброе имя лучше большаго богатства, и добрая слава лучше серебра и золота:

2. Богатый и бѣдный встрѣчаются другъ съ другомъ: того и другаго создалъ Господь.

си. ст. 17. Ст. 21 см. XIX, 17. Мысль ст. 22 о превосходствѣ мудрости предъ силою встрѣчается еще въ Еккл. IX, 16. О храненіи языка и дара слова—ст. 23—говорилось выше: XIII, 3; XIX, 6; Мф. XII, 36. Изображеніе въ ст. 24 дерзкаго и кощунника сходно съ Авв. II, 5. Въ ст. 25—26, противопоставленіе лѣнливаго съ одной стороны, прилежнаго, праведнаго и милостиваго—съ другой (ср. пс. XXXVI, 26).

27—31. Мысль о негодности Богу жертвы нечестивыхъ (27а), уже ранѣе (XV, 8) высказанная, теперь усиливается прибавленіемъ, что жертва эта обычно соединяется „съ лукавствомъ“ (27б евр. *безимма*), т. е. по нечистымъ побужденіямъ, даже съ преступными дѣяніи (LXX: *παράνομος* Vulg. *ex scelere*), ср. Сир. XXXIV, 18 сл. Мал. I, 3. Далѣе—рѣчь о безстыдномъ, ложномъ свидѣтелѣ и о свидѣтелѣ правдивомъ (ст. 28—29, см. XIX, 5), объ отсутствіи истинной мудрости у нечестиваго (ст. 30, см. Іез. XXVIII, 5; Іов. V, 13), наконецъ о томъ, что источникъ всякой мудрости и силы—въ Богѣ и Его помощи (ст. 31, см. пс. XIX, 8—9; пс. XXXII, 17).

XXXII.

1—16. Увѣщанія къ приобрѣтенію и храненію добраго имени.—17—21. Призывъ внимать словамъ мудрыхъ.—22—29. Наставленія частію нравоучительнаго, частію практическаго свойства.

1—16. Охраненіе своего добраго имени рекомендуется у Премудраго (ст. 1 дал.) въ томъ же смыслѣ—безусловнаго превосходства этого нравственнаго блага предъ цѣнностями матеріальными (Сир. XLI, 15; ср. Еккл. VII, 1). Доброе имя приобрѣтается бо-

3. Благоразумный видит бѣду, и укрывается; а неопытные идутъ впередъ, и наказываются.

4. За смиреніемъ слѣдуетъ страхъ Господень, богатство и слава и жизнь.

5. Терны и сѣти—на пути коварнаго: кто бережетъ душу свою, удались отъ нихъ.

6. Наставъ юношу при началѣ пути его: онъ не уклонится отъ него, когда и состарѣеть.

7. Богатый господствуетъ надъ бѣднымъ, и должникъ дѣлается рабомъ заимодавца.

8. Сѣющій неправду пожнетъ бѣду, и трости гнѣва его не станутъ. (Человѣкъ, доброхотно дающаго, любить Богъ и недостатокъ дѣлъ его восполнить.)

9. Милосердый будетъ благословляемъ, потому что даетъ бѣдному отъ хлѣба своего. (Побѣду и честь приобретаетъ дающій дары, и даже овладѣваетъ душою получающихъ оныя.)

10. Прогони кощунника,—и удалится раздоръ, и прекратятся ссора и брань.

11. Кто любитъ чистоту сѣрдца, у того пріятность на устахъ, тому царь—другъ.

12. Очи Господа охраняютъ знаніе, а словá законопреступника Онъ ниспровергаетъ.

13. Лѣннivecъ говоритъ: «левъ на улицѣ! посреди площади убьютъ меня!»

14. Глубокая пропасть—уста блудницы: на кого прогнѣвается Господь, тотъ упадетъ туда.

15. Глупость привязалась къ сѣрдцу юноши, но исправительная розга удалить ее отъ него.

16. Кто обижаетъ бѣднаго, чтобы умножить свое богатство, и кто даетъ богатому,—тотъ обѣднѣетъ.

17. Приклони ухо твое и слушай словá мудрыхъ, и сѣрдце твое обрати къ моему знанію:

18. потому что утѣшительно бу-

дѣе всего дѣятельною любовью къ ближнему, благотворительностью ему: отсюда на первомъ мѣстѣ ставится долгъ богатаго помогать бѣдному, при чемъ мотивомъ благотворительности указывается то, что и богатый и бѣдный—равно созданія одного Бога (ст. 2, св. XIV, 31; XVII, 5; Іов. XXXI, 15), и Имъ поставлены на одномъ жизненномъ пути. Воздается хвала жизненному благоразумію (ст. 3 и 5) съ осужденіемъ неразумія, но особенно превозносятся смиреніе и страхъ Божій—съ указаніемъ благотѣльныхъ плодовъ того и другого въ самой внѣшней жизни человѣка (ст. 4). Затѣмъ, въ ст. 6—12 раздѣльно называются добродѣтели, которыми охраняется и создается доброе имя. Здѣсь прежде всего отгнѣяется громадная важность воспитанія и обученія юноши именно съ самаго ранняго возраста (ст. 6). Въ Мишнч. Трактатѣ Авотъ (IV, 20), въ соотвѣтствіи съ этимъ говорится: „Кто учитъ ребенка, чему подобенъ?—пишущему чернилами на новой бумагѣ; а кто учитъ стараго, чему подобенъ?—пишущему чернилами на чищенной (отъ прежняго письма) бумагѣ“. Затѣмъ, упоминая о различіи въ житейскомъ быту богатыхъ и бѣдныхъ (ст. 7), Премудрый указываетъ, что богатствомъ и вообще благосостояніемъ можно пользоваться, какъ къ добру, такъ и къ злу. Въ послѣднемъ отношеніи называются: страсть къ раздорамъ и дѣланію всякаго рода зла (ст. 8, „сѣять неправду, зло“, какъ и „сѣять правду“—обычный библейскій образъ: Іов. IV, 8; Притч. XI, 18; Ос. X, 12), кощунство (ст. 10) и вѣроломство (ст. 12). На другой сторонѣ ставятся—благотворительность (ст. 9), чистосердечіе (ст. 11) и разумность (ст. 12).

Наконецъ, отрицательную сторону рѣчи о добромъ имени составляетъ предупрежденіе отъ пороковъ: лѣности (ст. 13—здѣсь данъ образецъ безсмысленной отговорки лѣнниваго, св. XXVI, 13), распутства (ст. 14, см. II, 16; V, 3; VI, 24) глупости (ст. 15) и жадности, соединенной съ притѣвленіемъ бѣдныхъ (ст. 16).

17—29. Ст. 17—21 образуютъ введеніе къ новой группѣ или новому собранію притчей, обнимающему вторую половину гл. XXII, и главы XXIII и XXIV. Притчи этого отдѣла отличаются пространныостью, обнимая нерѣдко нѣсколько строкъ (3 стиха—въ XXIII, 1—3; 6—8; 5 ст.—въ XXIII, 31—35; XXIV, 30—34). Во введеніи, ст. 17—21, высказывается увѣщаніе къ вниманію словамъ мудрыхъ (ст. 17), отгнѣяется

дѣть, если ты будешь хранить ихъ въ сердцахъ твоихъ, и они будутъ также въ устахъ твоихъ,

19. Чтобы упованіе твое было на Господа, я учу тебя и сегодня, и ты *помни*.

20. Не писалъ ли я тебѣ трижды— въ совѣтахъ и наставленіи,

21. чтобы научить тебя точнымъ словамъ истины, дабы ты могъ передавать слова истины посылающимъ тебя?

22. Не будь грабителемъ бѣднаго, потомучто онъ бѣденъ, и не притѣсной несчастнаго у воротъ,—

23. потомучто Господь вступится въ дѣло ихъ, и исхититъ душу у грабителей ихъ.

24. Не дружись съ гнѣвливымъ и не сообщайся съ человѣкомъ вспылчивымъ,

25. чтобы не научиться путямъ его и не навлечь петли на душу твою.

26. Не будь изъ тѣхъ, которые даютъ руки и поручаются за долги:

27. если тебѣ нечѣмъ заплатить, то для чего доводить себя, чтобы взяли постель твою изъ-подъ тебя?

28. Не передвигай межи давней, которую провели отцы твои.

29. Видѣлъ ли ты человѣка проворнаго въ своемъ дѣлѣ? Онъ будетъ стоять передъ царями, онъ не будетъ стоять передъ простыми.

Г Л А В А 23-я.

1. Когда сядешь вкушать пищу съ властелиномъ, то тщательно на блюдай, что передъ тобою,

2. и поставь преграду въ гортани твоей, если ты алченъ.

3. Не прельщайся лакомыми яс-

ихъ достоинство (ст. 18), главное значеніе—возбужденіе надежды на Бога (ст. 19), и идейная сущность (ст. 20—21). Въ ст. 22—29 въ трехъ двустипныхъ притчахъ: а) осуждается и запрещается притѣсненіе бѣдныхъ (ст. 22—23); б) дѣлается предостереженіе отъ близости и содружества съ человѣкомъ гнѣвливымъ (ст. 24—25); и в) снова настойчивое предупрежденіе противъ поручательства (ст. 26—27, см. Притч. VI, 1 сл. XVII, 18. XX, 16).

Преступленіе перенесенія межи ближняго, не необычное въ древнее время, считалось однимъ изъ самыхъ позорныхъ (ср. Втор. XIX, 14. Притч. XXIII, 10). Въ ст. 29 указанъ рѣдкій, но возможный въ положеніи трудящагося случай—возвышеніе до степени ближайшаго служенія царю.

XXIII.

1—8.—Предостереженіе отъ жадности въ пищѣ и отъ обращенія съ людьми недоброжелательными.—9—11.—Отъ общенія съ глупыми.—12—18.—Увѣщаніе къ нравственному воспитанію дѣтей. — 19 — 25. — Предостереженіе отъ излишества въ пищѣ.—26—28.—Отъ увлеченія соблазнами нецѣломудрія.—29—35.—Отъ пьянства и его гибельныхъ послѣдствій,

1—3. По связи рѣчи съ послѣднимъ (29) стихомъ предыдущей главы, человѣку, благодаря трудолюбію достигшему высокаго положенія при дворѣ царя, совѣтуется и въ новомъ положеніи (а также вообще на обѣдахъ у знатныхъ) сохранять умеренность— въ пищѣ, какъ и вообще въ пользованіи вѣшними благами (см. Сир. XXXI, 13).

твами его: это—обманчивая пища.

4. Не заботься о томъ, чтобы нажить богатство; оставь такія мысли твои.

5. Устремись глаза твои на него, и—его уже нѣтъ; потомучто оно сдѣлаетъ себѣ крылья и, какъ орель, улетитъ къ небу.

6. Не вкушай пищи у человѣка завистливаго и не прельщайся лакомыми яствами его;

7. потомучто каковы мысли въ душѣ его, таковы и онъ; «ѣшь и пей», говоритъ онъ тебѣ, а сердце его не съ тобою.

8. Кусокъ, который ты съѣлъ, изблюешь, и добрыя слова твои ты потратишь напрасно.

9. Въ уши глухаго не говори, потомучто онъ презритъ разумныя слова твои.

10. Не передвигай межи давней и на поля сиротъ не заходи,

11. потомучто Защитникъ ихъ силенъ; Онъ вступится въ дѣло ихъ съ тобою.

12. Приложи сердце твое къ ученію и уши твои—къ умнымъ словамъ.

13. Не оставляй юноши безъ наказанія: если накажешь его розгою, онъ не умретъ;

14. ты накажешь его розгою и

спасешь душу его отъ преисподней.

15. Сынъ мой! если сердце твое будетъ мудро, то порадуется и мое сердце;

16. и внутренности мои будутъ радоваться, кагда уста твои будутъ говорить правое.

17. Да не завидуешь сердце твое грѣшникамъ, но да пребудетъ оно во все дни въ страхѣ Господнемъ;

18. потомучто есть будущность, и надежда твоя не потеряна.

19. Слушай, сынъ мой, и будь мудръ и направляй сердце твое на прямой путь.

20. Не будь между упивающимися виномъ, между пресыщающимися мясомъ.—

21. потомучто пьяница и пресыщающійся обѣднѣютъ, и сонливость одѣнетъ въ рубище.

22. Слушайся отца твоего: онъ родилъ тебя; и не пренебрегай матери твоей, когда она и составляетъ.

23. Купи истину и не продавай мудрости и ученія и разума.

24. Торжествуетъ отецъ праведника, и родившій мудраго радуется о немъ.

25. Да веселится отецъ твой и да торжествуетъ мать твоя, родившая тебя.

4—5. Въ ряду этихъ благъ на первомъ мѣстѣ называется богатство, и при этомъ съ особенною силою отмѣчается его скоропереходность и неважность (ср. 1 Тим. VI, 17),—даже богатства, пріобрѣтеннаго и честными путями.

6—9. Въ выборѣ знакомствъ и въ исканіи доброжелательства у людей слѣдуетъ обращать вниманіе на степень искренности оказывающихъ гостепрѣмство (ср. Сир. XIV, 10).

10 сн. XXII, 28.

12—18. Обращается особенное вниманіе на необходимость хорошаго домашняго воспитанія, и при этомъ указывается (ст. 13), какъ и равнѣ указывалось (XIII, 25), на необходимость физическаго назначенія въ системѣ воспитанія, какъ средства педагогическаго и вполнѣ цѣлесообразнаго (ст. 14).

Въ послѣдующемъ увѣщаніи къ мудрости выдвигается на видъ способность мудрости дѣлать человѣка счастливымъ (ст. 15—16), а первымъ проявленіемъ мудрости представляется отсутствіе зависти благоденствующимъ грѣшникамъ (ст. 17, сн. XXIV, 1), присутствіе, напротивъ, страха Божія и надежды на воздаяніе—здѣсь и за гробомъ (ст. 18); въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ (Притч. XI, 7. XIV, 32), выражается вѣра Премудраго въ безсмертіе души человѣка и посмертное воздаяніе праведнымъ и грѣшникамъ.

19—25. Для занятій мудростью необходимо прежде всего устранить стоящія на пути препятствія—страсть къ пьянству и распутству (ст. 19—21). Затѣмъ настоячивое увѣщаніе держаться мудрости, истины, разумнія (ст. 23) предваряется (ст. 22) и за-

26. Сынъ мой! отдай сердце твое мнѣ, и глаза твои да наблюдаютъ пути мои,—

27. потомучто блудница—глубокая пропасть, и чужая жена—тѣсный колодезь;

28. она, какъ разбойникъ, сидитъ въ засадѣ и умножаетъ между людьми законопреступниковъ.

29. У кого вой? у кого стонъ? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны безъ причины? у кого багровые глаза?

30. У тѣхъ, которые долго сидятъ за виномъ, которые приходятъ отыскивать вина приправленнаго.

31. Не смотри на вино, какъ оно краснѣетъ, какъ оно искрится въ чашѣ, какъ оно ухаживается ровно:

32. впоследствии, какъ змѣй, оно укуситъ, и ужалитъ, какъ аспидъ;

33. глаза твои будутъ смотрѣть на чужихъ женъ, и сердце твое заговоритъ развратное,

34. и ты будешь, какъ спящій среди моря и какъ спящій на верху мачты.

35. (И скажешь:) „Били меня—мнѣ не было больно, толкали меня—я не чувствовалъ. Когда проснусь,—опять буду искать того же“.

ГЛАВА 24.

1. Не ревнуй злымъ людямъ и не желай быть съ ними,

2. потомучто о насиліи помышляетъ сердце ихъ, и о зломъ говорятъ уста ихъ.

3. Мудростью устроится домъ и разумомъ утверждается.

4. и съ умъемъ внутренности

его наполняются всякимъ драгоценнымъ и прекраснымъ имуществомъ.

5. Человѣкъ мудрый силенъ, и человѣкъ разумный укрѣпляетъ силу свою.

6. Поэтому съ обдуманностью веди войну твою, и успѣхъ *будетъ* при множествѣ совѣщаній.

канчивается увѣщаніемъ почитать авторитетъ отца и матери (ст. 24—27) (ср. Притч. X, 1. XV, 20 и др.).

26—28. Весьма важно указаніе на то, что для усвоения мудрости ученикъ долженъ былъ отдать всего себя на волю и распоряженіе учителя. Предостереженіе отъ соблазновъ жевы-блудницы (ст. 27—28) напоминаетъ прежнія рѣчи Премудраго и тотъ же предметъ (V, 20. VI, 24. VII, 5).

29—35. Въ рѣдкой по изобразительности формѣ изложена картина гибельныхъ слѣдствій пьянства (ср. Ис. LVI, 12).

XXIV.

1—2. Предостереженіе отъ подражанія людямъ нечестивымъ. 3—6. Похвала мудрости и ея благотворнымъ слѣдствіямъ. 7—10. Противъ глупости, коварства и под. 11—12. Увѣщаніе защищать приговоренныхъ къ смерти. 13—14. Увѣщаніе стремиться къ мудрости. 15—18. Противъ коварства и алорадства. 19—22. Призывъ къ великодушію и предостереженіе отъ сообщества съ мятежниками. 23—29. Предостереженіе противъ лицепріятія, пристрастія и неправды. 30—34. Изображеніе гибельности, лѣности и ея послѣдствій.

1—2. Мысль этихъ стиховъ представляетъ раскрытіе ст. 17 гл. XXIII.

3—6. Въ противоположность нечестію, мудрость—благочестіе для обладателя

7. Для глупаго слишкомъ высока мудрость; у воротъ не откроетъ онъ устъ своихъ.

8. Кто замышляетъ сдѣлать зло, того называютъ злоумышленникомъ.

9. Помысль глупости—грѣхъ, и кошунникъ—мерзость для людей.

10. Если ты въ день бѣдствія оказался слабымъ, то бѣдна сила твоя.

11. Спасай взятыхъ на смерть, и неужели откажешься отъ обреченныхъ на убіеніе?

12. Скажешь ли: вотъ, мы не знали этого? А Испытующій сердца развѣ не знаетъ? Наблюдающій надъ душею твоею знаетъ это, и воздастъ человѣку по дѣламъ его.

13. Ышь, сынъ мой, медъ, потому что онъ пріятенъ, и сотъ, который сладокъ для гортани твоей:

14. таково и познаніе мудрости для души твоей. Если ты нашелъ ее, то есть будущность, и надежда

твоя не потеряна.

15. Не злоумышляй, нечестивый, противъ жилища праведника, не опустошай мѣста покоя его,

16. ибо семь разъ упадетъ праведникъ—и встанетъ; а нечестивые впадутъ въ погибель.

17. Не радуйся, когда упадетъ врагъ твой, и да не веселится сердце твое, когда онъ споткнется.

18. Иначе, увидитъ Господь, и неуютно будетъ это въ очахъ Его, и Онъ отвратитъ отъ него гнѣвъ Свой.

19. Не негодуй на злодѣевъ и не завидуй нечестивымъ,

20. потому что злой не имѣетъ будущности, — свѣтильникъ нечестивыхъ угаснетъ.

21. Бойся, сынъ, мой, Господа и царя; съ мятежниками не сообщайся,

22. потому что внезапно придетъ

ся соединяется съ разнаго рода вещественными благами—въ быту домашнемъ (ст. 3—4) и общественномъ, напр. въ воинскомъ дѣлѣ (ст. 5—6).

7—9. Глухой и нечестивый, напротивъ, безслѣнъ и безпомощенъ въ томъ случаѣ, когда ему предстоитъ выступить въ какой-либо общественной дѣятельности; вся его энергія обращена на коварные замыслы (ст. 8) и вся исчерпывается грѣховными предъ Богомъ и мерзкими предъ людьми дѣянїями (ст. 9).

10—12. Мудрость же владѣетъ искусствомъ спасать себя (ст. 10) и другихъ, даже въ крайнихъ бѣдствїяхъ (ст. 11), причѣмъ устраняется, опровергается всегда возможная эгоистическая отговорка черстваго сердца: „я не знаю такого-то, слѣдовательно, свободенъ отъ обязанностей въ отношенїи къ нему“—указанїемъ на всевидящїй и всеобъемлющїй Промыслъ Божїй, предъ которымъ не оправдается никто, допускающїй погибнуть своимъ собратьямъ. Въ объясненїе наставленїя стиха 11 нѣкоторые указывали на равнїно талмудическое правило, обязывавшее всякаго человѣка, знавшаго что-либо въ оправданїе осужденнаго на смерть, непременно выступить съ своимъ показанїемъ (Мишна, Санхедринъ VI, 1). Но едва ли обычай этотъ имѣлъ уже мѣсто въ библейскую эпоху; при томъ наставленїе ст. 11 относится не только къ судебнымъ дѣламъ, но имѣетъ и болѣе широкой объемъ, относясь ко всевозможнымъ случаямъ смертной опасности ближнихъ.

13—14. Мудрость по спасительнымъ плодамъ своимъ подобна сладости и пользѣ меда; и плоды эти не только сказываются въ настоящемъ, но достигаютъ и предѣловъ будущаго (ст. 14, см. XXIII, 18),

15—18. Внушается при несчастїяхъ праведниковъ и нечестивыхъ обращать вниманїе на конечный исходъ, неоднаковый для однихъ и другихъ, страданїй (ст. 16). Вѣсть съ тѣмъ дѣлается предостереженїе отъ злорадства врагу при его несчастїи, такъ какъ это неуютно Господу (ст. 17—18, см. XVIII, 5).

19—22. Повторяется (ср. ст. 1) наставленїе --не завидовать нечестивымъ (см. 19), такъ какъ конечная участь ихъ будетъ безотраднъ (ст. 20, см. XIII, 9). Въ заключенїе указывается на страхъ Божїй, но при этомъ съ собственно страхомъ Божїимъ предписывается и страхъ передъ царемъ, какъ представителемъ правленїя Божїя въ обществѣ людей (ст. 21—22, см. 1 Пет. II, 17. Рим. XIII, 2).

погибель отъ нихъ,—и бѣду отъ нихъ обоихъ кто предузнаеть?

23. Сказано также мудрыми: имѣть лицепріятіе на судѣ—нехорошо.

24. Кто говорить виновному: „ты правъ,“ того будутъ проклинять народы, того будутъ ненавидѣть племена;

25. а обличающіе будутъ любимы, и на нихъ придетъ благословеніе.

26. Въ уста цѣлуетъ, кто отвѣчаетъ словами вѣрными.

27. Соверши дѣла твои внѣ дома, окончи ихъ на полѣ твоемъ, и потомъ устрой и домъ твой.

28. Не будь лжесвидѣтелемъ на ближняго твоего: къ чему тебѣ обманывать устами твоими?

29. Не говори: какъ онъ посту-

пилъ со мною, такъ и я поступлю съ нимъ: воздамъ человѣку по дѣламъ его.

30. Проходилъ я мимо поля человѣка лѣниваго и мимо виноградника человѣка скудоумнаго:

31. и вотъ, все это заросло терномъ, поверхность его покрылась крапивою и каменная ограда его обрушилась.

32. И посмотрѣлъ я, и обратилъ сердце мое, и посмотрѣлъ и получилъ урокъ:

33. „немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложивъ руки, полежишь,—

34. „и придетъ, какъ прохой, бѣдность твоя, и нужда твоя—какъ человѣкъ вооруженный“.

ГЛАВА 25.

1. И это—притчи Соломона, которыя собрали мужи Езекии, царя

23—29. Новая группа изреченій „мудрыхъ“ начинается осужденіемъ лицепріятія (ст. 23—24), за которое угрожается проклятіемъ народовъ: извращеніе правды и справедливости на судѣ всюду служитъ источникомъ гибели благосостоянія народовъ. Напротивъ, высоко одобряется неподкупность и вѣрность въ словахъ, сужденіяхъ и дѣлахъ (ст. 25—26, см. 28). Два другихъ наставленія этого отдѣла—одно практическаго свойства: прежде внутренняго благоустройства дома и семьи необходимо устроить самую внѣшнюю сторону жизни—полевое и домашнее хозяйство (ст. 27), другое—чисто нравоучительнаго, и притомъ съ характеромъ евангельской чистоты и высоты: не должно воздавать зломъ за зло (ст. 29, см. XVII, 13).

30—34. Пагубныя послѣдствія лѣности изображаются на прихѣрѣ состоянія поля и виноградника лѣниваго. Это—не аллегорія духовной распущенности, какъ полагали въкоторые толкователи, а прямое изображеніе порока лѣности съ гибельными ея слѣдствіями—урокъ, почерпнутый Премудрымъ изъ опытнаго наблюденія (ст. 32). Ст. 33—34 представляютъ воспроизведеніе ст. 10—11 главы VI.

XXV.

1. Надписаніе новой группы притчей. 2—5. О царяхъ, ихъ необходимыхъ качествахъ и обязанностяхъ. 6—7. Предостереженіе отъ высокомерія въ обращеніи съ царями и знатными. 8—10. Противъ сварливости и болтливости. 11—15. О мудрости въ словѣ, вѣрности, долготерпѣвіи. 16—20. Противъ неумѣренности, навязчивости, лжесвидѣтельства, легковѣрія и легкомыслія. 21—22. О благотворительности врагамъ. 23—28. Противъ страсти къ раздорамъ, недостатка самообладанія, и проч.

1. Группа притчей, обнимаемая главами XXV—XXIX, обозначается (ст. 1), какъ

Иудейскаго.

2. Слава Божія — облекать тайною дѣло, а слава царей — изслѣдывать дѣло.

3. Какъ небо въ высотѣ и земля въ глубинѣ, такъ сердце царей — неизслѣдимо.

4. Отдѣли примѣсь отъ серебра, и выйдетъ у серебряника сосудъ:

5. удали неправеднаго отъ царя, и престолъ его утвердится правдою.

6. Не величайся предъ лицомъ царя и на мѣстѣ великихъ не становись;

7. потомучто лучше, когда скажутъ тебѣ: „пойди сюда повыше“, нежели когда понизятъ тебя предъ знатнымъ, котораго видѣли глаза твои.

8. Не вступай послѣшно въ тяжбу: иначе, что будешь дѣлать при окончаніи, когда соперникъ твой осрамить тебя?

9. Веди тяжбу съ соперникомъ твоимъ, но тайны другаго не открывай.

10. дабы не укорилъ тебя услышавшій это, и тогда безчестіе твое не отойдетъ отъ тебя. (Любовь и дружба освобождаютъ: сбереги ихъ для себя, чтобы не сдѣлаться тебѣ достойнымъ поношенія; сохрани пути твои благоустроенными.)

11. Золотыя яблоки въ серебряныхъ прозрачныхъ сосудахъ — слово, сказанное прилично.

12. Золотая серьга и украшеніе изъ чистаго золота — мудрый обличитель для внимательнаго уха.

13. Что прохлада отъ снѣга во время жатвы, то вѣрный посоль для посылающаго его: онъ доставляетъ душѣ господина своего отраду.

14. Что тучи и вѣтры безъ дождя, то человекъ, хвастающій ложными подарками.

15. Кротостью склоняется къ милости вельможа, и мягкій языкъ переламываетъ кость.

16. Нашель ты медь, — ѣшь, сколько тебѣ потребно, чтобы не пресытиться имъ и не излевать его.

17. Не учащай входить въ домъ друга твоего, чтобы онъ не наскучилъ тобою и не возненавидѣлъ тебя.

18. Что молотъ и мечъ и острая стрѣла, то человекъ, произносящій ложное свидѣтельство противъ ближняго своего.

19. Что сломанный зубъ и разслабленная нога, то надежда на ненадежнаго (человѣка) въ день бѣдствія.

20. Что снимающій съ себя оде-

собраніе, произведенное трудами нѣкоторыхъ „мужей царя Езекии“ (ст. 1); полъ послѣднихъ, очевидно, разумѣются мудрецы — законовѣды времени этого царя Иудейскаго: въ этихъ мужахъ Езекии раввины видѣли членовъ такъ наз. „великой синагоги“.

2—5. О царской власти Премузырь и здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, говоритъ съ идеальной точки зрѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ практическіе совѣты для укрѣпленія власти царя. 6—7. Въ связи съ этимъ здѣсь говорится о благоприличіи предъ царями и вельможами, при чемъ требуемая скромность на званыхъ пріествахъ здѣсь (ст. 17) мотивируется тѣмъ же соображеніемъ, какое приводится и въ Евангеліи (Лук. XIV, 8—10) по аналогичному же поводу. 8—10. Въ виду вредныхъ послѣдствій сварливости и болтливости, дѣлается предупрежденіе противъ обѣихъ.

11—15. Въ ст. 11—12 та же мысль раскрывается въ образной и притомъ положительной формѣ. Затѣмъ въ образахъ же Палестинской природы — обычай приготавливать прохладительное питье при помощи снѣга или льда лѣтомъ и обычный въ Палестинѣ безводная облака лѣтомъ (ст. 13—14) — изображаются вѣрный посоль и человекъ лживый. Въ ст. 15 замѣчаніе о силѣ кротости напоминаетъ ст. 1 гл. XV. 18—20. Образно характеризуются три рода людей: ложные свидѣтели, ложные друзья, покидающіе друзей въ несчастіи, и люди безучастные къ бѣдствію ближнихъ. 21—22. Увѣщаніе благотворить нуждающемуся врагу есть развитіе мысли законодателя Исх. XXIII, 4—5, въ нѣсколько сокращенной формѣ оно приводится и у Апостола (Рим. XII, 20, см. Мѣ. XXV, 35).

жду въ холодный день, что укусу въ рану.—то поющій пѣсни печальному сердцу. (Какъ моль одеждѣ и червь дереву, такъ печаль вредить сердцу человѣка.)

21. Если голоденъ врагъ твой, накорми его хлѣбомъ; и если онъ жаждетъ, напои его водою:

22. ибо, (дѣлая се,) ты собираешь горящія угли на голову его, и Господь воздастъ тебѣ.

23. Сѣверный вѣтеръ производитъ дождь, а тайный языкъ—недовольныя лица.

24. Лучше жить въ углу на кро-

влѣ, нежели со сварливою женою въ пространномъ домѣ.

25. Что холодная вода для истомленной жаждою души, то добрая вѣсть изъ дальней страны.

26. Что возмущенный источникъ и поврежденный родникъ, то праведникъ, падающій предъ нечестивымъ.

27. Какъ нехорошо ѣсть много меду, такъ домогаться славы не есть слава.

28. Что городъ разрушенный, безъ стѣнъ, то—человѣкъ, не влаждущій духомъ своимъ.

ГЛАВА 26.

1. Какъ снѣгъ лѣтомъ и дождь во время жатвы, такъ честь неприлична глупому.

2. Какъ воробей вспорхнетъ, какъ

ласточка улетитъ,—такъ незаслуженное проклятіе не сбудется.

3. Бичъ—для коня, узда—для осла, а палка—для глупыхъ.

23—28. Въ ст. 23 неприятныя послѣдствія тайныхъ разговоровъ и слуховъ—подозрѣнія и под. сравниваются съ дѣйствіемъ сѣвернаго, точнѣе сѣверо-западнаго (въ Палестинѣ) вѣтра, приносящаго тучи. Ст. 24 см. XXI, 9. Ст. 25 см. XV, 30. 26 ст. говоритъ о нравственной слабости праведнаго предъ нечестивымъ, напр. въ видѣ уступчивости перваго въ отношеніи сужденій втораго,—или о физическомъ страданіи праведника со стороны грѣшника: то и другое, какъ явленіе печальное, Премудрый сравниваетъ съ мутнымъ, только обманывающимъ путника, источникомъ. Ст. 27 гудень для пониманія и вызвалъ много толкованій. Повидному, здѣсь слѣдуетъ видѣть указаніе на то, что даже въ такомъ почтенномъ дѣлѣ, какъ исканіе истины, изслѣдованіе высокихъ предметовъ, должно соблюдать мѣру. Подобный смыслъ даетъ переводъ Вульгаты: qui scrutator est majestatis, opprimetur a gloria. Ст. 28, резюмируя сказанное въ предыдущихъ стихахъ, въ отрицательной формѣ высказываетъ мысль о необходимости и пользѣ самообладанія для человѣка: не влаждущій собою человѣкъ, не могущій полагать узду своимъ страстямъ, открытъ всѣмъ внѣшнимъ вліяніямъ и соблазнамъ для его свободы и нравственности, и въ этомъ отношеніи подобенъ городу съ разрушенными стѣнами (ср. 2 Пар. XXXII, 5. Иез. II, 13).

XXVI.

1—12. Противъ безумія, его проявленій и слѣдствій. 13—16. Противъ лѣности. 17—19. Противъ неумѣренной шутивости. 20—28. Противъ хитрости, лжи и коварства.

1—12. Неестественность снѣга лѣтомъ и дождя во время жатвы (въ Палестинѣ) берется (ст. 1) образомъ непристойности и какъ бы неестественности почета и славы для лица. Затѣмъ, образно представлены—безсиліе клятвы или проклятія, истребае-

4. Не отвѣчай глупому по глупости его, чтобъ и тебѣ не сдѣлаться подобнымъ ему;

5. не отвѣчай глупому по глупости его, чтобы онъ не сталъ мудрецомъ въ глазахъ своихъ.

6. Подрѣзываетъ себѣ ноги, терпитъ непріятность тотъ, кто даетъ словесное порученіе глупцу.

7. Неровно поднимаются ноги у хромага,—и притча въ устахъ глупцовъ.

8. Чтѣ влагающій драгоценный камень въ пращу, тѣ воздающій глупому честь.

9. Чтѣ колючій тернъ въ рукѣ пьянаго, то притча въ устахъ глупцовъ.

10. Сильный дѣлаетъ все произвольно: и глупаго награждаетъ, и всякаго прохожаго награждаетъ.

11. Какъ пѣсь возвращается на блевотину свою, такъ глупый повторяетъ глупость свою.

12. Видаль ли ты человѣка, мудраго въ глазахъ его? На глупаго больше надежды, нежели на него.

13. Лѣнivecъ говоритъ: „левъ на дорогѣ! левъ на площадяхъ!“

14. Дверь ворочается на крючьяхъ своихъ, а лѣнivecъ—на постелѣ своей.

15. Лѣнivecъ опускаетъ руку свою въ чашу, и ему тяжело донести ее до рта своего.

16. Лѣнivecъ въ глазахъ своихъ мудреѣ семерыхъ, отвѣчающихъ обдуманно.

17. Хватаетъ пса за уши, кто, проходя мимо, вмѣшивается въ чужую ссору.

18. Какъ притворяющійся помѣшаннымъ бросаетъ огонь, стрѣлы и смерть,

19. такъ—человѣкъ, который коварно вредитъ другу своему и потѣмъ говоритъ: „я только пошутить“.

20. Гдѣ нѣтъ больше дровъ,—огонь погасаетъ, и гдѣ нѣтъ наушника,—раздоръ утихаетъ.

21. Уголь—для жара, и дрова—для огня, а человѣкъ сварливый—для разженія ссоры.

22. Слова наушника—какъ лакомства, и они входятъ во внутренность чрева.

23. Чтѣ нечистымъ серебромъ обложенный глиняный сосудъ, тѣ пламенные уста и сердце злобное.

24. Устами своими притворяется врагъ, а въ сердцѣ своемъ замысляетъ коварство.

25. Если онъ говоритъ и нѣжнымъ голосомъ, не вѣрь ему, потому что семь мерзостей въ сердцѣ его.

26. Если ненависть прикрывается наединѣ, то откроется злоба его въ народномъ собраніи.

27. Кто роетъ яму, тотъ упадетъ въ нее, и кто покатитъ вверхъ камень, къ тому онъ вернется.

28. Лживый языкъ ненавидитъ уязвимыхъ имъ, и лстивыя уста готовятъ паденіе.

мага глупцемъ (ст. 2), а также—необходимость физическаго воздѣйствія для его вразумленія (ст. 3). Въ ст. 4—5 равнины усматривали прямое противорѣчіе, но это противорѣчіе мнимое: въ ст. 4 имѣется въ виду одинъ моментъ проявленія глупости, когда всякія увѣщанія и обличенія глупцу бесполезны (ст. 4 б),—въ ст. 5—предписывается разоблачать глупость, чтобы предупредить превозношеніе глупца мнимою мудростью; въ одномъ случаѣ ничтожество глупца само собою очевидно; въ другомъ оно требуетъ нарочитаго разоблаченія. Далѣе, глупость освѣщается со стороны—полнаго неискusstва и неспособнсти глупаго ни къ какому полезному дѣлу (ст. 6—9),—незаслуженнаго счастья (ст. 10) коснѣнія въ своемъ неразуміи (ст. 11) и снова—самопревозношенія и самонадѣянности (ст. 12). Выраженіе ст. 11 приводится во 2 Петр. II, 22.

13—16. Въ изображеніи здѣсь лѣнивости повторяются дословно черты, ранѣе высказанныя Премудрымъ, см. ст. 13 и XII, 14; ст. 15 и XIX, 24.

17—19. Въ ст. 18 образно—посредствомъ сравненія высказывается мысль о крайнемъ вредѣ неумѣстныхъ шутокъ и забавъ.

20—28. Въ образной и прямой рѣчи (ст. 20—21) высказывается вредъ раздоръ и ссоръ. Ст. 24—25—предостереженіе противъ опасности со стороны лицемерія; въ

ГЛАВА 27-я.

1. Не хвались завтрашнимъ днемъ, потомучто не знаешь, что родитъ тотъ день.

2. Пусть хвалить тебя другой, а не уста твои,—чужой, а не языкъ твой.

3. Тяжелъ камень, вѣсокъ и песокъ; но гнѣвъ глупца тяжелѣе ихъ обоихъ.

4. Жестокъ гнѣвъ, неукротима ярость; но кто устоитъ противъ ревности?

5. Лучше открытое обличеніе, нежели скрытая любовь.

6. Искренни укоризны отъ любящаго, и лживы поцѣлуй ненавидящаго.

7. Сытая душа попираетъ и согъ, а голодной душѣ все горькое сладко.

8. Какъ птица, покинувшая гнѣздо свое, такъ человекъ, покинувшій мѣсто свое.

9. Мать и куреніе радуютъ сердце: такъ сладокъ *всякому* другъ сердечнымъ совѣтомъ своимъ.

10. Не покидай друга твоего и

друга отца твоего, и въ домъ брата твоего не ходи въ день несчастья твоего: лучше сосѣдъ вблизи, нежели братъ вдали.

11. Будь мудръ, сынъ мой, и радуй сердце мое,—и я буду имѣть, что отвѣчать злословящему меня.

12. Благоразумный видитъ бѣду и укрывается; а неопытные идутъ впередъ и наказываются.

13. Возьми у него платье его, потомучто онъ поручился за чужаго, и за сторонняго возьми отъ него залогъ.

14. Кто громко хвалитъ друга своего съ ранняго утра, того сочтутъ за злословящаго.

15. Непрестанная капелъ въ дождливый день и сварливая жена—равны:

16. кто хочетъ скрыть ее, тотъ хочетъ скрыть вѣтеръ и масть въ правой рукѣ своей, дающую звать о себѣ.

17. Желѣзо желѣзо остритъ, и человекъ изощряетъ взглядъ друга

ст. 26—мотивъ къ воздержанію отъ злобы и ненависти: неминуемость открытія тайной ненависти. Ст. 28 даетъ обобщеніе предыдущихъ наставленій.

XXVII.

1—6. Противъ самохвальства, ревности и лицемерія. — 7—14. Похвала умѣренности истинной дружбѣ и разумности. — 15—16. О сварливой жель. — 17—22. О проныцательности, заботливости; объ алчности. — 22—27. Увѣщаніе къ разумному и бережливому веденію хозяйства.

1—6. Мысль ст. 1 о неумѣстности со стороны человека всякихъ рѣшительныхъ предположеній о завтрашнемъ днѣ подробно выражена у апостола Іакова (IV, 13—15). Нравоученіе ст. 2 о непристойности собственной похвалы сдѣлалось ходячею истинною даже житейской мудрости. Въ ст. 3—4 явленія нравственнаго міра—гнѣвъ и ревность—сравниваются то съ физическими предметами (камень, песокъ), то съ моральнымъ же (гнѣвъ, ревность). Мысль ст. 5—6 о превосходствѣ искренняго обличенія любви предъ лицемерными ласками скрытой ненависти встрѣчается еще ниже въ XXVIII, 23.

7—14. Притчи даннаго отдѣла не разъ повторяютъ уже равнѣ высказанныя Премудрымъ мысли, см. ст. 11 съ XXIII, 15; ст. 13 съ XX, 16.

15—16. Сравненіе ст. 15 для сварливой жены встрѣчалось уже выше XIX, 13, а ст. 16 усиливаетъ мысль новымъ сравненіемъ.

17—22. Изрѣченіе ст. 18 имѣетъ широкій смыслъ, но ближе всего можетъ обо-

своего.

18. Кто стережетъ смоковницу, тотъ будетъ ѣсть плоды ея, и кто бережетъ господина своего, тотъ будетъ въ чести.

19. Какъ въ водѣ лице—къ лицу; такъ сердце человѣка—къ человѣку.

20. Преисподняя и Авaddonъ—не насытими: такъ несчастими и глаза человѣческіе. (Мерзость предъ Господомъ дерзко поднимающій глаза, и неразумны невоздержные языкомъ).

21. Чтò плавильня—для серебра, горнило—для золота, тò для человѣка уста, которыя хвалятъ его. (Сердце беззаконника ищетъ зла,

сердце же правое ищетъ знанія).

22. Толки глупаго въ ступѣ пестомъ вмѣстѣ съ зерномъ,—не отдѣлится отъ него глупость его.

23. Хорошо наблюдай за скотомъ твоимъ, имѣй попеченіе о стадахъ;

24. потомучто *богатство* не навѣкъ, да и власть—развѣ изъ рода въ родъ?

25. Прозябаютъ трава, и является зелень, и собираютъ горныя травы.

26. Овцы—на одежду тебѣ, и козлы—на покупку поля.

27. И довольно козьяго молока въ пищу тебѣ, въ пищу домашнимъ твоимъ и на продовольствіе служанкамъ твоимъ.

ГЛАВА 28-я.

1. Нечестивый бѣжить, когда никто не гонится *за нимъ*; а праведникъ смѣль, какъ левъ.

2. Когда страна отступить отъ закона, тогда много въ ней начальниковъ; а при разумномъ и знающемъ

мужѣ она долговѣчна.

3. Человѣкъ бѣдный и притѣсняющій слабыхъ,—*то же, что* проливный дождь, смывающій хлѣбъ.

4. Отступники отъ закона хвалятъ нечестивыхъ, а соблюдающіе законъ

значатъ проицательность и энергію во взаимныхъ отношеніяхъ друзей (ср. Евр. X, 24). Въ ст. 18—19 взаимныя отношенія людей рисуются съ новой стороны. Ст. 20 имѣетъ то же сравненіе, какое вранѣ (XV, 11) было употреблено, но оно имѣетъ здѣсь болѣе частый смыслъ, означая страстность, особенно алчность человѣческаго сердца (ср. Сир. XIV, 9). Равнымъ образомъ сравненіе ст. 21 встрѣчалось уже въ XVII, 3. Ст. 22 представляетъ полшуточное выраженіе той мысли, что глупость обычно какъ бы сростается съ самымъ существомъ человѣка, имѣвшаго несчастье подпасть ея вліянію.

23—28. Въ заключительныхъ словахъ главы даются совѣты прилежать двумъ главнымъ родамъ занятій древнихъ евреевъ—скотоводству (ст. 23, 24) и земледѣлію (ст. 25), а вмѣстѣ, въ виду текучести и измѣняемости богатства (ст. 24), совѣтуются простота и умѣренность пищи и образа жизни (ст. 27).

XXVIII.

1—5. О контрастахъ праведныхъ и нечестивыхъ (насилъниковъ).—6—12. Противъ угнетенія бѣдныхъ и всякаго вообще беззаконія.—13—18. Противъ тайнаго служенія грѣху насилій власти и кровожадности.—19—28. Противъ страсти къ приобрѣтенію, насилъничества и проч.

1—5. Во главѣ изображенія нечестиваго и праведнаго ставится противоположное душевное состояніе того и другого: совѣсть нечестиваго всегда мучитъ его, преслѣдуетъ при отсутствіи всякой внѣшней опасности (ст. 1а, сл. Лев. XXVI, 36; Втор. XXVIII, 25).

негодуютъ на нихъ.

5. Злые люди не разумѣютъ справедливости, а ищущіе Господа разумѣютъ все.

6. Лучше—бѣдный, ходящій въ своей непорочности, нежели тотъ, кто извращаетъ пути свои, хотя онъ и богатъ.

7. Хранящій законъ—сынъ разумный, а знающійся съ расточителями—срамитъ отца своего.

8. Умножающій имѣніе свое ростомъ и лихвою соберетъ его для благотворителя бѣдныхъ.

9. Кто отклоняетъ ухо свое отъ слушанія закона, того и молитва—мерзость.

10. Совращающій праведныхъ на путь зла самъ упадетъ въ свою яму, а непорочные насладятся добро.

11. Человѣкъ богатый—мудрецъ въ глазахъ своихъ, но умный бѣднякъ обличитъ его.

12. Когда торжествуютъ праведники—великая слава, но когда возвышаются нечестивые—люди укрываются.

13. Скрывающій свои преступленія не будетъ имѣть успѣха; а кто сознается и оставляетъ ихъ, тотъ будетъ помилованъ.

14. Блаженъ человѣкъ, который всегда пребываетъ въ благоговѣніи; а кто ожесточаетъ сердце свое, тотъ попадетъ въ бѣду.

15. Какъ рыкающій левъ и голодный медвѣдь, такъ нечестивый властелинъ надъ бѣднымъ народомъ.

16. Неразумный правитель много дѣлаетъ притѣсненій, а ненавидящій корысть продолжитъ дни.

17. Человѣкъ, виновный въ пролитіи человѣческой крови, будетъ бѣгать до могилы, чтобы кто не схватилъ его.

18. Кто ходитъ непорочно, тотъ будетъ невредимъ; а ходящій кривыми путями упадетъ на одномъ изъ нихъ.

19. Кто воздѣлываетъ землю свою, тотъ будетъ насыщаться хлѣбомъ, а кто подражаетъ празднымъ, тотъ насытится нищетою.

20. Вѣрный человѣкъ богатъ бла-

Ст. 2 высказываетъ опытно оправданную, напр., въ исторіи Израильскаго и Іудейскаго царства, истину, что крѣпость и благосостояніе государства возможны лишь при твердой власти одного законнаго царя (какъ было въ Іудейскомъ царствѣ), а не при ижезвестѣ узурпаторовъ царской власти (въ израильскомъ царствѣ). Въ ст. 3 стремленіе новаго народнаго начальника быстро обогатиться на счетъ народа приравнивается къ губительному дѣйствию проливнаго дождя, отъ котораго въ тропическихъ странахъ обычно образуются чрезвычайно стремительные потоки, быстро ватѣмъ исчезающіе и оставляющіе за собою губительную засуху. Въ ст. 4—5 заключается рѣзкое противоположеніе нарушителей и хранителей закона (ср. Ис. V, 20).

6—12. Ст. 6 повторяетъ мысль XIX, 1. Ст. 7 см. XXIII, 20; XXIX, 3. Ст. 8 ст. XIII, 22; Іов. XXVІІ, 16—17. Ст. 9 см. XV, 8. Ст. 10 см. XXVI, 27. Ст. 11 см. XXVI, 16. Мысль ст. 12 о благотворности возвелченія праведниковъ и губельности возвышенія грѣшниковъ повторяется и яже XXIX, 2.

13—18. Въ ст. 13 высказывается та, общая Ветхому и Новому Завету (ис. XXXI, 5; I Іоан. I, 9), истина, что свободное чистосердечное исповѣданіе человѣкомъ своихъ грѣховъ приносить ему прощеніе грѣховъ отъ Бога, тогда какъ упорное сокрытіе человѣкомъ грѣховъ своихъ или непризнание ихъ такими ведетъ лишь къ осужденію. Ст. 14 высказываетъ въ качествѣ побужденія къ покаянію и исповѣданію грѣховъ предъ Богомъ—страхъ и благоговѣніе предъ Богомъ, боязни прогнѣвить Его правосудіе нарушеніемъ Его воли. Ст. 15—16, какъ и ст. 2—3, говорятъ объ отрицательномъ и положительномъ типѣхъ носителей власти; очевидно, что здѣсь уже не идеальная точка зрѣнія на царскую власть, а заимствованная изъ наблюденій опыта. Ст. 17—18 говорятъ о нечистой, запятанной и чистой, непорочной совѣстяхъ, и о различныхъ путяхъ и судьбахъ той и другой.

19—28. Предлагаемая въ ст. 19 похвала труду и порицаніе праздности высказывались уже въ XII, 11. Въ ст. 20 восхваляется ижезвѣность и справедливость человѣка и, по контрасту съ тѣмъ, осуждается излишнее стремленіе человѣка къ быстрому обо-

гословеніями, а кто спѣшитъ разбогатѣть, тотъ не останется ненаказаннымъ.

21. Быть лицепріятнымъ — нехорошо: такой человекъ и за кусокъ хлѣба сдѣлаетъ неправду.

22. Спѣшитъ къ богатству завистливый человекъ и не думаетъ, что нищета постигнетъ его.

23. Обличающій человека найдетъ послѣ большую пріязнь, нежели тотъ, кто льститъ языкомъ.

24. Кто обкрадываетъ отца своего и мать свою и говорить: „это не

грѣхъ“, тотъ — сообщникъ грабителямъ.

25. Надменный разжигаетъ ссору, а надвѣющийся на Господа будетъ благоденствовать.

26. Кто надвѣется на себя, тотъ глупъ; а кто ходитъ въ мудрости, тотъ будетъ цѣль.

27. Дающій нищему не обидѣетъ; а кто закрываетъ глаза свои отъ него, на томъ много проклятій.

28. Когда возвышаются нечестивые, — люди укрываются, а когда они упадутъ, — умножаются праведники.

Г Л А В А 29-я.

1. Человекъ, который, будучи обличаемъ, ожесточаетъ выю свою, внезапно сокрушится, и не будетъ ему исцѣленія.

2. Когда умножаются праведники — веселится народъ, а когда

господствуетъ нечестивый — народъ стенаетъ.

3. Человекъ, любящій мудрость, радуется отцу своему; а кто знаетъ съ блудницами, тотъ расточаетъ имѣніе.

гащенію, какъ само по себѣ, такъ и потому, что такое стремленіе обычно соединяется съ нравственно не безуречными средствами пріобрѣтенія (ср. XX, 21; XXI, 5). Лицепріятіе на судѣ осуждалось не разъ и прежде: XVIII, 5; XXIV, 23, осуждается и здѣсь — ст. 21. Ст. 22 восполняетъ сказанное въ ст. 21, указывая на послѣдствія неумѣренной страсти къ пріобрѣтенію. Указываемое въ ст. 24 преступленіе заклеяно, какъ позорнѣйшее, еще въ Притчи XIX, 26, а особенно въ словахъ Спасителя Мѡ. XV, 5; Мрк. VII, 11. Высокомѣріе и самонадѣянность — ст. 25 — осуждались еще въ XXI, 4; сн. XIII, 10; XV, 18; XXIX, 22. Ст. 26, въ противоположность тому, указывае ть мудрость въ отсутствіи самонадѣянности и въ надеждѣ на Бога. Ст. 27 осуждаетъ немилосердіе къ бѣднымъ (ср. Втор. XV, 7; 2 Кор. IX, 9). Ст. 28 повторяетъ мысль ст. 12.

XXIX.

1—7. Противъ разныхъ видовъ нравственной нечувствительности и ожесточенности.—8—11. Противъ страсти къ раздорамъ, кровожадности и гнѣвливости.—12—17. Увѣщаніе правителямъ къ справедливому и милостивому правленію, а воспитателямъ — къ серьезному и строгому воспитанію дѣтей.—18—23. Противъ беззаконія, необузданности, гнѣвливости и высокомѣрія.—24—27. Противъ общенія съ нечестивыми въ ихъ преступленія, противъ человекоугодничества; поученіе страху Божию и благочестію.

1—7. Въ ст. 1 осуждается глубокая нераскаянность человека, не внимающаго никакимъ вразумленіямъ, откуда бы ни исходили призывы къ исправленію: это такъ часто обличаемая въ Пятокнижій, „жестоковѣдность“ (Исх. XXXII, 9; XXXIII, 3;

4. Царь правосудіемъ утверждаетъ землю, а любящій подарки—разоряетъ ее.

5. Человѣкъ, лстящій другу своему, разстиляетъ сѣть ногамъ его.

6. Въ грѣхѣ злаго человѣка — сѣть для него, а праведникъ веселится и радуется.

7. Праведникъ тщательно вникаетъ въ тяжбу бѣдныхъ, а нечестивый не разбираетъ дѣла.

8. Люди развратные возмущаютъ городъ, а мудрые утишаютъ мятежъ.

9. Умный человѣкъ, судясь съ человѣкомъ глупымъ, сердится ли, смѣется ли, — не имѣетъ покоя.

10. Кроважидные люди ненавидятъ непорочнаго, а праведные заботятся о его жизни.

11. Глупый весь гнѣвъ свой изливаетъ, а мудрый сдерживаетъ его.

12. Если правитель слушаетъ ложныя рѣчи, то и всѣ служащіе у него нечестивы.

13. Бѣдный и лихонемецъ встрѣчаются другъ съ другомъ; но свѣтъ глазамъ того и другаго даетъ Господь.

14. Если царь судить бѣдныхъ

по правдѣ, то престолъ его навсегда утвердится!

15. Розга и обличеніе даютъ мудрость; но отрокъ, оставленный въ небреженіи, дѣлаетъ стыдъ своей матери.

16. При умноженіи нечестивыхъ умножается беззаконіе; но праведники увидятъ паденіе ихъ.

17. Наказывай сына твоего, и онъ дастъ тебѣ покой и доставитъ радость душѣ твоей.

18. Безъ откровенія свыше народъ необузданъ, а соблюдающій законъ — блаженъ.

19. Словами не научится рабъ, потому что хотя онъ понимаетъ ишь, но не слушается.

20. Видалъ ли ты человѣка опрометчиваго въ словахъ своихъ? на глупаго больше надежды, нежели на него.

21. Если съ дѣтства воспитывать раба въ иѣгѣ, то впоследствии онъ захочетъ быть сыномъ.

22. Человѣкъ гнѣвливыи заводитъ ссору, и вспыльчивыи много грѣшитъ.

23. Гордость человѣка унижаетъ его, а смиренный духомъ приобретаетъ честь.

24. Кто дѣлится съ воромъ, тотъ

XXXIV, 9. Втор. IX, 6; XXXI, 27 и др.). ср. XXVIII, 14. Ст. 2 сн. XXVIII, 12, 28. Ст. 3 сн. VI, 26; XXVIII, 7. Въ ст. 4 - 7 проявленіемъ нравственнаго огрубѣнія представляется въ особенности неправосудіе (ст. 4, 7) и лезть (ст. 5).

8—11. Здѣсь идетъ рѣчь объ обнаруженіяхъ грѣховности и злобы человѣческой въ жизни.

12—17. Въ ст. 12—14 продолжается изображеніе явленій социальной и отчасти политической жизни, а въ ст. 15 и 17 говорится о необходимости здраваго охраненія и надлежащей постановки и самаго основанія общественной жизни — воспитанія дѣтей (ср. XXIII, 13).

18—23. Ст. 18 утверждаетъ необходимость живого пророческаго слова въ разъясненіе и охраненіе закона; бѣдность такого слова, а тѣмъ болѣе полное отсутствіе его въ извѣстныхъ временахъ (ср. 1 Цар. III, 1; Ос. III, 4; Ам. VIII, 12; Пс. LXXXIII, 9) сопровождается уадукомъ истинной религіи и нравственности въ народѣ (ср. Исх. XXXII, 25). Ст. 19 заключаетъ приложеніе ветхозавѣтной педагогики съ ея физическими мѣрами воздѣйствія къ системѣ отношеній господъ къ рабамъ. Ст. 20 сн. XXVI, 12. Ст. 21 дополняетъ мысль ст. 19, ср. Сир. XXXIII, 21. Ст. 22 сн. XV, 18. Ст. 23 сн. XV, 33; XVI, 18.

24—27. Воспроизводи и углубляя требованія закона, Премудрый внушаетъ (ст. 24) слушателямъ своимъ всячески избѣгать какаго-либо сообщества съ нечестивыми въ ихъ преступленіяхъ, даже простымъ сокрытіемъ послѣднихъ (ср. Лев. V, 1). Къ такому сокрытію можетъ побуждать человѣка человѣкоугодничество и страхъ предъ людьми (ст. 25);

ненавидитъ душу свою; слышитъ оное проклятіе, но не объявляетъ о томъ.

25. Боязнь предъ людьми ставитъ сътъ; а надѣющійся на Господа будетъ безопасенъ.

26. Многіе ищутъ *благосклоннаго*

лица правителя, но судьба чело-
вѣка—отъ Господа.

27. Мерзость для праведниковъ—
человѣкъ неправедный, и мерзость
для нечестиваго—идуцій прямымъ
путемъ.

Г Л А В А 30-я.

1. Слова Агура, сына Іакеева. Вдохновенныя изрѣченія, *которыя* | сказалъ этотъ чело-
вѣкъ Іеиилу, | Іеиилу и Укалу:

но для чело-вѣка вѣрующаго и благочестиваго, по ученію Премудраго, выше всего должно стоять чувство страха Божія (ст. 25а), и лишь у Бога, какъ всеправеднаго Судьи, чело-вѣкъ долженъ искать истины и правды (ст. 26). Заканчивается глава (XXIX), а вмѣстѣ и вся группа Притчей въ гл. XXV—XXIX, мыслью о глубокой нравственной противоположности и полной разъединенности и отчужденіи праведниковъ и нечестивыхъ (ст. 28 св. XI, 20; XXVШ, 4).

XXX.

1. Надписаніе.—2—6. Введеніе къ послѣдующему, съ размышленіями о необъятности міроздавія, о величій и всемогуществѣ Божіемъ и о значеніи и непреложности слова Божія.—7—10. Молитва приточника къ Богу о сохраненіи его отъ крайностей въ обладаніи матеріальными благами и отъ соблазновъ невѣрія и нечестія; въ связи съ иредыдущимъ—наставленіе (ст. 10), запрещающее злословить раба при его господствѣ.—11—14. Четыре притчи о разныхъ видахъ нечестія.—15—16. О неважности разныхъ видовъ.—17. Вставочное сужденіе о тяжести грѣха непочтительности къ родителямъ.—18—20. Непонятное въ мірѣ физическомъ и чело-вѣческомъ.—21—23. Нѣчто трудно переносимое въ силу кажущейся неестественности.—24—28. Малое по видности и вмѣстѣ великое по значенію.—29—31. Аналогія царя въ царствѣ животныхъ.—32—33. Предостереженіе отъ высокомерія и гнѣвливости.

1. Смысл и значеніе даннаго надписанія, какъ и надписанія ст. 1 гл. XXXI, въ древности и въ новое время понимались неодинаково, въ зависимости отъ того, принималось ли еврейское Agur за собственное имя, имя нарицательное или еще иначе. Таргумъ признаетъ это слово собственнымъ именемъ неизвѣстнаго царя, Мидрашъ, напротивъ, считаетъ такимъ же аллегорическимъ именемъ Соломона, какъ Когелегъ или Екклезіастъ, тоже и многіе раввины, а также блаж. Іеронимъ, видящій въ Агурѣ Соломона, а въ Іакее—Давида: *verba congregantis filii vomentis (Vulg.) LXX* же въ своемъ переводѣ устраняютъ самую мысль о какомъ-либо Агурѣ—царѣ. Слав.: „сія глаголетъ мужъ вѣрующимъ Богови, и почиваю“. Въ новое время многіе западные толкователи готовы были видѣть въ Агурѣ, какъ затѣмъ и въ Лемуилѣ, царя или вообще правителя Идумейской области Масса (Быт. XXV, 14; 1 Пар. I, 30), имѣя въ виду употребленное въ обоихъ случаяхъ—XXX, 1 и XXXI, 1 евр. *масса*; при этомъ оба эти лица, Агуръ и Лемуилъ, почитаются или язычниками или прозелитами іудейства. Со всею точностью и безспорностью вопросъ едва ли можетъ быть рѣшенъ. Однако болѣе основательно считать

2. подлинно, я болѣе невѣжда, нежели кто либо изъ людей, и разума человѣческаго нѣтъ у меня,

3. и не научился я мудрости, и познанія святыхъ не имѣю.

4. Кто восходилъ на небо и исходилъ? кто собралъ вѣтеръ въ пригоршни свои? кто завязалъ воду въ одежду? кто поставилъ всѣ предѣлы земли? какое имя ему? и какое имя сыну его? знаешь ли?

5. Всякое слово Бога чисто; Онъ—щитъ уповающимъ на Него.

6. Не прибавляй къ словамъ Его,

чтобъ Онъ не обличилъ тебя, и ты не оказался лжецомъ.

7. Двухъ вещей я прошу у Тебя; не откажи мнѣ, прежде нежели я умру:

8. суету и ложь удали отъ меня, нищеты и богатства не давай мнѣ,—питай меня насущнымъ хлѣбомъ,

9. дабы пресытившись я не отрекся Тебя и не сказалъ: „кто Господь?“ и чтобъ обѣднѣвъ не сталъ красть и употреблять имя Бога моего всуе.

оба названія собственными именами какихъ-то учителей мудрецовъ, изъ которыхъ Лемуилъ былъ несомнѣнно царемъ (XXXI, 1. 4), вѣроятно, правителемъ упомянутой Массы. Объ Агурѣ этого прямо не говорится — евр. *масса* въ XXX, 1 имѣетъ нарицательное значеніе: изреченіе. Вполнѣ допустимо предположеніе, что въ изреченіяхъ Агура (гл. XXX) и Лемуила (XXXI, 1—9) мы имѣемъ произведеніе или по крайней мѣрѣ отзвукъ интеллектуальной культуры „сыновъ востока“ — арабовъ, идумеевъ и др., какъ и въ книгѣ Іова (Іов. I, 3), но подъ опредѣляющимъ и преобразующимъ влияніемъ библейско-еврейскимъ, такъ что ни по содержанію, ни по формѣ рѣчи оба отдѣла не разнятся отъ остальныхъ частей книги. Имя Иеиалъ встрѣчается, какъ имя лица, въ Неем. XI, 7. Какъ и имя Агура, Иеиалъ и Укалъ должны обозначать известныхъ лицъ, — быть можетъ, слушателей, учениковъ Агура.

2—4. Во главу угла своего приточнаго ученія, Агуръ полагаетъ рѣшительное признаніе совершенней ограниченности разумнія и познаній (ст. 2—3) его собственныхъ, а конечно, и вообще людей,—признаніе, полное истинно религіознаго смиренія (ср. ис. LXXII, 22), а вмѣстѣ свойственное истинной философіи (припомнить можно Сократовское: „я знаю только то, что ничего не знаю“). Вопросы ст. 4, подобно вопросамъ рѣчи Іеговы въ книгѣ Іова (гл. XXXVIII), суть ораторскій, поэтичeskій образъ выраженія той мысли, что никто изъ людей не въ состояніи проникнуть въ тайны міротворческой и міропродумывательной дѣятельности Божіей: человекъ — совершенный невѣжда въ разумнія чудеса природы; явленія атмосферы, дождя, снѣга, вѣтра, облаковъ составляютъ лишь предметъ изумленія для человека, образуя собственную, недостижимую для смертнаго, область владычества Творца. Тѣмъ менѣе, конечно, можетъ самъ собою узнать о существѣ самого Творца, плн—особенно въ ветхозавѣтныхъ времена—Сына Его (сказанное въ Притч. VIII, 22 сл. о міротворческой дѣятельности Ипостасной Премудрости Божіей — Сына Божія, видимо, составляло скорѣе неясное предположеніе бытія и дѣятельности Сына Божія, чѣмъ опредѣленное понятіе о Немъ, что сдѣлалось возможнымъ лишь въ Новомъ Завѣтѣ).

5—6. Вмѣсто безплодныхъ и небезопасныхъ умствованій о внутренней жизни Божества и о недоступныхъ человѣческому разумнію тайнахъ творенія, человекъ долженъ тщательно и свято хранить откровенное слово Божіе, вознѣщающее человеку все нужное для его блага и спасенія. Слово Бога чисто (ст. 5, см. ис. XI, 7; XVII, 31), т. е., очевидно и свободно отъ прихвостей человѣческихъ умствованій; и такимъ оно должно оставаться: человекъ не долженъ ничего ни прибавлять къ нему, ни убавлять отъ него (ст. 6, см. Втор. IV, 2; ср. Апок. XXII, 18—19), потому что то и другое было бы искаженіемъ для святости слова Божія, а повинный въ искаженіи его оказался бы лжецомъ. Связь между ст. 4 съ одной стороны и 5—6 съ другой, такимъ образомъ, характеризуется переходомъ отъ природы къ откровенію, отъ сомнѣнія и скепсиса къ положительной вѣрѣ и увѣренности въ истинѣ.

7—9. Въ своеобразной числовой формѣ (ср. Притч. VI, 16) притча обращающа-

10. Не злословь раба предъ господиномъ его, чтобы онъ не проклялъ тебя, и ты не остался виноватымъ.

11. Есть родъ, который проклинаетъ отца своего и не благословляетъ матери своей.

12. Есть родъ, который чистъ въ глазахъ своихъ, тогда какъ не омытъ отъ нечистотъ своихъ.

13. Есть родъ — о, какъ высокомерны глаза его, и какъ подняты рёсницы его!

14. Есть родъ, у котораго зубы — мечи, и челюсти — ножи, чтобы пожирать бѣдныхъ на землѣ и нищихъ между людьми.

15. У ненасытности двѣ дочери: „давай, давай!“ Вотъ три ненасытныхъ, и четыре, которыя не скажутъ: „довольно!“

16. Преисподняя и утроба безплодная, земля, которая не насыщается водою, и огонь, который не говоритъ: „довольно!“

пійся къ Богу съ молитвою приточникъ указываетъ двѣ главныхъ причины грѣха богохульства и богоотступничества: это, во-первыхъ, всякаго рода суета и ничтожество и въ особенности ложь разнаго рода, и, во-вторыхъ, соблазны крайней нищеты и чрезмѣрнаго богатства (ст. 8), взамѣвъ чего Агуръ проситъ у Бога даровать ему утѣренный достатокъ насущнаго хлѣба (ср. Мѡ. VI, 11). Что дѣйствительно излишнее богатство и крайняя бѣдность могутъ располагать человѣка къ тѣмъ религіозно-нравственнымъ проступкамъ, о которыхъ говорится въ ст. 9 разсматриваемой главы, это утверждается и другими библейскими мѣстами, по которымъ — излишнее пресыщеніе благами міра легко приводитъ къ забвенію Бога — такъ, наприм., было не разъ съ цѣлымъ народомъ Воинимъ (Втор. VIII, 12—14; XXXII, 15 сл.); въ свою очередь и крайняя нужда озлобляетъ людей, вызывая ихъ на злословіе, попой и даже на богохульство (Ис. VIII, 21).

10. Въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ заирается принимать участие въ спорахъ господина и раба, чтобы отягченіе вины послѣдняго не имѣло неприятныхъ послѣдствій для лица, вмѣшавшагося въ ихъ взаимныя отношенія.

11—14. Въ этомъ четверостишіи каждый стихъ служить тею для послѣдующаго раскрытія. Такъ, мысль ст. 11, говорящаго о тяжести грѣха непочтенія къ родителямъ (ср. Притч. XX, 20; Исх. XXI, 17), повторяется съ большею силою въ ст. 17; мысль ст. 12 о нравственной нечистотѣ человѣка, мнящаго себя чистымъ, болѣе конкретно раскрыта ниже въ ст. 18—20; о высокомеріи не только говорится ст. 13, но и подробнѣе говорится въ ст. 21—23; упоминаніе въ ст. 14 о вносимомъ насильниками разстройствѣ нормальной соціальной жизни, служить какъ бы поводомъ для подробнаго раскрытія мысли о благѣ общественнаго и государственнаго благоустройства — въ ст. 24—31.

Тогда какъ въ стихахъ 11, 13, 14 бичуемые приточникомъ пороки названы прямо по имени, въ ст. 12 половая распущенность обозначается общимъ и собственно метафорическимъ названіемъ — „нечистота“, евр. *цаа*, собственно: калъ, пометь (4 Цар. XVIII, 27; Ис. XXXVI, 12), всякій экскрементъ (Ис. XXVIII, 8), а затѣмъ уже — нравственная распущенность женщинъ (Ис. IV, 4) и мужчинъ.

15—16. Въ этомъ двустистишіи — на примѣрѣ никогда ненасытныхъ: преисподней, утробы безплодной, раскаленной, жаждущей земли и огия (ст. 16) — раскрывается мысль о безграничности алчности, ненасытности. Идея эта символически представлена въ имени *алука* (ст. 15). LXX передаютъ это названіе словомъ: *βδελγη*. Вулгата — *sanguisuga*, слав. „піявица“. Въ этомъ названіи толкователи видятъ указаніе на нѣкое женское демоническое существо — привидѣніе (подобное упомянутому въ Ис. XXXIV, 14 *лилит*), — одно изъ тѣхъ, которыми народная вѣра и суевѣріе евреевъ (особенно позднѣйшихъ) и другихъ народовъ Востока (арабовъ, индусовъ, персовъ) населяла пустыни и области жилищъ человѣческихъ; судя по словозначенію (*алука* — отъ *алаж* локать), словомъ *алука* обозначалось именно высасывающее у людей кровь демоническое чудовище (въ родѣ вампира западныхъ вѣрованій), чему соответствуетъ латинское „*sanguisuga*“ и слав. „піявица“. Не невѣроятно предположеніе (Цѣкклера и др.) о заимствованіи *каль*

17. Глазъ, насмѣхающійся надъ отцемъ и пренебрегающій покорностью къ матери, выключаютъ ворона дольные, и сожрутъ птенцы орлиные!

18. Три вещи непостижимы для меня, и четырехъ я не понимаю:

19. пути орла на небѣ, пути змѣя на скалѣ, пути корабля среди моря и пути мужчины къ дѣвицѣ.

20. Таковъ путь и жены прелюбодѣйной: поѣла и обтерла ротъ свой и говоритъ: „я ничего худого не сдѣлала“.

21. Отъ трехъ трясется земля, четырехъ она не можетъ носить:

22. раба, когда онъ дѣлается царемъ; глупаго, когда онъ дб-сыта вѣсть хлѣбъ;

23. позорную женщину, когда она выходитъ замужъ, и служанку, когда она занимаетъ мѣсто госпожи своей.

24. Вотъ четыре малыхъ на землѣ, но они мудре мудрыхъ:

25. муравьи—народъ не сильный, но лѣтомъ заготовляютъ пищу свою;

26. горныя мыши—народъ слабый, но ставятъ дома свои на скалѣ;

27. у саранчи нѣтъ царя, но выступаетъ вся она стройно;

28. паукъ лапками цѣпляется, но бываетъ въ царскихъ чертогахъ.

29. Вотъ трое имѣютъ стройную походку, и четверо стройно выступаютъ:

30. левъ, силачъ между звѣрями,

названія *алука*, такъ и всего изреченія ст. 15—16 изъ иностранныхъ вѣрованій (индійскихъ и др.), слѣды которыхъ естественнѣе всего находятъ среди изреченій Агура, какъ и въ книгѣ Иова (см. O. Zö kler in Lange. Bibelwerk. Die Sprüche Salomonis. S.S. 211—212. Ср. у А. Глаголева, Ветхозавѣтное библейское ученіе объ ангелахъ. Кіевъ. 1900, стр. 626).

17. Сн. XX, 20; XXIII, 22.

18—20. Въ этомъ трехстишія главная его мысль, представляющая раскрытіе мысли ст. 12-го, высказанна въ ст. 20: это—мысль объ омерзительности и безстыдствѣ прелюбодѣяннн. Но эта мысль въ ст. 18--19 подготавливается четырьмя сравненіями: сравниваются—1) путь орла на небѣ; 2) путь змѣи на скалѣ; 3) путь корабля среди моря, и 4) и путь мужчины къ дѣвицѣ. Пунктъ сравненія всѣхъ этихъ предметовъ—частію неприятность движенія ихъ, главному же образомъ—ихъ загадочность, непонятность. Первая черта связываетъ съ этими стихами и стихъ 20-й, принимающій тѣснѣе всего къ послѣднему сравненію ст. 19-го. Евр. *алма*, передаваемое у LXX-ти обычно *παρθένος*, по коренному значенію—*puella pubilis, virgo matuta*, дѣвица, достигшая половой зрѣлости (см. Быт. XXIV, 43; Исх. II, 8; Ис. VII, 14; Пс. LXXVII, 26; П. п. 3; VI, 8).

21—23. Здѣсь развивается мысль ст. 13 о пагубности высокомерія и гордости, при чемъ отбѣняется еще особая несносность гордости въ томъ случаѣ, когда люди низкаго состоянія достигаютъ высокаго экономическаго и общественнаго положенія. Въ случаѣ этого рода, названные въ ст. 22—23, представляются приточнику ненормальными, нарушающими нравственный міропорядокъ въ отношеніяхъ человѣческихъ, а такъ какъ въ связи съ человѣческимъ міромъ стоятъ и міръ природы, то тѣ аномаліи человѣческой жизни, о которыхъ говорится въ ст. 22—23, по словамъ ст. 21, невыновны и для самой земли, и она отъ нихъ трясется (ср. Ам. VII,—11).

24—28. Мысль о внутренней цѣнности предметовъ, по видимости, малыхъ здѣсь развивается всключительно въ сравненіяхъ въ міра животныхъ и насекомыхъ, на примѣрѣ которыхъ показывается необходимость и польза мудрости, энергіи, стройной субординаціи и настойчивости въ достиженіи цѣлей. Въ ст. 28 еврейское слово *семамит*, передаваемое въ русск. синод.: „паукъ“, традиціею еврейскою, подтверждаемой и данными археологін, понималось: „ящерица“ (см. у проф. А. А. Олесницкаго, Ветхозавѣтный храмъ, стр. 854), LXX: *καλαβότης*. Vulg. *Stellio*.

29—31. Только въ концѣ этого трехстишія высказывается мысль о важности и значеніи царской власти для благоустройства общества,—мысль въ ст. 30 и 31а вы-

не посторонится ни передъ кѣмъ;

31. конь и козелъ, (предводитель стада,) и царь среди народа своего.

32. Если ты въ заносчивости своей сдѣлалъ глупость и помыслилъ злое, то положи руку на уста;

33. потому что какъ сбиваніе молока производитъ масло, толчекъ въ носъ производитъ кровь, такъ и возбужденіе гнѣва производитъ ссору.

ГЛАВА 31-я.

1. Слова Лемуила царя. Наставленіе, которое преподала ему мать его:

2. что, сынъ мой? что, сынъ чрева моего? что, сынъ обѣтовъ моихъ?

3. Не отдавай женщинамъ силу твоихъ, ни путей твоихъ губительницамъ царей.

4. Не царямъ, Лемуиль, не царямъ пить вино, и не князьямъ—сикеру,

5. чтобы налившись они не забыли закона и не превратили суда всѣхъ угнетаемыхъ.

6. Дайте сикеру погибающему и вино—огорченному душею;

7. пусть онъ выпьетъ и забудетъ бѣдность свою и не вспомнитъ больше о своемъ страданіи.

8. Открывай уста твои за безгласнаго и для защиты всѣхъ сиротъ.

9. Открывай уста твои для право-

сказанная лишь образно. А связь съ предыдущимъ отдѣломъ (ст. 24—28) такова: если и при отсутствіи власти частная инициатива мудрости, энергіи, сплоченности можетъ давать благопріятные результаты, то при наличіи твердой царской власти польза всего этого чрезвычайно возрастаетъ.

32—33. Убѣщаніе къ восстановленію нарушеннаго мира представляетъ развитіе XV, 18.

XXXI.

1—9. Наставленія царямъ царя Лемуила, преподанныя ему его матерью.—10—31. Похвала добродѣтельной женѣ.

1. Имя Лемуила, евр. *Лемуил* (ст. 1) или *Лемоил* (ст. 4), подобно имени Агура (XXXI), традиція повняла тоже въ смыслѣ нарицательнаго („Deo deditus“) и считала его символическимъ именемъ Соломона. Но въ новое время обычно видятъ въ немъ собственное имя царя области Масса въ Идумѣ (Быт. XXV, 14).

2—9. Наставленія матери царя (очевидно, нѣжно имъ любимой и также его любившей, ст. 2) заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, наказъ царскаго служенія въ самой сжатой формѣ. Подобно Моисееву закону о царѣ (Втор. XVII, 14 сл.), наказъ этотъ заповѣдуетъ царю осмотрительность и воздержаніе отъ двухъ источниковъ духовно-тѣлеснаго расслабленія: пристрастія къ женщинамъ (ст. 3) и къ вину (ст. 4—5); взаимнѣе чего заповѣдуются выше всего имѣть попеченіе о правосудіи царскомъ вообще и о правосудіи и милосердіи особенно при разбирательствѣ дѣлъ бѣдныхъ (ст. 8—9), 6—7. Если вино царямъ и правителямъ способно приносить лишь вредъ, помрачая ихъ сознаніе и лишая ихъ возможности правильнаго употребленія и отправленія важнѣйшихъ сторонъ своего званія, напр. судейской (ст. 5), то вино—въ силу присущей ему всеелящей сердце человѣка силы (по. Слп, 15) имѣетъ благотворное вліяніе для всякаго

судія и для дѣла бѣднаго и нищаго.

10. Кто найдетъ добродѣтельную жену? цѣна ея выше жемчужовъ;

11. увѣрено въ ней сердце мужа ея, и онъ не останется безъ прибытка;

12. она воздастъ ему добромъ, а не зломъ, во всѣ дни жизни своей.

13. Добываетъ шерсть и ленъ, и съ охотою работаетъ своими руками.

14. Она, какъ купеческіе корабли, издалека добываетъ хлѣбъ свой.

15. Она встаетъ еще ночью и раздаетъ пищу въ домъ своему и урочное служанкамъ своимъ.

16. Задумаетъ она о полѣ, и приобрѣтаетъ его; отъ плодовъ рукъ

своихъ насаждаетъ виноградникъ.

17. Препоясываетъ силою чресла свои и укрѣпляетъ мышцы свои.

18. она чувствуетъ, что занятіе ея хорошо, и—свѣтильникъ ея не гаснетъ и ночью.

19. Протягиваетъ руки свои къ прялкѣ, и персты ея берутся за веретено.

20. Длань свою она открываетъ бѣдному, и руку свою подаетъ нуждающемуся.

21. Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ея одѣта въ двойную одежду.

22. Она дѣлаетъ себѣ ковры; виссонъ и пурпуръ—одежда ея.

рода огорченныхъ душою, поскольку, между прочимъ, даетъ скорбящему временно забыть удручающую его печаль. Это изреченіе ст. 6—7 позднѣйшее іудейство примѣнило къ казненнымъ, которымъ во время страданій давали пить вино—для утоленія нестерпимой жажды и для притупленія сознанія; это дѣло состраданія было примѣнено и къ страдающему на крестѣ Спасителю (Мѡ. XXVII, 34). Въ ст. 8—9 царю не только заповѣдуются строго держаться правосудія, особенно въ отношеніи къ бѣднымъ, по смыслу закона Моисеева (сн. Втор. I. 17 XXVII, 19), но совѣтуется и больше: быть для бѣднѣшаго бѣдняка на судѣ не только правдивымъ судьей, во вмѣстѣ и защитникомъ, адвокатомъ,—развивать на судѣ не одну формальную правду, но и высшую милость, какъ подобное о себѣ свидѣтельствовавъ Іовъ (Іов. XXIX, 15—16.)

10—31. Алфавитная рѣчь этихъ 22 стиховъ, содержащая похвалу добродѣтельной женѣ, матери семейства и хозяйкѣ дома, составляетъ, по удачному выраженію одного изслѣдователя (Дедерлейна) „золотую грамату женщинъ“. И, дѣйствительно, здѣсь полнѣе всего и типичнѣе выразился возвышенный взглядъ библейскихъ евреевъ на достоинство и положеніе женщины въ семьѣ, на отношеніе ея къ мужу, дѣтямъ и домашнимъ. Параллельной или подобной этой похвалѣ мы не найдемъ во всей всемірной литературѣ древности, образъ „добродѣтельной жены“ Притчей превзойденъ лишь въ Новомъ Заветѣ образомъ жены христіянки. Какъ и въ другихъ алфавитныхъ библейскихъ произведеніяхъ (исс. XXXIII, CXVIII и др. Плач. гл. I—IV) въ разсматриваемомъ отдѣлѣ отдѣльные стихи не тѣсно примыкаютъ другъ къ другу, однако всѣ объединены общою темою: совершенства жены добродѣтельной здѣсь раскрываются съ опредѣленныхъ сторонъ—неутомимой дѣятельности, всеобъемлющей заботливости, милосердія, разумности.

10—22. Добродѣтельная жена (ср. XII, 4) изображается сначала со стороны домашней ея дѣятельности (ст. 11—22), а затѣмъ со стороны содѣйствія и помощи ея мужу въ общественной дѣятельности его (ст. 23 и дал.). Первое достоинство добродѣтельной жены—полное довѣріе ей ея мужа (ст. 11); при этомъ здѣсь, какъ и въ послѣдующей рѣчи, на первомъ планѣ стоитъ хозяйственная дѣятельность жены. По любви къ мужу (ст. 12), жена—хозяйка дома беретъ на себя всѣ разнообразныя хозяйственныя обязанности и исполняетъ ихъ совершеннѣйшимъ образомъ. Прежде всего, по обычаю древности, собственноручно приготовляетъ матеріалы—шерсть и ленъ— для одежды членамъ семьи (ст. 13), какъ затѣмъ—изготавливаетъ ткани и для продажи за границу (ст. 24.) Равнымъ образомъ предметомъ особой заботливости жены является добываніе и раздача членамъ семьи пищи, пищу служанкамъ заботливая хозяйка раздаетъ еще въ глубокое утро (ст. 14—15), давая имъ собственный примѣръ дѣятельности и трудолюбія. Хозяйственная дѣятельность доблестной жены, не ограничиваясь предѣлами дома, простирается и далѣе—на приобрѣтеніе новыхъ участковъ земли для насажденія хлѣба и виноград-

23. Мужъ ея извѣстенъ у воротъ. когда сидитъ со старѣйшинами земли.

24. Она дѣлаетъ покрывала и продаетъ, и поясы доставляетъ купцамъ Финикійскимъ.

25. Крѣпость и красота— одежда ея, и весело смотреть она на будущее.

26. Уста свои открываетъ съ мудростью. и кроткое наставленіе на языкѣ ея.

27. Она наблюдаетъ за хозяй-

ствомъ въ домѣ своемъ и не ѣсть хлѣба праздности.

28. Встаютъ дѣти и ублажаютъ ее,— мужъ, и хвалить ее:

29. „много было женъ добродѣтельныхъ, но ты превзошла всѣхъ ихъ“.

30. Милovidность обманчива и красота суетна; но жена, боящаяся Господа, достойна хвалы.

31. Дайте ей отъ плода рукъ ея, и да прославятъ ее у воротъ дѣла ея!

ника (ст. 16). Въ своемъ трудѣ она чувствуетъ себя крѣпкою, и имѣетъ во всемъ успѣхъ (ст. 17—18). Работа, напр. пряденіе, у жены-хозяйки, нерѣдко идетъ и ночью (ст. 19). Всѣмъ своимъ достаткомъ доблестная жена удовлетворяетъ не только домашнихъ, но дѣлится и съ бѣдными, протягивая руку помощи всякому нуждающемуся въ ней; такъ что и въ отношеніи благотворительности, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, жена добродѣтельная является образцовою. Домашнимъ такой хозяйки не страшна зима и стужа, такъ какъ всѣ члены семьи у нея одѣты не только достаточно тепло, но и красиво (ст. 21—22).

23—27. Мужъ доблестной жены, не отвлекаемый заботами о домашнихъ и хозяйственныхъ дѣлахъ, особенно же благодаря создаваемой трудомъ жены доброй славѣ всего дома, приобретаетъ почетную извѣстность въ народѣ, всецѣло посвящаетъ себя общественной дѣятельности—ва востокѣ сосредоточенной у городскихъ воротъ—и занимаетъ мѣсто въ ряду старѣйшинъ (ст. 23). Жена хозяйки производитъ своими руками столь много издѣлій прядильнаго и ткаческаго мастерства, что ихъ остается ей на продажу Финикіянамъ (ст. 24). Имѣя успѣхъ въ прошломъ и настоящемъ (ст. 18а), даровитая и трудолюбивая женщина бодро смотритъ и въ будущее (ст. 25). Не только каждое дѣло, но и всякое слово свое жена обдумываетъ, и говоритъ лишь полезное и назидательное (ст. 26). Въ домѣ своемъ она поддерживаетъ строгій порядокъ, чтобы всѣ члены семьи, по призыву ея, трудились и трудомъ приобретали пищу (ст. 27).

28—31. Плодомъ и наградомъ великихъ достоинствъ добродѣтельной жены является глубокая признательность ей мужа и дѣтей, восторженно прославляющихъ ея разнообразныя совершенства. Въ ряду послѣднихъ особенно отъбѣняется страхъ Божій, отличающій добродѣтельную жену и составляющій ея истинную цѣнность (ст. 50). Славу своей достойной супруги и матери они выносятъ къ свѣдѣнію всего общества (ст. 31).

Свщ. А. Глаголевъ.